

Государственное образовательное учреждение высшего образования
Московской области
«Московский государственный областной
гуманитарный институт»

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт языкознания РАН

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русского языка РАН

ФГБОУ ВПО

Ульяновский государственный университет
Институт международных отношений

Кафедра гуманитарных дисциплин Рузаевского института машиностроения
Мордовского государственного университета

Мозырский государственный педагогический университет
имени И.П. Шамякина (Беларусь)

ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ: Психологические и лингвистические аспекты

Материалы XV-й Международной
научной конференции
(Орехово-Зуево, 13-15 мая 2015 года)

Москва-Орехово-Зуево, 2015

УДК 81'23
ББК 81.001.3
Я 41

Редколлегия:

доктор филологических наук, профессор *А.В. Пузырёв* (Орехово-Зуево; отв. редактор);

доктор филологических наук, профессор *Е.Ф. Тарасов* (Москва);

доктор философских наук, профессор *А.А. Гагаев* (Рузаевка).

*Печатается по решению оргкомитета
XV-й Международной научной конференции
«Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты»*

Я 41 Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: Материалы XV-й Международной научной конференции (Орехово-Зуево, 13-15 мая 2015 г.) / Отв. ред. проф. А.В. Пузырёв. – М.: Московский Ин-т языкознания РАН, Институт русского языка РАН; Орехово-Зуево: ГОУ ВО МО «Московский государственный областной гуманитарный институт», 2015. – 167 с.

В сборнике представлены результаты исследований вечной проблемы психологии и лингвистики – «язык и мышление». Особое внимание уделено рассмотрению проблемы «язык и мышление поэта и писателя».

Предназначено лингвистам, психологам, студентам, специалистам смежных областей знания.

ISBN 978-5-87471-183-2

© Коллектив авторов, 2015

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В настоящих материалах отражены проблематика и результаты исследований в области одной из «вечных» для науки тем – «Язык и мышление», причём в конференции оказались задействованными специалисты-смежники – философы, психологи, лингвисты, педагоги и др.

Объединение усилий учёных-смежников под одной обложкой вызвано несколькими причинами. Самой важной из них является стремление ответить за просу времени преодолеть концептуальную разобщённость учёных различных научных специальностей, их практическое игнорирование друг друга. Думается, что материалы настоящей конференции являются своего рода попыткой синтеза различных подходов по отношению к одной и той же проблеме – проблеме взаимосвязей между мышлением человека и его языком (пусть даже попыткой весьма неполной и несовершенной).

При формировании сборника материалов конференции, при распределении поступивших докладов и сообщений по секциям редколлегия по-прежнему исходила из первого правила Рене Декарта «для руководства ума»: «Все науки настолько связаны между собою, что легче изучать их все сразу, нежели какую-либо одну из них в отдельности от всех прочих» (Р.Декарт 1936: 49). Именно поэтому материалы конференции группировались не по принципу рода занятий участников конференции, но по принципу восхождения от абстрактного к конкретному. Методологической базой для распределения докладов конференции по конкретным аспектам является универсальная схема научного исследования, предложенная в середине 80-х годов 20-го столетия философом (доктором философских наук, профессором) А.А.Гагаевым.

Спецификой настоящих материалов является то, что значительная часть из них посвящена проблеме «Язык и мышление поэта и писателя». Полагаем, что организация и проведение международной конференции с такой проблематикой встретит не менее благожелательное отношение, чем и ранее проведённые.

Ещё одна отличительная особенность проводимой в Орехово-Зуево конференции – посвящение ряда материалов 70-летию со дня Победы.

Редколлегия считает своим долгом оговориться, что при подготовке к опубликованию доклады и сообщения подвергались минимальной правке, они публикуются в авторской редакции, и ответственность за уровень преподнесения, как это и принято в научном мире, полностью ложится на плечи авторов.

Редколлегия

ОБЩЕПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ОБЩЕЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ *ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ*

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ В ГЕНЕТИЧЕСКОМ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТАХ

Канд. филол. наук Ван Минци (Линьши, Китай)
wtmq2008@sina.com

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОБРАЗА СОБАКИ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Язык является важнейшим носителем культуры и средством выражения идей. Через языковую картину мы можем заметить, как люди из разных стран мыслят и сознают мир. Собака – обычное домашнее животное, которое играет важную роль в жизни представителей различных народов. Выявим, каково метафорическое значение, составляющее культурный фон образа собаки в русском и китайском языковом сознании.

Русские и китайские люди признают, собака – это верный друг человека, его спутник, защитник и помощник, она имеет исключительные качества, такие как преданность, например: *собачья верность, без собаки зайца не поймаешь; И собака ласковое слово знает; 儿不嫌母丑, 狗不嫌家贫* «Мать ребенку никогда не кажется некрасивой, собака никогда не досадует на бедную семью». Здесь переносный смысл – дети любят мать, не обращая внимания на её внешность, а собака сторожит дом, не думая о бедности или богатстве хозяина. *狗恋旧主人* «Собака скучает по старому хозяину».

Хотя русский человек никогда и не употреблял мясо собаки, но всё-таки в ходу фразеологизм «Собаку съесть в чем-либо» для обозначения человека, который обладает основательными знаниями в чем-либо, умениями, навыками, большим опытом. Такого смысла вообще не существует в китайском языке.

Народ обеих стран любит собаку, подтверждает её положительный образ, но ещё чаще пользуется метафорическим переносом для выражения неодобрения, даже отвращения к ней. В этом их взгляды на собаку схожи.

1. Брань

И русские, и китайцы обращают внимание на дурное поведение собаки, которое ассоциируется со сквернословием, бранью, ссорами, сплетнями, пустословием.

В русском языке: *сукин сын; собачиться (просторечное: браниться, ссориться.); (послать) к чертям собачьим*. В религиозных представлениях евреев и мусульман собака – нечистое животное.

В китайском языке тоже немало таких ругательных словосочетаний. Например: *狗崽子* (буквально: «собачий щенок») – «бран. сукин сын»; *狗杂种* «бран. собачий ублюдок»; *狗娘养的* «бран. вскормленный сукой, сукин сын»; *狗东西* «мерзавец»; *落水狗* (буквально: «упавшая в воду собака») – попавший в беду негодяй; негодяй, который потеряет власти или влияния; *狗腿子* «подхалим, прихвостень, прислужник»; *癞皮狗* (буквально: «пёс паршивый, плешивая собака») – грязный, подлый человек. Поэтому по отношению к недругам используют выражения, в которых собака ассоциируется со злостью, отсутствием собственного мнения, даже глупостью.

2. Характеристика положения или состояния (о человеке)

Очень бедная жизнь или очень трудное, тяжелое, невыносимое, крайнее в своем проявлении положение в русском языке выражается: *собачьи условия, собачья жизнь*; (*устал, замёрз, голоден, злой, надоел, ругается*) как *собака*. В китайском *狗窝* «собачье логово» означает плохие условия жизни; *狗命* «собачья жизнь» – жалкое (презренное) существование; *累的跟狗似的* «устал как собака».

3. Безделье

Выражает пребывание в праздности, занятие пустым делом. Имеется в виду, что человек развлекается, проводит время в бесцельных забавах. Говорится с неодобрением. *Собак гоняет, гуляет как собака*. В китайском языке также есть подобные выражения: *斗鸡走狗* (буквально «травить петухов и подстрекать собак к бегу»).

4. Отрицательная характеристика (о речи и мыслях)

Следующие словосочетания выражают крайне отрицательное отношение к предмету речи, а также выражение недовольства, возмущения кем-либо, чем-либо. В русском языке: *ерунда [чушь] собачья, бред собачий*. В китайском: *狗屁* «чушь, ерунда»; *狗屁不通* «несуветная чепуха (чушь)».

5. О неисправимости чего-либо; кого-либо.

Русские и китайцы считают, что собака не может изменить свою натуру. *Чёрного кобеля не отмоешь добела* (江山易改, 禀性难移). *Из собаки блох не выколотишь*. *狗改不了吃屎* (буквально «собака не может изменять природную привычку есть кал») – характер трудно изменяется.

6. Злость и коварство

Злой человек не показывает своего естества, а проявляющий свой характер человек не может навредить, что выражают таике пословицы: *Не бойся собаки брехливой, а бойся молчаливой; Не той собаки бойся, что громко лает, а той, что исподтишка хватает*. *咬人狗儿不露齿* (буквально: «кусающая собака не показывает зубов»), *爱叫的狗不咬人* (буквально: «та собака не кусает, которая лает»).

Россия и Китай имеют разное географическое положение и культуру, поэтому собака в двух языках носит разную коннотативную экспрессивную оценку. В русском языке следующими словосочетаниями выражается количество: *как собак нерезаных* – очень много кого-, чего-либо, преимущественно людей; а

в китайском *多如牛毛* (так же много, как шерстинок у быка) означает бесчисленное множество, чего не счесть. (*Как*) *собака на сене* по смыслу соответствует китайской поговорке *占着茅坑不拉屎* (занял выгребную яму, но не срет, ни себе, ни людям) или *占着鸡窝不下蛋* (буквально означает сидеть в курятнике, но не нестись). В русском языке лексема собака также используется для концептуализации семантики ненужности и бесполезности, обвинения, трудности действия : *нужен как собаке пятая нога, собаке (псу) под хвост; вешать собак на кого-либо; с собаками не сыщешь* и т.д..

Китайцы часто называют своих сыновей *犬子* (буквально собачий ребенок; уничиж. мой сын), в древности данное выражение использовалось, чтобы подчеркнуть скромность говорящего. В китайском языке негативное отношение к собаке отражается и во фразеологизмах, в которых образ собаки чаще всего сочетается с другими животными. *猪狗不如* (буквально «хуже свиньи и собаки») – подлый человек; низменное поведение; *狐朋狗友* (буквально *狐* «лиса; лисий»; *朋/友* «друг, приятель»; *狗* «собака; собачий») – дурная компания; банда мошенников.

Из-за различий природной среды, культурно-исторических реалий, из-за разного познания мира, человек фиксирует результаты познания в словах. Суть метафоры – другим типом вещей понять и познать определенный предмет. Таким образом, сравнительный анализ словосочетаний с лексемой «собака» русского и китайского языков позволяет выявить специфику мировосприятия носителей разных языков.

Список литературы

Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70000 слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – 22 изд., стер. – М.: Русский язык, 1990. 737 с.

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by.* – Chicago : University of Chicago Press. 1980.

3. Складарская Г. Н. Метафора в системе языка. – СПб.: Наука, 1993.

*Доктор филол. наук Н.В.Дмитрюк, канд. филол. наук Г.А.Темирбекова
(Шымкент, Казахстан)*

nvdmitr@yandex.ru; Temirbekova.Galiya@mail.ru

ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВНУТРИЭТНИЧЕСКИХ СОПОСТАВЛЕНИЙ В ПСИХОЛИНГВИСТИКЕ

Межъязыковые и межкультурные сопоставительные исследования в психолингвистике с использованием ассоциативных методик давно являются объектом исследования многих ученых и составляют основу весьма серьезных открытий. Большинство этих исследований определяются плоскостью синхронического исследования взаимодействия языков и культур.

Особый интерес, на наш взгляд, представляют сопоставительные исследования внутрикультурного, внутриэтнического характера, когда речь идет о сравнении этноса с самим собой в диахроническом аспекте, т.е. о различного

рода изменениях, преобразованиях и трансформации языкового сознания и менталитета одного и того же этнокультурного сообщества / этноса в разные периоды своего существования.

Такого рода исследования становятся в последнее время все более актуальными и широко востребованными в европейской и российской психолингвистике, где свободные ассоциативные эксперименты проводились ранее, и на их основе были созданы ассоциативные словари разных языков. Например, российские ассоциативные исследования отмечены в 1970-х годах выходом в свет первого Словаря ассоциативных норм русского языка под редакцией А.А.Леонтьева [1977]; затем в 90-е годы создавался и вышел из печати Русский ассоциативный словарь, или ассоциативный тезаурус [1994-1998]; в 2004 году в Славянском ассоциативном словаре зафиксированы ассоциативные реакции уже третьего поколения русских респондентов – поколения «нулевых» годов. В настоящее время идет активная работа по проведению САЭ с четвертым поколением представителей русского этноса – составляется очередной русский ассоциативный тезаурус. Таким образом, у российских ученых есть возможность сравнивать, как, в чем и насколько изменились ценностные ориентиры, мировоззрение и ментальный климат русского этноса в разные эпохи – в советский и пореформенный периоды и в настоящее время.

Такая же уникальная возможность сопоставления казахской ментальности, представленной в призме ассоциативных исследований, существует и у нас, поскольку в тот же советский период, когда проводились ассоциативные исследования в России, Украине, Белоруссии, Молдавии, Киргизии, аналогичные ассоциативные эксперименты были проведены и в Казахстане (в Алма-Ате, 1960-е годы) А.А.Залевской и несколько позже Н.В.Дмитрюк (Чимкент, 1970-е годы), на основании которых был создан Казахско-русский ассоциативный словарь [Дмитрюк 1986, 1998].

Таким образом, материалы проведенного нами в советское время первого массового свободного ассоциативного эксперимента с представителями казахского этноса (и созданного на его основе первого казахско-русского ассоциативного словаря) можно сопоставить с материалами нынешнего эксперимента и, соответственно, с содержанием нынешнего ассоциативного словаря [Дмитрюк и др. 2014]. И сейчас, и 30 лет назад информантами были, в основном, студенты разных вузов и специальностей, проживающие в южных регионах страны, общим числом более 1000 человек, так что основания для сопоставления можно считать вполне коррелирующими.

При этом следует отметить, что несколько изменился Список слов-стимулов, заданных в ассоциативном анкетировании, однако для выявления ядра языкового сознания, составляющего основу языковой картины мира этноса, этот фактор особого значения не имеет: «Любой, достаточно большой список слов-стимулов приводит к одному и тому же для каждой данной культуры ядру языкового сознания, т.е. к центральным для данного образа мира понятиям в их соотношении друг с другом – в их системности. Можно предположить, что системность и состав ядра языкового сознания как раз и отражают системность

и наполнение существующих в коллективном бессознательном этнических констант» [Уфимцева 2000, с. 216-217].

Задачей ближайших перспективных исследований в казахстанской психолингвистике может стать выявление области *совпадений* ассоциативных реакций (этнические константы, область неизменного в коллективном сознании этноса на определенном отрезке времени), а также области *изменений* (трансформация и преобразование языкового сознания казахов в постсоветский, пореформенный и современный период).

Такая перспектива этнопсихолингвистических исследований представляется вполне репрезентативной и обладает высоким эвристическим потенциалом.

Цитируемая литература

Дмитрюк Н.В. Казахско-русский ассоциативный словарь. – Шымкент-Москва, 1998. 246 с.; или <http://dmitryuk-nv.livejournal.com>

Дмитрюк Н.В., Молдалиева Д.А., Нарожная В.Д. и др. Қазақша ассоциациялық сөздік. Казахский ассоциативный словарь. – Алматы-Москва: Медиа-ЛогоС, 2014. 340 с.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание и образ мира славян // Языковое сознание и образ мира. – М.: ИЯ РАН, 2000. С. 207-219.

М.В.Маравина (Ульяновск)

maravina-m-v-2005@rambler.ru

ИНВАРИАНТНЫЕ И ВАРИАТИВНЫЕ ЧЕРТЫ ПОСЛОВИЦ НА СИНТАКСИЧЕСКОМ ЯРУСЕ

Как известно, пословицы являются чрезвычайно выразительным речевым материалом и демонстрируют чуть ли не все теоретически возможные средства выразительности.

Вслед за Ю.М.Скребневым нами выделяются следующие уровни стилистических явлений: стилистические явления, соответствующие традиционно выделяемым ярусам языка (фонетическому, морфологическому, лексическому, синтаксическому), и стилистические явления семасиологического характера. Есть все основания полагать, что на всех указанных уровнях наблюдаются как общие (инвариантные), так и специфические (вариативные) выразительные средства языка, используемые в пословицах.

К *парадигматическим* явлениям **синтаксиса** в пословицах прежде всего относятся недостаток элементов (в т.ч. эллипс), избыток элементов (включая пролепс, полисиндетон), инверсия, изменение синтаксической функции предложения. Под нейтральной структурой при этом понимается «элементарная двусоставная (подлежащно-сказуемая) модель, т. е. модель, не содержащая избыточных элементов и не являющаяся структурно неполной, – конструкция предложения с нормальным, обычным для данного языка порядком следования компонентов, исполняющего обычную для данной структуры (не пересмысленную) синтаксическую функцию» [Ю.М.Скребнев 1975: 109; Ю.М.Скребнев 2003: 77].

Стилистической значимостью обладают эллиптические (неполносоставные) предложения, а также предложения, в которых отсутствуют те или иные строевые элементы. Под эллиптическими предложениями при этом понимаются предложения с теми или иными нулевыми членами.

Типичным для русских пословиц является использование двусоставных эллиптически неполных предложений: *Жизнь пережить – не поле перейти; В мире жить – мирское (рядовое) и творить*. Использование эллипса в подобных предложениях создаёт эффект разговорной речи. *Come not to counsel uncalled* («не советуй, когда тебя об этом не просят») – отсутствие вспомогательного глагола *do* способствует созданию эффекта наличия архаической конструкции.

Стилистической значимостью в пословицах обладают такие явления избыточности синтаксической структуры, как некоторые разновидности повтора, например, полисиндетон (повторение союзов), осложнённая однородными членами предложения, обособленными членами предложения (деепричастным оборотом, сравнительным оборотом), вводными словами, обращением, использованием прямой речи: *На пословицу, на дурака, да на правду – и суда нет* (осложнённая однородными косвенными дополнениями); *Beware of “Had I wist”* «Опасайся таких слов, как: «Если бы я только знал» (осложнённая прямой речью) и т.д.

Стилистически выразительна инверсия: необычное размещение компонентов пословицы привлекает к себе внимание, выполняя экспрессивную функцию. Несомненно, что во флективных языках с варьирующим порядком слов (напр., русский) инверсия менее значима, чем в языках, где порядок слов синтаксически регламентирован (напр., английский).

Можно выделить и подлежащно-сказуемую инверсию – такой порядок слов, при котором сказуемое предшествует подлежащему: *Остёр меч, да некого сечь; Богаты невесты, да до венца; Хвалит сваха чужу сторону, а сама в неё ни по́ ногу*. В английских пословицах подлежащно-сказуемая инверсия нами не обнаружена.

Стилистически выразительно переосмысление синтаксических значений, напр., использование риторических вопросов: *I proud and thou proud, who shall bear the ashes out?* («Я гордый и ты гордый, и кто тогда будет выносить золу?»); *На что и меч, коли некого сечь?* Отметим, однако, немногочисленность такого рода пословиц.

К **синтагматическим** явлениям **синтаксиса** в пословицах прежде всего относятся синтаксический повтор (параллелизм), лексико-синтаксические повторы (анафора). К синтагматическим явлениям синтаксиса в пословицах относятся также синтаксическое деление (деление по смыслу) на ритмически соизмеримые части. Это способствует чёткости выражения мысли в пословицах [В.П.Аникин 1957: 42].

В качестве иллюстрации параллелизма, т.е. уподобления структур двух или более смежных предложений, могут выступить следующие пословицы: *Чужие дураки – загляденье каки; а наши дураки – невесть каки; The first degree of folly is to hold one’s self wise, the second to profess it, the third to despise counsel*

(«первая степень глупости – считать себя мудрым, вторая – заявлять об этом, третья – относиться к советам с презрением»).

Только в русском языке наблюдаются ряды вполне самостоятельных пословиц, построенных на параллелизме синтаксических конструкций (который иногда дополняется анафорическим предлогом *из* или эпитетическим глаголами *знать, держать*):

На молодой жениться – с молодцами не водиться.

Богатую взять – станет попрекать!

Хорошую взять – много будут люди знать.

Умную взять – не даст слова сказать.

Знатную взять – не сумеет к работе пристать.

Из дворянства взять – надо много убору держать.

Из посадских взять – много книг (вина) держать.

Грамотницу взять – станет праздники разбирать.

Церковного чину взять – кутейником станут звать.

Из приказных взять – надо приказный порядок знать.

Из холопства взять – будут пересмехать.

Из крестьянства взять – от компании отстать.

Худую взять – стыдно в люди показывать.

Убогую взять – нечем содержать.

Старую взять – часто с нею хлопотать.

Фабричную взять – дома не собрать.

Слепую взять – всё растерять.

Пьяницу взять – будет крадучи вино покупать.

Таким образом, к инвариантным средствам выразительности в русских и английских пословицах **на синтаксическом ярусе** относится использование синтаксического параллелизма, риторических вопросов, эллипса (в широком значении этого слова), избыточности синтаксической структуры, инверсии, которая в английских пословицах обладает большей степенью выразительности. К относительно специфическим средствам выразительности относится использование односоставных обобщённо-личных предложений, притом заметим, что категория обобщённости в русском и английском языках выражается по-разному. Вариативной, абсолютно специфической чертой русских пословиц являются ряды вполне самостоятельных пословиц, построенных на параллелизме синтаксических конструкций.

Докт. филос. наук А.А. Кретов (Воронеж)

КОМПОЗИТЫ В РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

Цель исследования – выявить и описать формальные и семантические модели порождения композитов, представленных в русских народных сказках.

Объект исследования – сборник русских народных сказок [Афанасьев 1984-1985]. Предмет исследования – организация составных номинаций-композиций, понимаемых как дефисные написания, объединяющие две и более одинаковые части

(например, *фу-фу* или *ши-ши-ши*) или две полнозначные части, каждая из которых способна быть членом предложения (например, *правда-истина*).

Корпус исследования – 5769 словоупотреблений 1356 композитов. По количеству элементов композиты делятся на: 1) четырёхчленные – 1, 2) трёхчленные – 22, 3) двучленные – 1333. В группах 1) и 2) - по преимуществу – онома-топеи.

Отмечен процесс сращение членов словосочетания через утрату способности к словоизменению первых членов композита: от *океана-моря* к *океан-море*, *океан-моря*. Аномальность композита *рыба-сом*, *рыбу-сом*, *рыбы-сом* (со склоняемой первой частью и несклоняемой второй) вызвана тем, что *рыба-сом* – часть рифмованной номинации *рыба-сѡм с большим усѡм*. Рифма *сом-усѡм* требует неизменности слова *сом*, иначе рифма будет разрушена, но субстантивная номинация в русских сказках должна склоняться, что и обеспечивает не привязанное к рифме слово *рыба* (*рыбу*, *рыбы*).

Модели порождения композитов описаны с формальной (морфемной и метрической: силлабической и силлабо-тонической) и содержательной стороны.

Двучленные композиты распадаются на две части: меньшую – модель X-X (260 словоформ), и большую – модель X-Y (1073 словоформы). При этом тождество корня и семантики может осложняться и разнообразиться различием аффиксов. Асимметричная модель X-Y может разнообразиться тождеством аффиксов, флексий и рифм.

В композитах обнаруживается лингвистический аналог первого начала термодинамики: «В любой изолированной системе запас энергии остаётся постоянным» Дж. Джоуль (1842 г.) – «**В любой составной номинации соотношение тождеств и различий остаётся постоянным**»: тождество корней сопровождается различием аффиксов, а различие корней – тождеством аффиксов. В наблюдаемом явлении просматривается сходство и с законом сохранения материи. При этом отношения *тождеств-различий* можно поставить в соответствие с соотношением *информации-энтропии*. В таком случае лингвистическая версия первого начала термодинамики окажется законом сохранения информации в композитах.

В композитах типа X-X преобладают глаголы и отсутствуют существительные, а среди глаголов преобладают формы несовершенного вида прошедшего времени: *спал-спал*, *шел-шел*, *бежал-бежал*, *били-били* и т.п. Инфинитивные композиты: *знать-знать*, *искать-искать* и др. отсутствуют в современном литературном языке и редки в диалектах.

В порядке убывания количества слогов композиты типа X-X распределяются в последовательности 2-3-1-4-5 слогов, что свидетельствует о рецессивности односложных номинаций в языке русских сказок. Применение к исследованию ритмической структуры композитов типа X-X аппарата традиционной силлабо-тоники свидетельствует о преобладании хорей и хорейческих размеров, что неожиданно на фоне известного факта преобладания ямба в литературной силлабо-тонической поэзии.

Среди номинаций типа X-Y преобладают существительные: 66%, на втором месте глаголы: 22%. Разнородные в частеречном отношении композиты типа *Подмети-шесток* весьма редки или сомнительны: *право-слово, одним-днем*.

Привлечение в качестве аналога для объяснения композитов техники праиндоевропейского языка оказалось продуктивным: найдены аналоги полной, частичной, «ломаной» редупликации и даже инфиксации (*цар-царан*).

В асимметричных композитах нормой является (отмеченная Р.О. Якобсоном) бóльшая сложность второй части, а наибольшую распространённость имеют модели X-pX (аналог частичной редупликации – *крепко-на/крепко, тень > *те/тень > по/те/тень*) и X-Xs (аналог ломаной редупликации – *царь-царевич*).

Композиты типа *Кот-Котович, Ворон-Воронович* указывают сразу на две особенности мифологического мышления в языке сказок: на анимизм – неразличение мира животных и мира людей, и на этиологичность – отождествление сущности явлений (людей, фактов живой и неживой природы) с их происхождением. В композитах типа *король-королевич, поп-попович* можно видеть редупликацию, указывающую на истинный, высший вид данного социального статуса.

Особый интерес представляют рифмованные композиты *тина-плотина, убил-загубил, биться-рубиться, няньки-маньки, травка-муравка*. в которых просматривается становление поэтической функции языка (в понимании Р. Якобсона).

С точки зрения формы 90% композитов типа X-Y имеют маркированную вторую часть. У 7% маркирована 1-ая часть. И только 3% представляют собой эквиполентную оппозицию.

В композитах типа X-Y преобладают модели «эквоним-эквоним» (21% – *безногий-безрукий, груши-яблоки, гуси-лебеди* и т.д.) и «синоним-синоним» (17% – *беда-горе, бой-драка, были-жили, шлёпанцы-хлопанцы* и т.п.).

В синонимических номинациях преобладает маркированность второго члена, но уже – семантическая. Следовательно, семантические отношения между членами композита воспроизводят их формальные отношения, что является частным проявлением **общего закона переноса чувственно воспринимаемого на ментальное в языке и культуре**¹ (ср. рекурсивные структуры в фольклоре и литературе, а также понятие *жёсткого, смягчённого* и *мягкого* критериев тождества сюжетных морфем в [Кретов 2013: 222-223, 244; Кретов 2014: 247]).

Синонимичным номинациям свойственна **о б р а т и м о с т ь** (*были-жили* и *жили-были, закручинился-запечалился* и *запечалился-закручинился*), возникающая при условии ритмической симметрии.

Список номинаций, построенных по модели X(x)-Y(x), позволяет реконструировать фольклорные синонимические ряды:

¹ Насколько нам известно, таким образом этот закон формулируется впервые.

например, композиты *беды-напаст* и *горя-печали* объединяются номинацией *беда-горе* в синонимический ряд *беда-напасть-горе-печаль*.

Эквонимические композиты типа *вину-хлебу*, *злато-серебро*, *города-села*, *поля-луга*, *садовники-огородники*, *ужа-змеи* современному сознанию представляются квазилогичными, потому что порождены иным – мифологическим типом сознания. Эти композиты возникли на ранних этапах перехода от первобытнообщинного строя к классовому обществу, когда потребность в общих понятиях уже возникла, а специализированных средств для их передачи ещё не существовало. Назначение составных номинаций модели $X(\text{эквоним})-Y(\text{эквоним})$ – удовлетворить возникшую потребность людей в обозначении общих понятий. Была найдена специальная техника: эти понятия передавались сочетанием *эквонимов* – слов, обозначающих два видовых понятия, принадлежащих одному роду. Тем самым родовая сема оказывалась выраженной дважды и усиленной. Если модель $X(x)-Y(x)$ является собой семантический аналог полной редупликации или *полную семантическую редупликацию*, то модель $X(\text{э})-Y(\text{э})$ является аналогом частичной редупликации или *частичной семантической редупликацией*. Эта техника соответствует введенному К.Леви-Стросом понятию *бриколажа*. Композиты модели $X(\text{э})-Y(\text{э})$ в силу своей семантической симметричности так же обратимы, как и композиты модели $X(x)-Y(x)$: содержание дифференциальной семы «д» оказывается несущественным по сравнению с тождеством интегральной семы «И»: *вино-пиво*, *пиво-вино*; *ели-пили*, *пили-ели*; *мед-пиво*, *пиво-мед* и др. Требование ритмической изоморфности здесь соблюдается менее строго.

Композиты типа *Иван-царевич* и *Марья-царевна* свидетельствуют не только об этиологичности мифологического мышления, но и о том, что герой сказок – человек в своих высших физических и социальных проявлениях.

Композиты типа *налим-рыба*, *окунь-рыба*, *щука-рыба* ведут себя, как синонимы, причём гипероним (род) подобен доминанте синонимического ряда, содержащей одну Интегральную сему (И), а гипоним (вид), кроме семы (И) имеет ещё и дифференциальную сему (д), таким образом, рассмотренные композиты с семиотической точки зрения представляют собой привативную оппозицию с маркированным первым членом: $(Ид)-(И) \approx (X^+)-(X)$. Использование сходного типа номинаций $(И)-(Ид) \approx (X)-(X^+)$: *животное собака*, *рыба камбала*, *растение картошка* в поэзии Н. Заболоцкого производит сильное впечатление.

Композиты типа **(гипоним)-(гипероним)** и **(гипероним)-(гипоним)** также обладают свойством обратимости (*обратимость* частей композита можно считать показателем их семантического тождества) из чего следует, что в языке сказок гипо-гиперонимические отношения трактуются подобно синонимическим и эквонимическим. Это явление объясняется такой особенностью мифологического мышления как *тождество части и целого*, вытекающее из открытого для него Леви-Брюлем закона «партиципации» (сопричастности).

Композиты типа *царь-ворон*, *царь-горох*, *царь-змей*, *царя-змея*, *царь-лев*, *царь-медведь*, *сестёр-коз* указывают на один из фундаментальных принципов сказочного мироустройства – закон неисклѳченного третьего

[Леви-Брюль 1994; Голосовкер 1987], когда животное, имея внешний облик козы, ведёт себя, как человек. Во всех сказках (за исключением бытовых) животные (а порой – растения и неодушевлённые предметы) в то же самое время являются людьми.

Композиты *баба-яга*, *бабкою-повитушкою*, *бабку-бельматку*, *бабку-ворожейку*, *бабушка-задворенка* vs. *старуха-говоруха*, *старуху-нищю*, интересны прежде всего оппозицией *баб(ушк)а:старуха*. Первая обладает магической силой, вторая нет. Причина видится в оппозиции «репродуктивность : не репродуктивность». Кроме того, корень *баб-* указывает на пол, а корень *стар-* на возраст.

В композите *ведьма-змея*, обнаруживаем не только переносы человеческих свойств на животных, но и звериных – на людей.

Ещё одной яркой демонстрацией незаурядных креативных возможностей *б р и к о л а ж а* является исключительно глагольная модель **(x)-(y)**: *бежит-спотыкается*, *едет-дремлет*, *играет-выговаривает*, *стоит-поворачивается*: задолго до появления деепричастий люди нашли возможность обозначать два одновременно совершающихся события.

Частеречно разнородные композиты типа *Мети-шесток*, *Подмети-шесток*, *Пеки-пирог*, *Поддай-челнок*, *Огня-вздувай*, *Трубу-закрывай*, представляющие собой полные императивные предложения, не случайно пишутся через дефис: это имена дочерей лисы.

Рассмотрение метрики асимметричных композитов потребовало по аналогии с *пентонами* I-V (для пятисложных метров) дополнить существующую терминологию терминами *гексоны* I-VI для шестисложных метров (*выговáривает*, *уговáривала*) и *септоны* I-VII – для семисложных (*перевёртывается*, *поворáчивается*).

В силлабически симметричных композитах типа X-Y распространённость их убывает в последовательности: 3-2-4-1-5-слов. 1/3 номинаций силлабически симметрична, большее 1/2 – построены по возрастанию длины во второй части (что является нормой). И лишь 12% – построены от большей длины к меньшей.

При учете места ударения (силлабо-тоника) первые три места по распространённости занимают симметричные композиты: «амфибрахий-амфибрахий»: (*смотрела-дивилась*), «ямб-ямб» (*давай-примай*), «хорей-хорей» (*пили-ели*). При этом хорейческие части асимметричных композитов номинаций составили 54%, а ямбические – 46%.

Наш материал свидетельствует о преобладании в композитах русских народных сказок хорейческих размеров.

Асп. А.С.Морозова (Ульяновск)
anna.morozova05@gmail.com

ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В БРИТАНСКИХ И РУССКИХ НАРОДНЫХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ

Данная статья посвящена вопросам языкового выражения гендерных отношений в британских и русских волшебных сказках. Эти отношения в русских и британских волшебных сказках выражаются во многом общим, а во многом и

специфическим образом. Указанная специфичность проявляется в степени активности говорящих мужчин и женщин в волшебных сказках, в количестве высказываний внутри реплик мужчин и женщин и т.п.

На сегодняшний момент большинство исследований в сфере гендерной лингвистики затрагивают современную разговорную речь. Однако, гендер и гендерные отношения по-разному проявляются не только в различных культурно-языковых сообществах, но и на различных этапах исторического развития этих сообществ.

Для того, чтобы отследить изменения речевых особенностей межгендерной коммуникации в русском языке и в языке других народов, в частности в английском, необходимо исследовать гендерные шаблоны мышления и межгендерного коммуникативного поведения в источниках, которые несут в себе исходные модели речевого поведения, отражающие народное сознание. К таким источникам относятся прежде всего народные сказки. Наше внимание привлекли волшебные народные сказки, поскольку основной темой волшебной сказки является семейная ситуация, повествование о женихах и невестах, т.е. гендерные отношения выступают наиболее ярко.

Нами было выявлено, что женщины в русских сказках более активны, чем мужчины: женщина немного чаще является инициатором речевой ситуации (Таблица 1.1). Следует отметить, что когда нами используются понятия «больше» или «меньше», «чаще» или «реже», то наши утверждения основываются не на количественных, а на статистических показателях (используется «хи-квадрат критерий»).

Таблица 1.1. Инициатор речевой ситуации в русских сказках

Пол	Всего речевых ситуаций		Инициатор речевой ситуации	
	К-во	%	К-во	%
Мужской	100	100	43	43
Женский	100	100	57	57

Приведем несколько примеров, в которых женщина выступает инициатором коммуникации:

Он такой красавец, что зрел бы, смотрел на него, очей не сносил. Вот он и выходит, Дружневна-королевна спрашивает его: «Как звать тебя?» – «Меня, – говорит, – звать Ангусий» (не сказывают правду). – «А роду какого?» – говорит. «Отец у меня был пономарь, печи клал да сапоги шил. А мать у меня была мерзачка, по соломам таскалася» [Ю.Г.Круглов 1989: 527].

Так. Королевна стала обносить чару, угощать всех. Всех обнесла, не могла найти своего суженого. Потом заглянула как-то нечаянно за печку и увидела там Ивана: «А вы что здесь, – говорит, – молодец? Выпейте чару!» Потом увидела – у него завязан лоб тряпкой, и говорит: «Этта что у вас?» Иван отвечает: «Ходил за грибами в лес да и на сук напоролся» [Ю.Г.Круглов 1989: 75-76]

Иная ситуация наблюдается в британских волшебных сказках, что удобно наблюдать в таблице 1.2:

Таблица 1.2. Инициатор речевой ситуации в британских сказках

Пол	Всего речевых ситуаций		Инициатор речевой ситуации	
	К-во	%	К-во	%
Мужской	100	100	69	69
Женский	100	100	31	31

С чем связана более активная роль мужчин в британских волшебных сказках? Как указывает Е.Ю.Гетте, мужчинам и женщинам в равной мере свойственна легкость подключения к контакту (Е.Ю.Гетте 2004). Материал русских и британских волшебных сказок демонстрирует существенные различия в коммуникативном поведении мужчин и женщин: если в русских сказках инициатором общения чаще выступают женщины (в 57 случаях из 100), то в британских сказках ситуация принципиально иная – мужчины в 2,2 раза чаще, чем женщины, иницируют общение (в 69 случаях из 100).

Полагаем, что данный вопрос – о существенных различиях в коммуникативном поведении мужчин и женщин в русских и английских волшебных сказках – нуждается в более детальном исследовании, чем мы в дальнейшем и планируем заниматься.

Цитируемая литература

Гетте, Е. Ю. Речевое поведение в гендерном аспекте: проблемы теории и методики описания) [Электронный ресурс]: дис. ... канд. филол. наук / Гетте Елена Юрьевна. – Воронеж, 2004. – 248 с. (<http://www.twirpx.com/file/1268025/>)

Головин Б.Н. Язык и статистика / Б.Н. Головин.– М., 1970. 193 с.

Круглов Ю. Г. Народные сказки. Том 2 / Ю. Г. Круглов.– М.: Возрождение, 1989. 338 с.

Joseph J. English folktales / J. Joseph. – G. P. Putnam's Sons, New York, London, 1892. Режим доступа: http://www.worldoftales.com/European_folktales/English_folktale_22.html

Соискатель И.И.Тукаева (Ульяновск)

ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ СОЦИОТИПИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ПЕРСОНАЖЕЙ *ВОЛКА* И *ЛИСЫ* В РУССКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКЕ

Данная статья посвящена языковому выражению социотипических характеристик персонажей *Волка* и *Лисы* в русской народной сказке. Под социотипическими характеристиками при этом понимаются особенности информационного метаболизма у конкретного индивида.

Типы информационного метаболизма рассматриваются в такой сфере знания, как соционика, или типоведение [А.Л. Митрохина 2010, О.Ф. Потёмкина 2006, Л.М. Комиссарова 2002, В.Д. Ермак 2009, Л.А. Кочубеева 2006,

В.В. Миронов 2006]. Согласно данным, имеющимся в этой сфере знания, человеческое мышление членит действительность в соответствии с четырьмя оппозициями (рациональность-иррациональность, экстраверсия-интроверсия, интуиция-сенсорика, логика-этика), в рамках которых личность проявляет те или иные предпочтения (в результате чего выделяется 16 основных социотипов). Хотя уже достаточно давно исследователи согласны в том, что тип информационного метаболизма напрямую влияет на выбор индивидом тех или иных языковых единиц и синтаксических конструкций, тем не менее языковое выражение социотипических характеристик персонажей сказок о животных ещё не становилось предметом специального исследования.

Если учесть, что *Волк* и *Лиса* являются часто встречающимися персонажами в сказках о животных, а приключения *Волка* и *Лисы* составляют центральный сюжет большей части русских народных сказок, то становится понятен интерес к тому, каким образом в сказках выражаются социотипические характеристики *Волка* и *Лисы*.

Как проводилось наше исследование?

Методом сплошной выборки нами были собраны минимальные контексты из сказок о животных, позволяющие определить тип конкретного персонажа (*Волка* или *Лисы*). Опорой для определения конкретного социотипа стали работы Аушры Аугустинавичуте [А.Аугустинавичуте 1983; 2008; 2008], Отто Крегера и Дженет Тьюсон [О.Крегер 2007], Л.А. Митрохиной [Л.А.Митрохина 2010] и др. о языковом выражении типов информационного метаболизма. В тех случаях, когда для социотипической характеристики персонажа минимального речевого контекста оказывалось недостаточно, нам приходилось выходить на уровень текста, т.е. делать выводы о социотипической характеристике персонажа, основываясь на содержании всего сказочного текста (в прилагаемой ниже таблице такие случаи обозначены цифрой «0»).

Поскольку сказка – относительно небольшой по размеру текст, постольку выводы о социотипических характеристиках Волка и Лисы должны базироваться на количественном преобладании тех или иных конкретных признаков.

В результате обработки контекстов, свидетельствующих о принадлежности высказывания к тому или иному информационному аспекту, мы получили следующую таблицу (значком «???» обозначаются случаи, не допускающие однозначную интерпретацию).

Таблица 1.

Общая характеристика *Волка* в русских народных сказках

<i>Волк</i>				
	+	???	0	Итого:
Рационал	6	1	2	9
Иррационал	26	0	1	27
Экстраверт	21	6	7	33
Интроверт	0	2	0	3
Интуит	19	0	5	24
Сенсорик	7	0	5	12

Логик	17	8	6	31
Этик	4	1	0	5
Итого:	100	18	26	144

Преобладание в характеристиках Волка признаков *иррационал, экстраверт, интуит, логик* в целом позволяет относить этого сказочного персонажа к интуитивно-логическим экстравертам (принятое в соционике название – «Дон Кихот»).

Как **иррационала Волка** характеризуют следующие речевые характеристики:

– использование *глаголов в будущем времени* в значении угрозы, например: «Хорошо же, – думает, – уж я тебе *отплачу*, кумушка!»; «Да я и тебя *разорву*, и твоих поросят за один раз *проглочу*»; или в значении обещания: «Иди со мною, я *выгоню!*»;

– *глаголы в повелительном наклонении* в виде просьбы: «*Возьми* меня с собою»; в виде предложения помощи: «*Садись* на меня, я тебя доведу»; «*Иди* со мною, я выгоню!»; или в виде просьбы о помощи: «*Схорони*, пожалуйста, куда-нибудь, *помоги* горю»;

– использование *союзов* при построении предложений. Союз «*и*» для обозначения быстрого принятия решения: «Вот тебе *и* говядинка!»; или в качестве повторяющего союза: «Да я *и* тебя разорву, *и* твоих поросят за один раз проглочу». Противительный союз «*же*» после согласия, говорящий о том, что согласие временное: «Хорошо *же*, – думает, – уж я тебе отплачу, кумушка!» Союз «*хоть*», выражающий уступку: «Вот придёт ночь, наемся *хоть* этой падлы»;

– использование широкого спектра *частиц* в различных значениях. Среди них: частица «*да*» как усилитель эмоционального воздействия от сказанного: «*Да* я и тебя разорву, и твоих поросят за один раз проглочу»; частица «*ведь*» используется им для большей убедительности: «*Ведь* я на дерево ни за что не взберусь!»; частица «*уж*», также для создания большего эффекта от угрозы: «Хорошо же, – думает, – *уж* я тебе отплачу, кумушка!»; также частица «*бы*» при обозначении желательности какого-либо действия: «Как *бы* на него посмотреть?».

Как *рационал Волк* выступает в сказках крайне редко, поэтому примеры прямой речи *Волка* как рационала носят единичный характер и сложно поддаются обобщающему анализу. Тем не менее, среди речевых характеристик *Волка* как рационала можем назвать восклицательное предложение, простые предложения с однородными сказуемыми, глаголы в побудительном наклонении, присоединяемая к глаголу в повелительном наклонении частица «-ка», смягчающая просьбу или приказ, глаголы в несовершенном виде – как констатация правила или длительного и повторяющегося действия, синтаксический параллелизм, противительный союз «а» и т.д.

Как *экстраверта Волка* характеризуют:

– восклицательные и вопросительные предложения, риторические вопросы, глаголы в повелительном наклонении: «*Смотри, поправляйся!*»; «*Отдавай старуху!*»; «Так-то учишь ты? Меня всего исколотили!»

– *обращения* в апеллятивной форме в виде существительных, а также повторяющиеся обращения в виде существительного и местоимения: «*Боров, боров, ты куда идёшь?*»; «*Где ты, кума, пропадала?*»

– *пояснения и уточнения*: «*Где волчица зарежет ягнёнка, а всё я, бирюк, виноват.*»

– *простые и составные эмоциональные междометия*: «*Ах ты, мерзкий кобель, – сказал серый волк, – смеешь ты меня бранить?*»; «*Ах, ты, свиная харя!*»

– *вопросительная частица «ли»* в прямом вопросе без отрицания: «*Далече ли бредёшь?*»

Как *интроверт* Волк встречается редко, при этом может говорить, используя *глаголы во втором лице* по отношению к себе: «*Эка, сколько рыбы привалило, и не вытащишь!*»

Волк обычно выступает в качестве *интуита*, что в его речи проявляется в виде использования:

– *глаголов в будущем времени*: «*Постой же, теперь кого ни попаду, уж тот из моих зубов не вырвется!*»; «*Ну, уж теперь я буду знать, что делать!*»;

– *качественных прилагательных и прилагательных в сравнительной степени*: «*Сам иди, ты посмелей меня*»;

– *усилительной частицы «уж» и частицы «ну»* в значении подведения итога: «*Ну, уж теперь я буду знать, что делать!*»;

– *частица «-то»*, присоединяемая к существительному, для самоубеждения, так как он неуверен в своих ощущениях: «*Коли бы я съел козла, у меня брюхо-то было бы полнёхонько.*»

Как *сенсорик* Волк встречается в русских народных сказках редко, при этом речь его характеризуется использованием существительных с уменьшительно-ласкательными суффиксами и расположением прилагательного в постпозиции к существительному: «*Не хочу мясца иного, хочу мясца свиного.*»

Речь Волка как *логика* отличается:

– *простыми односоставными предложениями*: «*Отдавай старуху!*»; «*Подавай старуху!*»;

– *использованием вводных конструкций, вопросами-утверждениями*: «*И то правда, – говорит волк, – где тебе, кумушка, уж идти*»; «*А что, овца, ведь на тебе тулуп-то мой?*»;

– *использованием прилагательных в сравнительной степени*: «*Сам иди, ты посмелей меня*»;

– *противительный союз «а»*: «*Мы все норы обыскали, а тебя не видали.*»

Когда в редких случаях Волк выступает как *этик*, его речь отличается обилием междометий и обращений: «*Эх, кума, кума!*»; этикетными междометиями: «*Здравствуй, пёстрый кобель!*»; использованием качественных прилагательных: «*Здравствуй, милая жена, супоросная свинья!*»; усилительной частицы «уж»: «*Уж я тебе за всё отплачу!*»

Обратимся к образу *Лисы*.

Общая характеристика *Лисы* в русских народных сказках

<i>Лиса</i>				
	+	???	0	Итого:
Рационал	35	0	0	35
Иррационал	9	1	0	10
Экстраверт	16	2	1	19
Интроверт	18	2	6	26
Интуит	4	0	0	4
Сенсорик	38	2	1	41
Логик	7	1	0	8
Этик	33	3	1	37
Итого:	160	11	9	180

Согласно проведённому исследованию, результаты которого приведены в таблице 2, *Лиса* в русских народных сказках принадлежит социотипу этико-сенсорный интроверт, или «Драйзер».

Лиса в русских народных сказках о животных обычно выступает как *рационал*. Её рациональность в речи проявляется в виде:

– *побудительных предложений* с множеством *однородных сказуемых*, указывающих на последовательность действий: «Ты, куманёк, *ступай* на реку, *опусти* хвост в прорубь – рыба сама на хвост нацепляется, да *смотри*, *сиди* подольше, а то *не наловишь*»; «Ну, *вытопи* баньку, *снеси* туда толоконца мешочек, *маслица* горшочек, да старуху, а сам *стань* за двери и *не смотри* в баньку»;

– *вводных слов*: «А *знать*, меня на повой зовут!»;

– обилие *союзов* при построении предложений: «Вот ты, Петя, имеешь у себя пятьдесят жён, а на исповеди ни разу не бывал»; «Ну, *вытопи* баньку, *снеси* туда толоконца мешочек, *маслица* горшочек, да старуху, а сам *стань* за двери и *не смотри* в баньку; барана-то положи, а сам *схоронись*, чтоб он тебя не увидел, а *то*, брат, туго придётся!»;

– *сравнительной степени прилагательных*: «Ты, куманёк, *ступай* на реку, *опусти* хвост в прорубь – рыба сама на хвост нацепляется, да *смотри*, *сиди* подольше, а то *не наловишь*»;

– *обстоятельство условия*: «Давайте-ка *голос* тянуть; *кто не встанет* – того и *есть станем*»; «Дрозд, *накорми* меня, *если не накормишь* – я твоих *детей* *поем*»;

– *риторических вопросов*: «Разве ты не слышал, что к нам из сибирских лесов прислан бурмистр Котофей Иванович»;

– *наречий времени*: «Я *теперь* бурмистрова жена!»; «Я *прежде* была лисица-девица, а *теперь* замужня жена».

Когда в редких случаях *Лиса* выступает как *иррационал*, в её речи встречаются: восклицательные предложения, частица «-ка», присоединяемая к глаголу, в значении принятия неожиданного решения, приставка «по-», в значении

начала действия, и глаголы в будущем времени, в значении обещания или угрозы.

Лиса чаще выступает в качестве *интроверта*, что выражается в целом в её коммуникативном поведении: *Лиса* как *интроверт* никогда не начинает разговор первой, привлекает к себе внимание и ждёт, пока кто-то обратится к ней. В её речи интроверсия проявляется в виде:

– *нераспространённых односоставных предложений*: «Пошевеливается!»;

– *противопоставлений по формуле «свой» – «чужой»*: «Положите *мой* лапоток к *вашим* курочкам».

В качестве *экстраверта* *Лиса* выступает реже. В таком случае её речь отличается обилием вопросов, восклицаний, обращений, местоимений, существительных с уменьшительно-ласкательными суффиксами и т.д.

Лиса как сказочный персонаж обычно выступает в качестве *сенсорика*. При этом её речь характеризуется:

– *прилагательными в сравнительной степени*: «У тебя хоть кровь выступила, а у меня мозг, меня *больней* твоего прибили; я насилиу плетусь»;

– *противопоставлениями по формуле «свой» – «чужой»*: «У тебя хоть кровь выступила, а у меня мозг, меня *больней* твоего прибили»; «Положите *мой* лапоток к *вашим* курочкам»;

– *прилагательными с уменьшительно-ласкательными суффиксами*: «Ну, отдайте мне за него *курочку*»; «Шню, пеню, *бычок*, соломенный *бочок!*»; «*Серёдышек*»; «Ну, вытопи *баньку*, снеси туда *толоконца мешочек, маслица горшочек*, да старуху, а сам стань за двери и не смотри в *баньку*»;

– *закрытыми вопросами*: «Что, Котофей Иванович, *женат ты али холост?*»;

– *неполными предложениями, параллельными конструкциями*: «Ну, любезные куманьки, я нашла для всех поживу: для *тебя, медведь, быка*; для *тебя, волк, барана*, а для *себя петуха*».

Как *интуиит* *Лиса* выступает довольно редко, и примеров речевого выражения интуиции недостаточно для того, чтобы сделать выводы обобщающего характера.

В подавляющем большинстве примеров *Лиса* – *этик*. Речь *Лисы-этика* характеризуется:

– *обилием междометий*: «*Эка*, ведь я же наловила»; «*Эх*, куманёк,– говорит лисичка-сестричка,– у тебя хоть кровь выступила, а у меня мозг, меня *больней* твоего прибили»; «*Ох вы*, мои глазоньки, что вы смотрели, когда я бежала?»; «*И-и*,– говорит лисица,– перепрыгну!»;

– *обилием союзов*: «У тебя хоть кровь выступила, а у меня мозг, меня *больней* твоего прибили»;

– *обилием частиц*: «*Эка*, ведь я же наловила»; «*Уж* я как тебя угощу!»; «*Вот* он вам задаст!»;

– *прилагательными с уменьшительно-ласкательными суффиксами*: «*Серёдышек*»; «О чём, *старичок*, плачешь?»; «Ну, вытопи *баньку*, снеси туда *толоконца мешочек, маслица горшочек*, да старуху, а сам стань за двери и не смотри в *баньку*»; «Пойдем на *гуменцы* золоты *яблочки* катать»;

– *обращениями* в виде местоимений 2-го лица, существительных и местоимений, обращений-повторений, названия собеседника по родству: «Эх, куманёк»; «Оставайтесь, дураки!»; «Кум, кум,– толкает волка,– это что?»; «Что ты, мужичок,– спрашивает она,– так тихо бредёшь?»; «Приходи, куманёк, приходи, дорогой!»; «Кочетунюшка, кочетунюшка!»;

– *восклицательными предложениями*: «Кому кроме тебя!»; «Вот кто съел!»; «Как выскочу, как выпрыгну, пойдут клочки по заулочкам!»;

– *незаконченные предложения*: «Одеваюсь...».

Лиса-логик встречается в русских народных сказках намного реже, и проявлений логичности *Лисы* в речи крайне мало.

Из результатов проведённого анализа видно, что каждая информационная характеристика выступает в виде достаточно чётко очерченного спектра языковых средств. Конечно, наблюдаются своего рода пересечения, когда одни и те же языковые средства встречаются в описании различных социотипических характеристик, поэтому видится необходимость в продолжении работы по уточнению наборов языковых средств каждой из указанных характеристик.

Цитируемая литература

Аугустинавичюте, А. Дуальная природа человека: очерк по соционике / А. Аугустинавичюте. – Вильнюс, 1983. – 56 с.

Аугустинавичюте, А. Социон / А. Аугустинавичюте. – М.: Чёрная белка, 2008. 192 с.

Аугустинавичюте, А. Соционика / А. Аугустинавичюте. – М.: Чёрная белка, 2008. 568 с.

Ермак, В.Д. Как научиться понимать людей. Соционика – новый метод познания человека / В.Д. Ермак. – М.: АСТ, 2005. 528 с.

Ермак, В.Д. Классическая соционика. Системная концепция теории информационного метаболизма психики / В.Д. Ермак. – М.: Чёрная белка, 2009. 472 с.

Комиссарова, Л.М. Лингвосоциотипическая методология изучения языковой личности в русском языке (на материале произведений М. Цветаевой, О. Мандельштама, А. Ахматовой, Н. Гумилёва, Б. Пастернака): дис. ...канд.филол.наук / Людмила Михайловна Комиссарова. – Барнаул, 2002. – 205 с.

Кочубеева, Л.А. Соционика. Семантика информационных аспектов / Л.А. Кочубеева, В.В. Миронов, М.Л. Стоялова. – СПб: АстреХ, 2006. – 146 с.

Крегер, О. Типы людей: 16 типов личности, определяющих, как мы живём, работаем и любим / Отто Крегер, Дженет Тьюсон / пер. с англ. Ю.Ю.Ступак. – М.: АСТ: Астрель, 2007. 348 с.

Митрохина, Л.А. Общая соционика. Информационный метаболизм психики: учебно-практическое пособие / Л.А. Митрохина. – М.: Чёрная белка, 2010. 544 с.

Потёмкина, О.Ф. Психологический анализ рисунка и текста /О.Ф. Потёмкина, Е.В. Потёмкина. – СПб.: Речь, 2006. 524 с.

Розенталь, Д.Э. Универсальный справочник по русскому языку: Орфография. Пунктуация. Практическая стилистика / Д.Э. Розенталь. – М.: Мир и Образование, 2015. 704 с.

Канд. филол. наук Н.А.Филатова (Орехово-Зуево)
ninafilatova@live.ru

К ВОПРОСУ ОБ ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВАХ И ИХ РОЛИ И МЕСТЕ В ЗАИМСТВУЮЩЕМ ЯЗЫКЕ

В словарном составе любого языка имеются иноязычные заимствования, различающиеся по степени освоенности и статусу. Одним из особых разрядов иноязычной лексики в составе заимствующего языка являются экзотизмы. Экзотическая лексика обладает особой семантикой, ей присуща и отличает от других категорий иноязычных слов ее колористическая функция; известна ее терминологическая роль в специальных текстах. Экзотизмы могут быть также средством выражения определенной речевой моды на иностранные слова. Эта их способность связана с их синтетическими свойствами, позволяющими им контрастировать с русскими словами в тексте.

В отношении семантического и стилистического своеобразия экзотизмов, их функций в воспринимающем языке мнения ученых, в основном, совпадают. По вопросу же о месте и роли в русском языке экзотизмов существуют различные, иногда противоположные точки зрения. Одни исследователи относят эту лексику к пассивному словарю русского языка. Другие полагают, что любое иноязычное слово, входящее в русский язык, следует рассматривать как экзотизм до того момента, пока не заимствовался обозначаемый им предмет [Крысин, 1964, с. 77]. Слова, обозначающие предметы и явления, не подлежащие заимствованию, предлагается относить к разряду варваризмов. Полагая, что экзотизмы не принадлежат системе использующего их языка, не функционируют в нем в качестве более или менее прочно связанных с лексическим и грамматическим строем этого языка единиц, их относят за пределы русского языка, что не совсем верно.

Многие экзотические слова действительно могут использоваться однократно и известны лишь по отдельным речевым актам. Слова, употребляющиеся окказионально и не входящие в число лексических единиц воспринимающего языка, представляют особый интерес. Другие же (например, названия монет, государственных органов) становятся неотъемлемой частью воспринимающего языка, постоянно используются в устной и письменной речи, знакомы абсолютному большинству носителей русского языка, регистрируются словарями, но, несмотря на освоенность в русском языке и передачу в нем средствами русской графики, сохраняют свою иноязычность [Филатова, 2014, с. 128].

Необходимо более четко отграничивать экзотизмы от варваризмов, использование которых часто диктуется одной и той же задачей создания местного колорита. В отличие от варваризмов, имеющих соответствия в языке-реципиенте и являющихся заимствованиями только в плане употребления, экзотизмы тяготеют к тому, чтобы быть признанными в качестве фактов нормы,

т.е. явлениями коллективного узуса, и находятся на периферии заимствованной лексики, независимо от того, что могут подвергаться адаптации. Их периферийное положение обуславливается чуждым в семантическом плане характером. В отдельных случаях чуждость может сниматься благодаря тесным связям между народами и высокому престижу языка-источника, что приводит к освоению экзотизма, как произошло, например, со словами типа мадам, кузина и т.п. Но даже пройдя длительный этап проникновения и адаптации и укоренившись в системе воспринимающего языка, экзотизм не перестает соотноситься с чуждой действительностью и употребляться для ее изображения.

Экзотизмы необходимо рассматривать вместе с такими их разновидностями как регионализмы и этнографизмы. Противопоставлять или подменять эти термины было бы не целесообразно, т.к. регионализмы и этнографизмы связаны в большинстве случаев с лексикой из языков народов бывшего СССР, вошедшей в большом количестве в русский язык [Добродомов, 1979, с. 85].

Нельзя сужать роль экзотической лексики в воспринимающем языке, определяя ее назначение только как средства создания местного или национального колорита. Экзотическая лексика является необходимой частью словарного состава любого языка, т.к. почти невозможно заменить иноязычные названия описательными оборотами или исконными эквивалентами.

Цитируемая литература

Добродомов И. Г. Заимствование// Русский язык, Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1979. С. 84-85.

Крысин Л. П. О новых иноязычных заимствованиях в лексике современного русского литературного языка// Вопросы культуры речи. М.: издательство АН СССР, вып.5, 1964. С. 70-92.

Филатова Н. А. Об адаптации русизмов во французских литературных текстах. Современное общество, образование и наука: сборник научных трудов. Ч. 9. Тамбов: Юком, 2014. 148 с.

*Докт. филол. наук Л.М. Шатилова (Орехово-Зуево)
shatilova-79@mail.ru*

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ КАТЕГОРИЙ ЭКСПЛИЦИТНОСТИ И ИМПЛИЦИТНОСТИ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

В наши дни среди гуманитарных дисциплин выделилась такая отрасль, как лингвокультурология, которая занимается изучением проявления в национальном языке материальной и духовной культуры. Предметом лингвокультурологии выступает механизм синхронного взаимодействия языка и культуры в национальном и общечеловеческом измерении. Язык хранит в виде концептов знания об окружающем мире и установки культуры, которые воспроизводятся в национальном менталитете как народа, так и отдельных его социальных групп.

Отражение культурной информации в языковых единицах осуществляется при наличии категорий, которые соотносят язык и культуру и позволяют описывать их взаимодействие.

Под лингвокультурологической категорией предлагается понимать стереотипы, символы, эталоны, мифологемы и другие знаки национальной и общечеловеческой культуры, освоенной народом-носителем того или иного языка.

Соотношение языка и культуры находит свое воплощение в языковой картине мира. В лингвистике понятие языковой картины мира включает две идеи: 1) картина мира, предлагаемая языком, отличается от «научной» (в этом смысле употребляется также термин «наивная картина мира») и 2) каждый язык «рисует» свою картину, изображающую действительность несколько иначе, чем это делают другие языки. Воспроизведение языковой картины мира составляет одну из важнейших задач современной лингвистической семантики. Исследование языковой картины мира проводится в двух направлениях. С одной стороны, производится реконструкция цельной системы представлений, отраженной в данном языке, безотносительно к тому, является она специфичной для данного языка или универсальной, отражающей «наивный» взгляд на мир в противоположность «научному». С другой стороны, исследуются отдельные характерные для определенного языка концепты, являющиеся «ключевыми» для данной культуры. Но в отечественной семантике развивается интегрирующее оба этих подхода направление, которое воссоздает языковую картину мира на основании комплексного анализа лингвоспецифических концептов языка в межкультурной перспективе.

Наряду с языковой картиной мира, в лингвокультурологии выделяется ценностная картина мира, где существуют наиболее значимые для данной культуры смыслы, доминанты, совокупность которых и составляет определенный тип культуры, сохраняемый в языке. В языке можно объективно выделить культурные доминанты. В качестве средства изучения культурных доминант в языке в лингвистике предлагается использовать внутреннюю форму слов.

Категории эксплицитности и имплицитности можно причислить к концептуальным доминантам. Концептуальная доминанта – это основной признак проявления мыслительного процесса в языке, с помощью которого человек формирует в своем языковом сознании представления о мире

Лингвокультурологические категории находят свое воплощение в языковой картине мира. При общении людей, говорящих на разных языках, важное значение приобретает знание правил межкультурной коммуникации, когда берется во внимание различие культурных ценностей, верований и манер поведения, отраженных посредством лингвокультурологических категорий в национальных языковых картинах мира. Межкультурная коммуникация характеризуется тем, что участники общения используют специальные языковые варианты и дискурсивные стратегии, отличные от тех, которыми они пользуются при общении внутри своей национальной культуры.

Одной из возможностей изучения данных лингвокультурологических категорий можно считать семантическое исследование таких элементов речевого этикета, как благопожелания, которые в большей мере проявляют явно или

скрытно богатый народный опыт, неповторимость обычаев, образа жизни, условий быта и культуры народа. Культура общения – это та часть культуры поведения, которая выражается главным образом в речи, показывая специфику выражения языковой картины мира носителей того или другого языка.

Благопожелания, реализуя лингвокультурологические категории эксплицитности и имплицитности как концептуальные доминанты в немецкой и русской языковой картине мира, могут быть представлены тремя группами: 1) эксплицитные пожелания; 2) имплицитные пожелания; 3) переходные случаи.

Лингвокультурологическая категория эксплицитности выражается в семантике немецких и русских благопожеланий, в которых отмечается явное присутствие пожелания добра. Эксплицитные благопожелания представлены такими тематическими группами, как: «общее благо», «добрые чувства», «успех», «добрые напутствия», «здоровье», «пожелания-приветствия», «пожелания при прощании», «благопожелания в адрес умершего».

В немецком и русском языках имплицитные благопожелания включают следующие фрагменты: «обобщенные пожелания»; «пожелания успеха, удачи»; «пожелания здоровья, долголетия»; «пожелания при прощании»; «пожелания-приветствия»; «добрые напутствия»; «пожелания добра работающим». Составной частью семантического поля немецких имплицитных пожеланий добра является сектор «добрые чувства», а русских пожеланий – «достаток»; «пожелания новобрачным»; «идущему в баню»; «благопожелания в адрес умершего».

Рассматриваемые нами немецкие и русские благопожелания могут быть не только эксплицитными и имплицитными, но и составлять промежуточные случаи актуализации лингвокультурологических категорий эксплицитности и имплицитности в языковой картине мира. К разряду таких благопожеланий относятся непожелания зла. Они содержат, с одной стороны, пожелания добра, которые противостоят злу, а с другой стороны, употребляя такие пожелания, адресант подсознательно выражает недоброе отношение к адресату. Как в немецком, так и в русском языках лексико-семантическое поле непожеланий зла подразделяется на четыре сферы тематических групп, характеризующих человека: «эмоциональное состояние», «действие», «характер» и «здоровье».

*Канд. филол. наук О.В.Шестакова (Пермь)
ovshestakova2014@mail.ru*

СПЕЦИФИКА НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (На материале ономотопеи)

Наше исследование показывает, что ономотопея эксплицирует подавляющее большинство сфер окружающей действительности: *Реальность* (нем. – 0,13%; рус. – 0,3%), *Образование (формація)* (нем. – 4,4%; рус. – 4,5%), *Природа* (нем. – 8,5%; рус. – 8,6%), *Бытие* (нем. – 4,1%; рус. – 3,9%), *Множественность* (нем. – 8,9%; рус. – 8,3%), *Организованность* (нем. – 2,2%; рус. – 2%), *Живая природа* (нем. – 9,1%; рус. – 8,5%), *Человек физиологический* (нем. – 14,8%; рус. – 16,1%), *Личность* (нем. – 9,7%; рус. – 9,8%), *Общество* (нем. – 10,8%; рус. –

10,3%), *Социальная сфера* (нем. – 14,8%; рус. – 16,2%), *Цивилизация* (нем. – 12,4%; рус. – 11,4%). [Шестакова 2013].

Данный способ категоризации действительности отражает универсальные и идиоэтнические черты картины мира. Так, в немецком языке экспликация понятий, связанных с *техникой*, более чем в три раза превышает данные по русскому языку. *Klipper* “лайнер”, *Töff* “мотоцикл”, *Brummi* “грузовик”; *Bocksäge* “лучковая пила”; *Picke* “кирка”; *Ratsche* “гаечный ключ”; *Schar* “лемех” и пр. Общеизвестно, что немцы дали миру множество изобретений: печатный станок (И. Гуттенберг), глобус (М. Бехайм), порох (Б. Шварц), мотор (Н. Отто), автомобиль (К. Бенц), двигатель внутреннего сгорания (Р. Дизель), радар (К. Хюльсмайер), ротационная машина (Ф. Кениг), вакуумный насос (О. фон Герике), фарфор (И. Бёттгер) и пр. В русском материале актуализированы лишь инструменты для охоты и рыбалки.

Семантика *интенсивность* в немецком языке в десять раз превышает экспликацию этой группы в русском языке. Семантика *интенсивность* в немецком языке в десять раз превышает экспликацию этой группы в русском языке (ср. нем. *knackfest* “очень твёрдый”, *knackfrisch* “очень свежий”, *knackeng* “страшно узкий” и пр.), что актуализирует трудолюбие немцев и их знаменитый «категорический императив» *Ordnung muss sein* (Порядок превыше всего).

В русском языке в 2-4 раза больше, чем в немецком, представлены фоносемантические группы *следы, пятна; физическая слабость; глаза; невнимательность; упрямство; злость, злиться; инструменты для охоты, рыбалки; жизнь общества; религиозные отношения, обычаи; ветхая одежда; сверхъестественное; преступники*. В фоносемантической картине мира доминирующие смыслы связаны с русским характером и стилем жизни.

Религиозные отношения, обычаи: рус. *раскольник, хлыстовство, звонарь, колоколя, звонница, обрезание* “обряд” (ср. нем. *Beschneidung* “обрезание”, *Glockenturm* “колоколя”, *Weihrauchfaß* “кадило”). *Сверхъестественное*: рус. *кикимора; кукан; барабашка; шишкун; бабай; баба-яга; бабака, бука, бубука, бомка* “барабашка”; *Шохря да Мохря* “банный дух”, *Кутыся-Мурыся* “покровитель дома” (ср. нем. *Butz, Butzettel, Butzemann, Puck* “домовой, гном, барабашка”; *Kuckuck* “чёрт”).

Семантика *спиртное* в русском языке (3,5%) в два раза более значима, чем в немецком (1,7%): рус. *клюкнуть, бухнуть, зашибать, трескать, долбануть, трахнуть, шмякнуть, хлопнуть, хватануть, хапнуть, раздавить, шарахнуть, вмазать, цапнуть, зашибить, тяпнуть, гудеть, врезать, вдарить, тюкнуть, шваркнуть, хряпнуть, бахнуть, хлобыстнуть* “пить, выпить спиртное”; нем. *einen Zacken haben* “быть под хмельком”, *Sause, Sauser* “кутёж, попойка”, *kneipen* “пьянствовать”, *Schwips* “лёгкое опьянение”, *kübeln, schnapsen, zwitschern, gurgeln, büirsten* “пить, выпить спиртное” и др.

Таким образом, через призму ономотопеи мир отражается во множестве аспектов своего проявления. Категоризация действительности на материале немецкой и русской ономотопеи имеет универсальный характер. Специфика проявляется в незначительных колебаниях в численной представленности тех или иных фоносемантических групп в исследуемых языках. С одной стороны,

колебания в 1-3% можно отнести к статистической погрешности или к несистемной фиксации ономастопей в словарях и специальных исследованиях. В то же время, актуализация того или иного типа звучания или семантического развития звукоподражания отражает идиоэтническую специфику ономастопей, которая в той или иной степени отражает менталитет этноса, его авто- и гетеростереотипы.

Список литературы

Шестакова О.В. Универсальное и специфическое в ономастопее: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2013. 256 с.

ЛОГИКО-СТРУКТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ

Асп. Н.И.Думнова, к.пс.наук Д.В.Солдатов (Орехово-Зуево)
ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

«Неужели такие понятия как «время», «пространство» и «материя» заданы опытом по существу в приблизительно одинаковой форме для всех людей или они частично обусловлены структурой определенных языков?» (В. Whorf, 1939/2000, p. 138). Этот вопрос, поднятый Бенжамином Уорфом, до сих пор вызывает интерес исследователей и является предметом споров.

К. Ох исследовал, запоминают ли носители английского и корейского языков события движения по-разному, согласно способу, которым движение кодируется на их родных языках (т.е. как «путь» (path) или «манера» (manner) движения) [К. Oh, 2003]. Участники эксперимента описывали видео с записью событий движения, а затем выполняли тест, направленный на проверку деталей записи. К. Ох обнаружил, что, описывая видео, англоговорящие испытуемые, по сравнению с говорящими на корейском, использовали больше глаголов, описывающих способ движения. Кроме того, субъекты, говорящие на английском языке, лучше справились с заданием на запоминание, проверяющим способ движения [К. Oh, 2003].

Л. Бородицки (2001) исследовала, думают ли о времени говорящие на английском языке и на мандаринском диалекте китайского языка отлично друг от друга [L. Boroditsky, 2001]. Описывая время, англоговорящие испытуемые преимущественно используют горизонтальные пространственно-временные метафоры, в то время как говорящие на мандаринском диалекте обычно используют вертикальные. Л. Бородицки обнаружила, что носители английского языка быстрее судили об истинности предложений о временной последовательности (например, март наступает раньше, чем апрель), когда их настраивали на горизонтальную пространственную схему; говорящие на мандаринском диалекте быстрее судили о таких же предложениях, когда опорой для них служила вертикальная пространственная схема [D. Casasanto, and others].

Исследования, проведенные К. Ох и Л. Бородицки, подтверждают гипотезу Б. Уорфа, которую Д. Слобин обозначил как «думание для говорения» (thinking for speaking): язык может затронуть мысль, когда мы думаем с намерением использовать язык, обращая внимание на элементы нашего опыта, которые обычно кодируются на языке, на котором мы говорим [D. Slobin, 1986]. К примеру, английский язык имеет тенденцию кодировать информацию о манере движения чаще, чем корейский, поэтому, возможно, англоговорящие субъекты исследования К. Оха автоматически уделили больше внимания информации о манере движения, чем субъекты, говорящие на корейском. Данные, полученные Л. Бородицки и К. Охом, говорят о том, что «думание для говорения», как минимум, влияет на познавательные процессы, такие как внимание и память, и способно изменить природу наших абстрактных ментальных образов. Результаты иссле-

дования Л. Бородицки дают возможность предположить, что язык может затрагивать наши лингвистические и символические представления о времени [L.Boroditsky, 2001].

Группа исследователей из США, Индонезии и Греции (Д. Казазанто и соавт.) провели серию экспериментов, основной задачей которых было изучить оценивание времени субъектами, говорящими на английском, испанском, греческом и индонезийском языках [D.Casasanto, and others].

В названных языках ученые сравнивали использование метафор «времени как расстояния» и «времени как количества» (к примеру, в английском языке привычно использовать выражение *a long time* (долгое время), где структура и словарь такие же, как в пространственном выражении *a long rope* (длинная веревка); прямым переводом выражения *a long time* (долгое время) на испанский будет являться фраза *mucho tiempo*, что на английском значит *much time* (много времени)). Результаты исследования показали, что в английском и индонезийском языках метафоры расстояния встречаются более часто, чем метафоры количества, а в греческом и испанском языках ситуация прямо противоположная [D.Casasanto, and others].

Субъекты, говорящие на английском и индонезийском языках, обнаружили сильное воздействие эффекта расстояния на оценку времени, в то время как в группах греко- и испаноговорящих испытуемых было обнаружено незначительное влияние эффекта расстояния на оценку времени. Субъекты, говорящие на английском и индонезийском языках показали слабое, незначительное воздействие эффекта объема на оценку времени, тогда как греко- и испаноговорящие испытуемые показали сильное влияние эффекта объема на оценку времени. Линейно-регрессионный анализ показал весьма значительную корреляцию частоты встречаемости метафор расстояния и количества в каждом языке с количеством эффектов влияния расстояния и количества на оценку времени [D.Casasanto, and others]. Полученные данные позволяют сделать предположение, что: а) пространственные метафоры в наших родных языках могут оказывать значительное влияние на наш способ представления времени; б) язык может образовывать глубокие, элементарные виды представлений.

Действительно ли люди, говорящие по-разному, также думают отлично друг от друга?

Возвращаясь к вопросу Б. Уорфа во введении, можно сказать, что с одной стороны наши понятия времени и пространства «заданы опытом по существу в приблизительно одинаковой форме для всех людей», с другой – «частично обусловлены структурой определенных языков». Возможно, люди усваивают ассоциации между временем и пространством посредством физического опыта (например, наблюдая за движущимися объектами и изменяющимся количеством), ведь не вызывает никаких сомнений тот факт, что законы физики одинаковы для носителей всех языков. С другой стороны, проведенные исследования позволяют заявить, что определенные языки могут оказывать влияние не только на представления, которые мы выстраиваем для говорения, но также и нелингвистические представления, которые мы формируем для запоминания, действия, и, возможно, восприятия окружающего мира.

Литература

Boroditsky, L. Does language shape thought? Mandarin and English speakers' conceptions of time. *Cognit Psychol*, 2001, 43(1), 1-22.

Casasanto, D., Fotokopolou, O., Pita, R., & Boroditsky, L. (In Revision) How deep are effects of language on thought? Time estimation in speakers of English and Greek. *Cognition*.

Oh, K. Habitual patterns of language use and thinking for speaking: a Whorfian effect on motion events. Berkeley, University of California, 2003.

Slobin, D. From "THOUGHT AND LANGUAGE" to "THINKING FOR SPEAKING" in *Rethinking Linguistic Relativity*, Grumperz & Levinson, eds. 1986.

Whorf, B. *Language, Thought and Reality*. Cambridge, MA: MIT Press, 2000.

Канд. филол. наук А.Ф. Калинин (Балашов)
kalininarkadiy@mail.ru

РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ СТРУКТУРНОГО ТИПА *ПРАЗДНИК НЕ В ПРАЗДНИК* (основные аспекты)

Лингвистическая сущность русских фразеологизированных предложений структурного типа *Праздник не в праздник* не исследована, не изучена их формальная и смысловая организация, что является актуальным. В статье они рассмотрены в двух основных аспектах: структурно-грамматическом и логико-семантическом.

В структурно-грамматическом аспекте исследуется их формальная организация, грамматические значения предложения и отношения между образующими его словоформами.

Предложения структурного типа *Праздник не в праздник* являются фразеологизированными. Отметим вначале, что статус синтаксической фразеологии в современной лингвистической науке недостаточно установлен ни по отношению к фразеологии, ни по отношению к синтаксису [Ксенофонтова, 2010, с. 428; Меликян, 2010, с. 55-60].

Считаем, исходя из концепции «Русской грамматики», что фразеологизированные предложения строятся по фразеологизированным структурным схемам, имеют индивидуальные отношения между компонентами и индивидуальную семантику, словоформы связываются в них идиоматически, а служебные и местоименные слова, частицы и междометия функционируют не по сложившимся синтаксическим правилам [Русская грамматика, 1980, с. 383]. Свободные предложения создаются по свободным структурным схемам и имеют живые грамматические связи между компонентами.

Фразеологизированные предложения типа *Праздник не в праздник* открываются именем существительным в именительном падеже, за которым следует отрицательная частица *не* и повторяющееся имя существительное в винитель-

ном падеже с предлогом *в*; лексические ограничения имен существительных отсутствуют: *Прыжок не в прыжок; Поездка не в поездку; Заплыв не в заплыв*.

Фразеологизированные предложения типа *Праздник не в праздник* – это двусоставные бисубстантивные предложения, строящиеся по фразеологизированной структурной схеме N_1 – не в N_4 , подлежащим является имя существительное в форме именительного падежа, а сказуемым (составным именным субстантивным) всегда повторяющееся имя существительное в винительном падеже с предлогом *в* и частицей *не*. «Такие предложения характеризуют предмет как лишенный своего обычного положительного содержания, качества» [Русская грамматика, 1980, с.384]: *Из-за постоянных ссор и жизнь стала ему не в жизнь*.

Фразеологизированные предложения типа *Праздник не в праздник* могут быть нерасчлененными – в них отсутствуют детерминанты, и расчлененными – в них наличествуют детерминирующие члены. Детерминанты в расчлененных предложениях могут иметь пространственные значения: *И обед там был не в обед*; временные: *Покос был тогда не в покос*; отношение к лицу (субъектная детерминация): *И пир веселый им не в пир* (А.С. Пушкин); причинное значение: *Из-за неудач и отпуск был не в отпуск*.

Выявим вначале лингвистическую сущность фразеологизированных предложений типа *Праздник не в праздник*, исходя из структурно-грамматического аспекта. С этой целью исследуем, как реализованы в них синтаксические категории модальности, времени и лица, формирующие универсальное грамматическое значение предложения, – предикативность [Виноградов, 1975, с. 268], категория синтаксического, или грамматического субъекта и семантическая категория агенса, или деятеля.

Сложная синтаксическая категория модальности изучена ещё недостаточно, в ней обычно различают объективную модальность и субъективную модальность, вместе с тем выявляют и другие модальные значения как частные модальные значения, внутрисинтаксические модальные значения и др. [Восток, 2000, с. 29-30; Золотова, 2008, с.16-20].

Объективная модальность (значение реальности/ирреальности) может быть передана четырьмя способами: морфолого-синтаксическим, интонационно-синтаксическим, конструктивно-синтаксическим, лексико-синтаксическим [Золотова, 1973, с. 143-145]. Каждому из способов свойственны свои средства выражения объективной модальности.

Во фразеологизированных предложениях типа *Праздник не в праздник* проявляется объективная модальность реальности/ирреальности; способами ее выражения являются интонационно-синтаксический, морфолого-синтаксический и лексико-синтаксический.

Так, во фразеологизированном предложении *Сон не в сон* посредством интонационно-синтаксического способа выражается объективная модальность реальности, а в предложении *Сюрприз был бы не в сюрприз* морфолого-синтаксическим способом посредством глагольной связки *быть* в форме сослагательного наклонения (*был бы*) выражается объективная модальность ирреальности; в вопросительном предложении *Разве отдых был не в отдых?* прояв-

ляется также объективная модальность ирреальности интонационно-синтаксическим и лексико-синтаксическим способами при посредстве вопросительной интонации и частицы *разве*.

На фоне объективной модальности реальности/ирреальности в данных фразеологизированных предложениях посредством вводно-модальных слов и модальных частиц *конечно, несомненно, вероятно, по-видимому, пожалуй* и др. проявляется субъективная модальность со значением достоверности/вероятности: *Праздник, конечно, был ему теперь не в праздник*.

Субъективная модальность, как показал анализ, ограниченно проявляется в данных фразеологизированных предложениях, что, думается, обусловлено их структурой и семантикой.

При исследовании категории времени рекомендуется прежде всего строго разграничивать категории морфологического и синтаксического времени. Морфологическое время – это одно из значений формы слова (глагола), формально выражающееся средствами морфем. Синтаксическое время является категорией уровня предложения и опирается на структурную схему предложения как исходный член оппозиции, эксплицирующий синтаксическое настоящее время, и глагольное слово (знаменательное и служебное) с его средствами словоизменения, поставленными на службу синтаксису [Грамматика современного русского литературного языка, 1970, с. 543].

Синтаксическая категория времени проявляется или в системе временных форм предложения, образующих парадигму, или реализуется во вневременности – одной из ее форм.

Считаем, как и составители «Русской грамматики», что фразеологизированные предложения типа *Праздник не в праздник* имеют четырехчленную модально-временную парадигму: настоящее, прошедшее и будущее время синтаксического индикатива и форму синтаксического сослагательного наклонения [Русская грамматика, 1980, с. 384]: *Радость не в радость – Радость была, будет, была бы не в радость*. Реализации осуществляются с глаголами *быть, бывать, стать, становиться, делаться, сослаться: И веселье стало не в веселье; И приказ сделался не в приказ*.

Специфика фразеологизированных предложений типа *Праздник не в праздник* состоит в том, что основным способом выражения времени в них является морфолого-синтаксический, вместе с тем определенную роль играет и лексико-синтаксический. Детерминанты с темпоральным значением уточняют, конкретизируют в них значение времени. Так, во фразеологизированном предложении *Завтра показ был бы уже не в показ* значение будущего времени выражено детерминантом времени *завтра*.

Центральными в теории простого предложения являются синтаксические категории лица, субъекта и семантическая категория агенса (деятеля), определяющие тип предложения.

Синтаксическое лицо – это категория предикативности, устанавливающая отношение высказывания к говорящему, к собеседнику или к третьему лицу.

Лицо синтаксическое имеет в предложении различные показатели – личные глагольные формы, личные местоимения, притяжательные местоимения,

существительное в функции подлежащего, косвенного субъекта, вводного компонента [Краткий справочник по современному русскому языку, 1995 с. 293-294].

Во фразеологизированных предложениях типа *Праздник не в праздник* подлежащее, выраженное именем существительным в именительном падеже, указывает на отношение высказывания к третьему лицу: *Подарок не в подарок; Чай не в чай.*

Однако в таких предложениях может наличествовать субъектный детерминант, указывающий на отношение содержания высказывания к первому, второму или третьему лицу: *Мне (тебе, ему) и праздник не в праздник.* Следовательно, в данных фразеологизированных предложениях может наличествовать полная микропарадигма лица.

«Субъект грамматический», или синтаксический, – это «словоформа с предметным значением, грамматически господствующая по отношению к словоформе, которая называет признак предмета» [Там же, с.353].

Фразеологизированные предложения типа *Праздник не в праздник* являются субъектными, в них наличествует синтаксический субъект, поскольку выявляются предикативные отношения «предмет – признак».

Агенс, или деятель – это производитель глагольного действия. Любое глагольное действие предполагает деятеля, источник действия.

Во фразеологизированных предложениях типа *Праздник не в праздник* отсутствуют словоформы, обозначающие глагольное действие, и поэтому они являются безагенсными предложениями.

Таким образом, исследование предложений типа *Праздник не в праздник* в структурно-грамматическом аспекте показало, что они, будучи фразеологизированными двусоставными бисубстантивными предложениями в системе простого предложения в русском языке, являются субъектными, безагенсными и характеризуются спецификой выражения категорий модальности, времени и лица.

Изучая фразеологизированные предложения типа *Праздник не в праздник* в логико-семантическом аспекте, мы исходим из того, что в современной отечественной и зарубежной лингвистике сложился ряд концепций по поводу общей семантики предложения. Широко распространённой является денотативная, или референтная, концепция значения предложения, цель которой – выявление отношений между высказыванием и обозначаемой им ситуацией, или событием [Ломтев; 1988, 10].

Другое направление – это работы, в которых исследователи идут к смыслу предложения от его формальной организации [Шведова; 1973, с. 478-483]. Семантическую структуру предложения мы определяем на основе его формальной устроенности.

Существуют элементарные, простейшие семантические структуры, включающие в свой состав элементарные семантические компоненты: семантический предикат (семантический предикативный признак), семантический субъект (носитель признака, действия, состояния) и семантический объект, и неэлементарные, расширенные семантические структуры, в состав которых входят

неэлементарные семантические компоненты с разнообразными определительными и обстоятельственно-определительными значениями [Русская грамматика, 1980, с.124-125].

В логико-семантическом аспекте фразеологизированные предложения типа *Праздник не в праздник* представляют собой, как и в структурно-грамматическом аспекте, двусоставные (двучленные) предложения, так как в их семантической структуре наличествуют семантический субъект и семантический предикат.

Проведенный компонентный анализ фразеологизированных предложений типа *Праздник не в праздник* показал, что семантические структуры таких предложений могут быть двух-, трех- и четырехкомпонентными.

Двухкомпонентные семантические структуры фразеологизированных предложений типа *Праздник не в праздник* делятся на две группы:

1) элементарные семантические структуры, состоящие из семантического субъекта, выраженного именем существительным в именительном падеже, и семантического предиката, выраженного повторяющимся именем существительным в форме винительного падежа с предлогом *в* и отрицательной частицей *не*. Семантика структурной схемы – отношение между субъектом и его предикативным признаком, характеризующим субъект как лишенный своего обычного положительного содержания, качества: *Лечение не в лечение; Обед не в обед; Подарок не в подарок;*

2) элементарные семантические структуры, состоящие из семантического субъекта – субъектного детерминанта, выраженного именем существительным или личным местоимением в дательном падеже или в родительном падеже с предлогом *для* и обозначающего субъект состояния или субъект воспринимающий, и семантического предиката – остальной части предложения: *Ей сон не в сон; Ей /для нее и праздник не в праздник.*

Отметим мнение авторов «Русской грамматики» о том, что «введение распространителя с субъектным значением способно изменить семантическое качество всего распространяемого предложения» [Русская грамматика, 1980, с. 128].

Трехкомпонентные семантические структуры фразеологизированных предложений типа *Праздник не в праздник* делятся на две группы:

1) элементарные семантические структуры, состоящие из семантического субъекта – субъектного детерминанта, выраженного именем существительным или личным местоимением в дательном падеже или в родительном падеже с предлогом *для* и обозначающего субъект состояния или субъект воспринимающий, семантического объекта со значением отношения к лицу, выраженного именем существительным или личным местоимением в творительном падеже с предлогом *с*, и семантического предиката – остальной части предложения: *Ему с ней и брак не в брак; Для него с детьми и путешествие не в путешествие;*

2) неэлементарные семантические структуры, состоящие из семантического субъекта – субъектного детерминанта, выраженного именем существительным или личным местоимением в дательном падеже или в родительном падеже с предлогом *для* и обозначающего субъект состояния или субъект воспринимающий,

ющий, семантического конкретизатора (квалификатора) с пространственным, временным, способа состояния, причинным или целевым значением и выраженного наречием или именем существительным в косвенном падеже с предложением или без предлога, и семантического предиката – остальной части предложения: *Теперь нам и дождь не в дождь; Из-за засухи им и покос не в покос; Там для них и расвет не в расвет.*

Четырехкомпонентные семантические структуры фразеологизированных предложений типа *Подарок не в подарок* делятся на три группы:

1) элементарные семантические структуры, состоящие из семантического субъекта – субъектного детерминанта, выраженного именем существительным или личным местоимением в дательном падеже или в родительном падеже с предлогом *для* и обозначающего субъект состояния или субъект воспринимающий, двух семантических объектов со значением отношения к лицу, выраженных именами существительными или личными местоимениями в косвенных падежах без предлогов или с предлогами, и семантического предиката – остальной части предложения: *Ему с ней у родителей и счастье не в счастье; Солдатам с ним перед командирами и служба не в службу.*

2) неэлементарные семантические структуры, состоящие из семантического субъекта – субъектного детерминанта, выраженного именем существительным или личным местоимением в дательном падеже или в родительном падеже с предлогом *для* и обозначающего субъект состояния или субъект воспринимающий, семантического объекта со значением отношения к лицу, выраженного именем существительным или личным местоимением в косвенном падеже без предлога или с предлогом, семантического конкретизатора с пространственным, временным, способа состояния, причинным или целевым значением и выраженного наречием или именем существительным в косвенном падеже без предлога или с предлогом, и семантического предиката – остальной части предложения: *Мне теперь с мужем и горе не в горе; Из-за потери ей с друзьями и пикник не в пикник; Для нас с ними вместе и невзгоды не в невзгоды;*

3) неэлементарные семантические структуры, состоящие из семантического субъекта – субъектного детерминанта, выраженного именем существительным или личным местоимением в дательном падеже или в родительном падеже с предлогом *для* и обозначающего субъект состояния или субъект воспринимающий, двух семантических конкретизаторов с пространственным, временным, способа состояния, причинным или целевым значением, выраженных наречиями или существительными в косвенных падежах с предлогами или без предлогов, и семантического предиката – остальной части предложения: *Из-за несчастного случая спортсменам сегодня и соревнование не в соревнование; Ему сейчас там и служба не в службу.*

Приведенный перечень семантических структур фразеологизированных предложений типа *Праздник не в праздник* не является законченным и может быть продолжен. Наиболее частотными в современном русском языке являются двухкомпонентные семантические структуры.

Анализ данных фразеологизированных предложений, нацеленный на выявление семантических компонентов в их семантической структуре, показал,

что такие предложения являются д в у с о с т а в н ы м и (двучленными) неглагольными предложениями.

Для неглагольных предложений как свободных, так и фразеологизированных, характерно положение говорящего в позиции информатора. Говорящий в такой позиции производит разнообразные логические операции с объектами действительности, формирует и передает полученную информацию.

Языковым отражением логической операции является логическая пропозиция. Основными, типичными способами категоризации логических значений являются неглагольные знаменательные части речи. Следовательно, в основе номинативного значения данных двусоставных фразеологизированных предложений лежит логическая пропозиция.

Итак, в системе простого предложения в русском языке предложения типа *Праздник не в праздник* занимают место в классе фразеологизированных двусоставных предложений в подклассе неглагольных предложений.

Цитируемая литература

Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения//Избранные труды: исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С.254-294.

Востоков В.В. Система грамматических значений простого предложения в современном русском языке: автореф. дисс. ...докт. филол. наук/Востоков Валерий Викторович.М.,2000.38с.

Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970. 768 с.

Золотова Г.А. О категории модальности//Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. С. 16-20.

Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Изд-во Наука, 1973. 352 с.

Краткий справочник по современному русскому языку/ под ред. П.А. Леканта. М.: Высш. шк., 1995. 384 с.

Ксенофонтова Л.В. Статус синтаксической фразеологии в языке // Русский язык: исторические судьбы и современность: тр. и материалы IV Междунар. конгр. исслед. рус.яз. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. С. 428.

Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории. М.: Высш.шк., 1988. 128с.

Меликян В.Ю. Синтаксические фразеологические единицы русского языка // Русский язык в школе. 2010. № 11. С. 55-60.

Русская грамматика: В 2 т. Т. 2. Синтаксис. М.: Наука, 1980. 710 с.

Шведова Н.Ю. О соотношении грамматической и семантической структуры простого предложения// Славянское языкознание. М.: Наука, 1973. С. 478-483.

ПОВТОРНАЯ НОМИНАЦИЯ И СМЫСЛОВАЯ СТРУКТУРА ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Повторная номинация, расширяя номинативные возможности языка, является важным фактором, организующим смысловую структуру высказывания.

Известно, что предметом теории номинации как особой лингвистической дисциплины является изучение и описание общих закономерностей образования языковых единиц, взаимодействие мышления, языка и действительности в этих процессах, роли человеческого фактора в выборе признаков, лежащих в основе номинации. Иными словами, предметом теории номинации является исследование актов номинации, ее средств и способов, построение типологии номинации, описание ее коммуникативно-функциональных механизмов и т.д.

Изначальные, или первичные, процессы номинации являются крайне редкими явлениями в современных языках. Номинативный инвентарь языка пополняется в основном за счет заимствований или повторной, вторичной, номинации. Под повторной номинацией мы понимаем наименование уже ранее обозначенного в данном контексте денотата: лица, предмета, действия, качества. Повторная номинация на уровне высказывания может быть: 1) идентичной – Paris, c'est Paris; или вариативной, когда новое наименование отличается от предыдущего: Paris est la capitale de la France; 2) смешанной, при которой в номинационной цепочке перекрещиваются вариативные и идентичные значения.

Возможность варьирования номинаций определяется логическими отношениями между понятиями и тем, что объект обладает множеством разнообразных свойств и аспектов. Объект можно назвать по различным признакам, которые избираются в качестве основы наименования. Как известно, в логике выделяется пять основных типов отношений между понятиями: равнозначность (тождество); внеположенность, или исключение; контрадикторность; подчинение, или включение (отношение рода и вида); перекрещивание, или пересечение [Горский, 1963, с.54].

Между кореферентными номинациями на семантическом уровне чаще всего устанавливаются отношения равнозначности (при употреблении синонимов), включения (при переходе от более широкого обозначения к более узкому и наоборот) и пересечения (при наименовании объекта по его различным признакам). Что касается внешней формы номинаций, а не их семантической основы, то при их варьировании, кроме различных частей речи, используются словосочетания, перифразы, описания. Рассмотрим данные явления на примере предложений тождества. Формальное выражение тождества $a=b$ включает в себя два аспекта: индикатор связи и индикатор тождества: $le (a) + Vc + le (b)$.

Поскольку одна и та же ситуация может быть описана по-разному, имеется возможность обозначения типового значения тождества несколькими способами, которые упорядочиваются вокруг инвариантной модели $le (a) + être + le (b)$ и представляют собой формы косвенной номинации. Сюда относятся:

1) речевые вариации предложений тождества: Poésie=création;

2) презентативы *voici, voilà: Enfin! Voilà l'excuse;*

3) так называемые «замкнутые» структуры (А и В = это одно и то же, это то же самое): *A et B, c'est la même chose;*

4) глаголы, заменяющие *être* в его функции. Сюда относятся глаголы поля «именования» – *s'appeler, se nommer, se prénommer;* поля «соответствия» – *correspondre à, représenter, revenir à dire, revenir à, valoir;* поля «составления» – *composer, comprendre, constituer, consister, faire, former;* поля «ограничения» – *se réduire à;* поля «обозначения» – *signifier, vouloir dire;* поля «указания» – *désigner, marquer;* поля «состояния» – *rester, se faire, devenir, redevenir;* глаголы – *se dire, se lire, s'écrire, se noter, se prononcer, se traduire;*

5) транспозиционные и трансформационные структуры инвариантной модели.

Синонимические конструкции отличаются от исходной модели не только структурой, но и объёмом и характером передаваемого содержания. Наиболее существенной для организации высказывания является вариативная повторная номинация. Она позволяет тонко выразить изменения объектов и отношение к ним участников коммуникации.

Таким образом, в процессе повторной номинации формируется семантика языковых единиц и их знаковые функции, т.е. их способность указывать на элементы действительности в речевых актах, непосредственно связанных с мышлением.

Литература

Горский Д. П. Логика: Учебное пособие для пед. тов. – М.: Учпедгиз, 1963. 292 с.

Касаткина О.А. Функционально-семантическое поле предложений со значением тождества // Язык и речь в свете функционально-семантического подхода. Орехово-Зуево: МГОГИ, 2015. С.45-66.

*Канд. филол. наук И.Г.Родионова (Пенза)
Inessa96@bk.ru*

РОЛЬ СИНТАКСИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА В АКТУАЛИЗАЦИИ СЕМАНТИКИ ИНДИКАТИВА С ЧАСТИЦЕЙ *БЫЛО*

Глаголы в изъявительном наклонении с частицей *было* имеют значение не-реализованного действия или употребляются для указания на ликвидацию последствий только что совершённого, начатого действия [Объяснительный словарь русского языка, 2003, с. 39]. А.А.Шахматов говорил о существовании в русском языке недействительного наклонения, которое выражается посредством присоединения к форме прошедшего времени частицы *было*: «Говорящий, устанавливая связь субъекта с предикатом, посредством этого наклонения выражает, что связь эта не осуществилась, хотя и могла осуществиться» [Шахматов, 2006, с. 105]. По мнению В.В.Виноградова, «правильнее в этой составной форме, выражающей прерванность осуществления действия, видеть особый

модальный оттенок изъявительного наклонения, переходный к ирреальному наклонению» [Виноградов, 1972, с. 463].

Анализ языкового материала показал, что названная семантика индикатива с частицей *было* может актуализироваться, усиливаться синтаксическим контекстом. Ведущая роль при этом принадлежит противительным конструкциям различного типа. Прежде всего это сложносочинённые предложения с союзами *но, да, однако* между предикативными частями. Глагол с частицей *было* со значением нереализованного, прерванного действия находится в первой части сложносочинённого предложения, вторая же часть содержит объяснение невозможности реализации названного действия: *Побагровело ещё сильнее красное лицо хорунжего, когда затянула ему горло жестокая петля: схватился он было за пистолет, но судорожно сведённая рука не могла направить выстрела, и даром полетела в поле пуля* (Н. Гоголь); *Ионка разинул было рот для некоторых разъяснений, но Бородавкин прервал его...* (М.Салтыков-Щедрин); *Порфирий Владимырьч и шкатулочку собрались было увезти, да я не согласился* (М. Салтыков-Щедрин); *Родитель было прогневался, стал обзывать непристойно, однако Манефа Ивановна их усовестили* (М. Салтыков-Щедрин).

Глаголы с частицей *было* употребляются в первой части бессоюзных сложных предложений с отношениями противопоставления. При этом вторая часть содержит причину, объясняющую невозможность реализации названного действия. Благодаря бессоюзной связи между предикативными частями достигается динамизм повествования: *И теперь такая беда моя: хотела было ехать в город – некому лошадей подковать* (Н.Гоголь); *В испуге выбежала она в сени; но, опомнившись немного, хотела было помочь ему; напрасно!* (Н.Гоголь); *Я было хотел взять Полину за руку; она вдруг оттолкнула меня и вскочила с дивана* (Ф.Достоевский).

Индикатив с частицей *было* используется в ряду однородных сказуемых с противительными отношениями, выраженными союзами *но, да, однако*. Глагол с частицей *было*, называющий нереализованное, прерванное действие, занимает первую позицию, на второй и следующих позициях находятся сказуемые, либо указывающие на причину прерывания действия, либо выражающее действие, произошедшее взамен нереализованного: *Запорожцы жарко было полезли на вал, но были встречены сильною картечью* (Н.Гоголь); *Кошевой хотел было говорить, но, зная, что разъярившаяся, своевольная толпа может за это прибить его на смерть, что всегда почти бывает в подобных случаях, поклонился очень низко, положил палицу и скрылся в толпе* (Н.Гоголь); *Совсем было позабыл Пустопляс, что у него братец на свете живёт, да вдруг с чего-то загрустил и вспомнил* (М.Салтыков-Щедрин); *Аннинька хотела было возразить, однако поняла, что это значило бы только подливать масла в огонь, и смолчала* (М.Салтыков-Щедрин).

Усилению семантики нереализованного действия, выраженного глаголом с частицей *было*, способствует использование противительных союзов в начале следующего предложения. В отличие от сложносочинённых предложений с противительными союзами такие конструкции обладают большей категоричностью: *Отвечать я вам было не хотел. Но заставляет необходимость*

(Ф.Достоевский); *И Лёля уже **было** кинулась за дворником. Но папа остановил её* (М.Зощенко).

И, наконец, индикатив с частицей *было* употребляется в составе слов автора в предложениях с прямой речью. Семантика нереализованного, прерванного действия усиливается значением недосказанности, выраженным в прямой речи: – *Но что же мы... – **заикнулся было** Глумов* (М.Салтыков-Щедрин); – *Перед лицом моей совести свидетельствуюсь... – **начал было** Ловец* (М.Салтыков-Щедрин); – *Я, граф, с своей стороны, готов... – **шепнул было** Митенька, но тотчас же и умолк, потому что граф окинул его величественным взором с ног до головы* (М. Салтыков-Щедрин); – *Репетиции... трепетное мерцание лампы... – **начал было фантазировать** Митенька* (М.Салтыков-Щедрин).

Литература

Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.: Высшая школа, 1972. – 616 с.

Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы: Ок. 1200 единиц / Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина; В. В. Морковкин, Н. М. Луцкая, Г. Ф. Богачёва и др.; Под ред. В. В. Морковкина. – 2-е изд., испр. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 421 с.

Шахматов А. А. Учение о частях речи / Вступ. ст. В. В. Виноградова. Изд. 2-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2006. – 272 с.

ДИНАМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ

Канд. психол. наук Т.В.Зеленкова (Орехово-Зуево)
ЛЕКСИЧЕСКИЕ И СТРУКТУРНЫЕ МАРКЕРЫ ДЕТСКОЙ КРЕАТИВНОСТИ

Исследование вербальной креативности детей в поле импровизационного словесного творчества, где снимаются ограничения и проявляется процесс свободного порождения речи, требует анализа психолингвистических особенностей продуктов творческой деятельности, в частности, выделения лексических и структурных маркеров детской креативности, которые являются еще недостаточно изученными.

Материалом для исследования были тексты более 400 сказок или историй, сочиненных детьми дошкольного и младшего школьного возраста в устной форме в рамках творческого задания.

Полученные тексты стали базовой основой для составления частотных (ранговых) словарей детской лексики, которые отражали группы высокочастотных и низкочастотных (редких) слов, используемых детьми при сочинении сказки.

На основании частотных словарей нами были сформированы дифференциальные (двухполюсные) словари, в основе каждого из которых содержался какой-либо заданный критерий сравнения (например, возраст или социальные условия). В таких словарях отражалась разность ранговых позиций слов двух оппозиционных классов. Это позволило нам увидеть различия в лексике между оппозиционными классами: чем ближе к полюсу, тем более специфичным для данного класса является слово.

Нами также проводился количественный анализ частей речи, используемых детьми в устном сочинении, что дало возможность выявить возрастные особенности структуры и морфологического состава импровизационных текстов.

По соотношению размеров дифференциального и частотного словарей в каждой оппозиционной группе вычислялся коэффициент лексической специфичности группы (ЛСГ), который показывал, какую долю в общем лексиконе группы занимают самобытные слова. На основании частотных (ранговых) словарей подсчитывалась сумма рангов слов для каждой сказки и ее средний ранг, который являлся показателем лексической оригинальности отдельной сказки (ЛОС). Чем больше ЛОС, тем больше отклонение лексики данной сказки от ядерной лексики группы, и тем менее употребляемыми в среднем являются используемые в этой сказке слова по сравнению с другими сказками.

Нами также проводился анализ каждой сказки со стороны формирования целостного сюжета и связности предложений, входящих в ее текст. Для количественной характеристики связности текста была разработана система оценок, учитывающая тип связи смыслового содержания между предложениями (поддерживает или нет сюжетную линию), а также наличие в предложении поясне-

ний и указаний на мотивированность действий героев. На основании этих оценок подсчитывался коэффициент смысловой связности сказки (КСС), который показывал степень сформированности замысла импровизированной сказки или истории.

Результаты исследования текстов сочиненных детьми сказок позволили выявить некоторые возрастные закономерности в лексике и структуре творческих сочинений. Анализ показал, что среднее число слов и предложений в сочиняемой сказке имеет тенденцию к некоторому уменьшению у учащихся первого класса по сравнению с дошкольниками и к значительному увеличению у учащихся четвертого класса. Аналогичную тенденцию, но в более сглаженной форме, обнаруживает и показатель среднего объема активного словаря. Таким образом, устная импровизационная речь у первоклассников значительно беднее по количеству и разнообразию используемых слов, чем у дошкольников, что связано, по-видимому, с началом обучения в школе и овладением письменной речью.

Основными структурными единицами текстов во всем диапазоне возрастов являются существительные. Они составляют до 38,1%. Глаголы – до 27,8%. Прилагательные имеют довольно низкий вес: до 4,9%. Отчетливо проявилась и динамика употребления в разных возрастах частей речи: к 4 классу роль существительных уменьшается, прилагательных и частиц – возрастает.

На основании анализа дифференциальных словарей показаны различия в лексическом составе словаря, используемого детьми в устном сочинении. Так, например, показана лексическая специфичность детей, воспитывающихся в детском доме. Отметим, что слово «Я» по частоте встречаемости у детей детского дома занимает 42-е место, слово «мама» 34-е место, а «папа» – не встречается совсем. В выборке же детей из обычных семей – «Я» стоит на 10-м месте, «мама» на 6-м, а «папа» – на 403-м.

Полюсные лингвистические маркеры обладают достаточно большой распознающей способностью: они позволяют по тексту сказки с большой вероятностью определить принадлежность автора к какой-либо группе по заданному признаку.

Таким образом, нами введены и исследованы на материале продуктов детского словесного творчества два маркера вербальной креативности ребенка: парадигматический и синтагматический. Первый служит показателем лексической оригинальности, а второй показывает степень сформированности замысла импровизированной сказки или истории.

*Асп. Ю. В. Капрянцева (Ульяновск)
yulya.rouge@mail.ru*

ОПТИМИСТИЧНОСТЬ И ПЕССИМИСТИЧНОСТЬ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В АСПЕКТЕ «ЛОКУСА КОНТРОЛЯ»

Проблема определения оптимистичности и пессимистичности тех или иных высказываний представляет собой одну из наиболее актуальных и интересных проблем психологии (М. Зелигман, К. Петерсон, Ч. Карвер, М. Шейер,

Б. Хелд, и др.). Тем не менее, некоторые аспекты оптимистичного и пессимистичного стилей объяснения проанализировать несколько сложнее, чем другие [М.Э.П. Зелигман 1997: 81]. Для решения возникшей проблемы постараемся выявить наиболее значимые черты языкового выражения оптимизма и пессимизма сквозь призму так называемого «локуса контроля».

Для начала напомним, что американский психолог М.Э.П. Зелигман в процессе изучения склонности своих пациентов к оптимизму/пессимизму сделал выводы о том, что совершенно обычные слова и фразы, которые человек использует для описания повседневных негативных или позитивных ситуаций, дают нам большое количество информации о предрасположенности этого человека к оптимистичному/пессимистичному мировосприятию.

Учёный ввёл понятие некоего стиля объяснения, или «explanatory style», который коренится в представлениях человека о его месте в этом мире, в его оценке происходящих с ним событий. Этот стиль объяснения позитивных или негативных событий и является важным критерием оптимизма и пессимизма [М.Э.П. Зелигман 1997: 72].

Зелигман определяет три параметра стиля объяснения, а именно: параметр постоянства (permanence), параметр широты (pervasiveness) и параметр персонализации (personalization). В каждом из этих параметров можно выделить определённые языковые показатели, указывающие на временный или постоянный характер действия (параметр постоянства), на его конкретность или универсальность (параметр широты), на внутренний или внешний подход говорящего (параметр персонализации).

Обозначим основные отличия оптимистов от пессимистов по двум первым параметрам (аспектам) *постоянства* и *широты*.

Параметр *постоянство*. Человек с оптимистичным мироощущением позитивные события воспринимает как имеющие постоянный характер (*Я всегда выигрываю в шашки у брата*), а человек с пессимистичным мировоззрением воспринимает такие события как временные или случайные (*Я сегодня выиграл в шашки у брата*). В случае же с негативными событиями оптимист воспринимает их как преходящие или случайные (*Сегодня я не выиграл в шашки у брата*), а пессимист – как носящие постоянный характер (*Я никогда не выигрываю в шашки у брата*).

Параметр *широта*. Для оптимиста хорошие события имеют повсеместный, универсальный характер (*Я выигрываю во всех играх*), тогда как пессимист воспринимает такие события как конкретные (*Я выигрываю только в шашки*). Соответственно, плохие события воспринимаются оптимистом как конкретные (*Я не выигрываю (=проигрываю) только в шашки*), а пессимистом – как носящие универсальный характер (*Я не выигрываю ни в одной игре*).

Аспект персонализации (*personalization*) является наиболее сложным для интерпретации. Он связан с ориентацией субъекта на свой внутренний или внешний мир. Так, когда происходят неприятности, мы можем обвинять в них либо себя (это внутренний подход, пессимистичный), либо других людей и обстоятельства (это внешний подход, оптимистичный) [М.Э.П. Зелигман 1997: 80-82]. Если же речь идёт о позитивных событиях и человек считает положи-

тельный результат своей заслугой, значит, мы имеем дело с проявлением оптимизма; если человек уверен, что источником его везения служат какие-то внешние обстоятельства, то, скорее всего, он – пессимист.

Мартин Зелигман отмечает, что персонализация – это тот параметр, который является самым доступным для понимания. Однако, с другой стороны, это тот критерий, относительно которого можно легко ошибиться, поскольку персонализация характеризует лишь то, что человек *чувствует* относительно себя самого, в то время как параметры *постоянство* и *широта* описывают, что человек *делает*, насколько беспомощным он себя чувствует и в каком количестве ситуаций [М.Э.П. Зелигман 1997: 81-82].

Пожалуй, весьма существенным дополнением в интерпретацию аспекта персонализации явится учёт известной теории Дж. Роттера об интернальном и экстернальном локусе контроля [Л. Д. Столяренко 2000; J. V. Rotter 1990]. Локус контроля характеризует свойство личности приписывать успехи или неудачи либо себе (внутренний подход), либо внешним обстоятельствам и другим людям (внешний подход). Получается, что можно говорить о двух типах людей:

1) экстерналы – это люди, полагающие, что все происходящие в их жизни события являются результатом влияния внешних сил, других людей. Такие люди не принимают активного участия в построении собственной личной жизни и карьеры;

2) интерналы – это люди, уверенные в том, что источником позитивных или негативных событий являются они сами и их действия. Такие люди берут ответственность за свою жизнь. С одной стороны, они считают, что сами добились высоких результатов в своей жизни. В то же самое время именно эти люди станут винить себя во всех неудачах и неприятностях.

Тем не менее, несмотря даже на склонность к самобичеванию, интерналы чаще всего являются победителями, а экстерналы – побеждёнными [Л. Д. Столяренко 2000].

Развитие теории локуса контроля повлекло за собой возникновение представления об оптимальном локусе контроля («хорошем интернальном контроле») [А. А. Реан, Я. Л. Коломинский 2000]. Оптимальным является внутренне-внешний локус контроля, который предполагает экстернальность в области причин неудач и интернальность в области преодоления неудач.

Параметр *персонализация*, предложенный М. Зелигманом, и «локус контроля», предложенный Дж. Роттером, по сути, связаны с одним и тем же положением, согласно которому можно выделить два подхода к жизни, а именно: внешний (экстернальный) и внутренний (интернальный).

Конечно, оптимизм – положительное качество человека, но, как верно отметил Зелигман, «нам нужен не слепой, а гибкий оптимизм – оптимизм с открытыми глазами» [М. Э. П. Зелигман 1997: 426]. Опираясь на оптимальный локус контроля, можно констатировать возможность существования оптимального (реалистичного) и неоптимального (нереалистичного, «слепого») оптимизма. К оптимальному (гибкому) оптимизму следует относить такие высказывания, которые соответствуют оптимальному локусу контроля, тогда как неоптимальный оптимизм связан с отсутствием именно такого локуса контроля (че-

ловек перекладывает всю ответственность за проблемы и их решение на других).

Например, к оптимальному оптимизму будем относить такие высказывания, как *Я всегда сам достигаю вершин успеха; Ты допустил ошибки в нашей совместной работе, но я могу решить эту проблему*. К неоптимальному оптимизму можно отнести высказывание: *Ты допустил ошибки в нашей совместной работе и можешь решить эту проблему*.

Относительно пессимизма всё обстоит следующим образом. Человек либо считает, что все хорошие события в его жизни не связаны с его личными действиями, а скорее являются результатом действий окружающих (экстернальность в области удач), либо склонен обвинять себя во всех неудачах и их причинах (интернальность в области причин неудач и экстернальность в области преодоления неудач).

В качестве примеров приведём следующие высказывания: *Мне часто везёт в жизни* (экстернальность в области удач); *Я допустил (сделал) ошибку, но ты можешь исправить её* (интернальность в области причин неудач и экстернальность в области преодоления неудач).

С точки зрения лингвистики, употребление в высказывании пассивной или активной конструкции является показателем того, несёт ли человек ответственность за происходящее. Пассивные грамматические конструкции, страдательный залог, выраженный страдательным причастием или при помощи постфикса -ся (в русском языке) используются в том случае, когда говорящий не является активным участником процесса, т.е. не несёт ответственность за совершаемые действия [С. А. Байшева 2005; Ю. В. Котова 2012]. Если используется личное местоимение *Я* в именительном падеже, активный залог, говорящий принимает активное участие в ситуации, а значит, несёт за неё ответственность.

Следует обратить внимание на следующие моменты. Интернальность связана с *активностью* индивида, его действием; экстернальность связана с *пассивностью* человека, его бездействием [Л. Д. Столяренко 2000: 378]. С точки зрения языка всё выглядит следующим образом: если в высказывании используется активный залог, мы имеем дело с активностью человека (интернальность), если используется пассивный залог, речь идёт о пассивности человека (экстернальность). Однако, вопрос об активности не так прост и однозначен. Так, использование активного залога далеко не всегда говорит об активной деятельности говорящего. В языке нужно выделять две группы глаголов, а именно: глаголы *действия* (dynamic verbs) и глаголы *состояния* (stative verbs). С глаголами действия всё предельно ясно. Например: *Я играю в шашки. Я хожу на лекции*. Оба глагола *играть* и *ходить* обозначают совершаемое индивидом действие. Глаголы состояния можно разделить на несколько групп: глаголы физического восприятия (*видеть, слышать, чувствовать*), глаголы умственного состояния (*полагать, забывать, знать*), глаголы, выражающие эмоции (*любить, ненавидеть, бояться*), глаголы, выражающие владение, обладание чем-либо (*иметь, владеть*), а также некоторые глаголы типа *казаться, существовать, быть*.

Таким образом, получается, что использование активной формы глагола в высказывании совсем не обязательно говорит об активной деятельности индивида. При определении параметра персонализации, экстернальности/интернальности и, как следствие, оптимистичности/пессимистичности высказывания необходимо помнить не только об активном залоге, но также и о том, **какой** глагол использует говорящий: действия или состояния. Например: (1) *Я – неудачник.* (= *Я есть неудачник.*) (2) *Я делаю неудачные снимки.* По своему характеру оба высказывания негативны. Однако в аспекте параметра *персонализация* данные высказывания не равны. Хотя в обоих случаях используется активная конструкция с *Я*, в первом случае подразумевается глагол состояния *быть*, а во втором примере используется глагол действия *делать*.

Рассмотрим каждое высказывание более подробно.

Высказыванием типа «*Я – неудачник*» говорящий снимает с себя ответственность за все события, происходящие в его жизни. Следовательно, данное высказывание, будучи не связанным с активным действием, несмотря на свой явно негативный характер, по параметру персонализации является оптимистичным. Но если брать на рассмотрение все три параметра, фраза всё-таки пессимистична: *-1* по параметру постоянства, *-1* по параметру широты, *+1* по параметру персонализации; таким образом, высказывание *Я – неудачник* демонстрирует умеренный пессимизм (*-1*).

Произнося высказывание «*Я делаю неудачные снимки*», говорящий берёт на себя ответственность за то, что он делает. Получается, высказывание (2), будучи связанным с активным действием, по параметру персонализации является пессимистичным и в целом – тоже пессимистичным, ведь мы имеем следующее: *-1* по параметру постоянства, *+1* по параметру широты (*Я делаю неудачные только снимки, но далеко не всё, что я делаю, я делаю неудачно*), *-1* по параметру персонализации; в итоге высказывание *Я делаю неудачные снимки* тоже демонстрирует умеренный пессимизм (*-1*).

Таким образом, хотя в целом оба высказывания являются умеренно пессимистичными (и *Я – неудачник*, и *Я делаю неудачные снимки*), внутренняя содержательность обоих высказываний неодинакова. Несмотря на одинаковую общую оценку двух высказываний как умеренно пессимистичных (*-1*), второе высказывание (*Я делаю неудачные снимки*) следует признать более реалистичным.

Последовательное разграничение статического (*Я – неудачник*) и динамического аспектов высказывания (*Я делаю неудачные снимки*) позволяет лучше и на более формальных основаниях обосновать понятие гибкого и реалистичного оптимизма и пессимизма. Примером гибкого и реалистичного пессимизма будут высказывания типа *Я делаю неудачные фотографии*; примером негибкого пессимизма – высказывания типа *Я – неудачник*. Примером гибкого и реалистичного оптимизма будут высказывания типа *Я делаю всё более удачные снимки*; примером негибкого оптимизма – высказывания типа *Я – счастливчик*.

Важным моментом является тот факт, что анализу – с точки зрения оптимизма / пессимизма – подлежат оценочные (позитивные или негативные) высказывания. В наиболее ярком виде оптимизм/пессимизм личности проявляется

в автовысказываниях, т.е. высказываниях, направленных на самого говорящего. Таким образом, не все высказывания субъекта следует рассматривать с точки зрения их оптимистичности или пессимистичности. Особую важность в данной ситуации приобретают *оценка и оценочные высказывания*.

Подводя итоги вышесказанному, хотелось бы отметить, что для наиболее точного определения оптимистичного или пессимистичного характера высказывания необходимо одновременно рассматривать все его характеристики (наличие/отсутствие оценочности, а также параметры постоянства, широты и персонализации) [С. А. Байшева 2005; Ю. В. Котова 2012].

Цитируемая литература

Байшева, С. А. Языковое и речевое выражение оптимизма и пессимизма в дневниках Л. Н. Толстого (1853, 1910 годы) / С. А. Байшева // Язык и мышление : Психологический и лингвистический аспекты. Материалы 5-ой Всероссийской научной конференции (Пенза, 11-14 мая 2005 г.) / Отв. ред. проф. А. В. Пузырёв. – М.; Пенза : Институт языкознания РАН; ПГПУ имени В.Г.Белинского; Администрация г. Пензы, 2005. – С. 146-151.

Зелигман, М. Э. П. Как научиться оптимизму : советы на каждый день / М. Э. П. Зелигман. – М. : Вече, 1997. – 432 с.

Котова, Ю. В. Языковые аспекты классификации оптимистичных / пессимистичных высказываний / Ю. В. Котова // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 70. – 2012. – № 28 (282). – С. 91-94.

Реан, А. А., Коломинский, Я. Л. Социальная педагогическая психология / А. А. Реан, Я. Л. Коломинский. – СПб. : Издательство «Питер», 2000. – 416 с.

Столяренко, Л. Д. Основы психологии / Л. Д. Столяренко. – Ростов н/Д. : Феникс, 2000. – 672 с.

Rotter, J. B. Internal Versus External Control of Reinforcement. A Case History of a Variable / J. B. Rotter // American Psychologist. Vol. 45. – 1990. – No. 4. – P. 489-493.

*Докт. филол. наук Т.С.Кириллова, Т.В.Соколова (Астрахань)
kirillova-asma@yandex.ru*

НЕЙРО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПРОГРАММИРОВАНИЕ И РЕЧЕВОЕ ОБЩЕНИЕ

Теория нейро-лингвистического программирования (НЛП), разработанная в 70-х годах двадцатого века Д. Гриндером и М. Бендлером, признается в США как теория об успешной коммуникации. В последние годы НЛП получило широкое признание в кругах лиц, занимающихся рекламой, маркетингом и публич-рилейшенз и в России как более или менее доступный набор техник речевого и неречевого взаимодействия.

Известно, что нейро-лингвистическое программирование занимается проблемой влияния, оказываемого языком на программирование психических про-

цессов и изучает, каким образом психические процессы и нервная система формируют наш язык и находят отражение в нем.

НЛП – это искусство и наука о личном мастерстве (нейролингвистика – нейро от греческого «neuron» + латинского «lingua», Fr. linguistique; программирование – от греческого «programma»). Искусство, потому что каждый вносит свою уникальную индивидуальность и стиль в то, что он делает, и это невозможно отразить в словах или технологиях. Наука, потому что существует метод и процесс обнаружения паттернов = patterns (систематически повторяющихся, устойчивых элементов поведения), используемых личностями в любой области для достижения результатов. Этот процесс называется моделированием, и обнаруженные с его помощью паттерны, умения и техники находят все более широкое применение в консультировании, образовании и бизнесе, для повышения эффективности коммуникации, индивидуального развития и ускоренного обучения [Дж.Гриндер, 2001, с. 8].

НЛП возникло в начале 1970-х годов и стало плодом сотрудничества Джона Гриндера, ассистента профессора лингвистики в университете Калифорнии и Ричарда Бэндлера – студента психологии в том же университете. Ричард Бэндлер, кроме того, интересовался психотерапией. Они вместе изучали действия трех выдающихся психотерапевтов: Фрица Перлза, новатора психотерапии, Вирджинии Сатир, семейного психотерапевта и, наконец, Милтона Эриксона, всемирно известного гипнотерапевта.

Гриндер и Бэндлер открыли и проанализировали паттерны этих высокоэффективных психотерапевтов. Все они различались как личности, но как терапевты они использовали в работе со своими пациентами схожие наборы паттернов. Оказалось возможным выделить, проанализировать и сгруппировать эти паттерны в специфические структуры, используемые этими специалистами. Основные открытия касались языка, используемого психотерапевтами в консультировании своих клиентов. Также они касались неврологических паттернов, которые поддерживали язык, использованный в терапии, и того способа, которым реальность была сенсорно представлена в опыте, программировала поведение и выражалась в нем [С.Андреас, Т.Халбон, 2000, с. 10]. Начиная с этих первоначальных моделей, НЛП развивалось в двух взаимодополняющих направлениях. Во-первых, как процесс обнаружения паттернов мастерства в любой области человеческой деятельности. Во-вторых, как эффективный способ мышления и коммуникации, практикуемый выдающимися людьми.

В последние годы нейро-лингвистическое программирование получило широкое признание в кругах лиц, занимающихся рекламой, маркетингом и публич-релейшенз как более или менее доступный набор явно указанных навыков и техник речевого и неречевого взаимодействия.

Вместе с тем, особенно в России, где по-прежнему сильны традиции научного подхода, нейро-лингвистическое программирование подвергают критике.

Действительно, многое, что касается теоретического обоснования нейролингвистического программирования, не очень строго, не очень доказуемо и эклектично.

Однако НЛП сохраняет свои позиции в околонаучной сфере. Нейро-лингвистическое программирование – это не теория, способная объяснить всю коммуникацию, а лишь некоторый набор техник, которые можно применить в отношении речевого общения.

У каждого человека есть свой основной канал восприятия и хранения информации, своя так называемая «репрезентативная» система. Полагая, что среди людей есть визуалы, аудиалы и кинестики, нейро-лингвистическое программирование предлагает своего рода словари, которые следует использовать для лучшего взаимопонимания с людьми разных типов.

Исходя из опыта зарубежных психологов и лингвистов, можно сказать, что техники НЛП могут быть использованы в различных отраслях профессиональной коммуникации, включая психотерапию, бизнес, гипноз, образование, и практика доказала их успешность.

Цитируемая литература:

Андреас С., Халбон Т. НЛП: современные психотехнологии. – М., 2000, 350 с.

Гриндер Дж. НЛП – теория успешной коммуникации. – СПб., 2001. 287 с.

*Канд. психол. наук М.Н.Усцева, студент Д.Л.Глухов (Орехово-Зуево)
ustseva.maria@yandex.ru*

ВЗАИМОСВЯЗЬ СТРЕСС-СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ И ПРАКТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ

В условиях социально-экономических, политических и идеологических изменений современный человек постоянно находится в ситуациях стресса. Как способ управления стрессом человек вынужден прибегать к различным стратегиям совладания. При этом у каждого формируются определённые стратегии поведения (копинг-стратегии), основанные на личностных или средовых копинг-ресурсах (Р.Лазарус). Это своеобразные ответы личности на воспринимаемую угрозу. Поведение, имеющее целью изменение или устранение влияния стрессора, рассматривается как активное копинг-поведение. Среди активных копинг-стратегий различают: стратегию «разрешения проблем», это стратегия, при которой используются личностные ресурсы для поиска способов эффективного решения проблем, а также «поиск социальной поддержки» – стратегия поведения, характеризующаяся стремлением взаимодействовать с окружающими, выраженном в желании получать и оказывать поддержку. Также выделяют стратегию «избегания» – это пассивная стратегия поведения, выражающаяся в стремлении ухода от проблем путем избегания.

В зависимости от выбранных стратегий у человека могут развиваться как адаптивные, так и дезадаптивные формы поведения. Копинг-стратегии, развиваясь в подростковом возрасте, определяют формирование индивидуального

копинг-поведения, которое по мере взросления становится основой жизненного стиля личности (С.Ю.Семенов, 2008).

Согласно некоторым данным, активные копинг-стратегии, среди которых проблемно-разрешающий копинг и поиск социальной поддержки способствуют адаптивным формам поведения (Н.А.Сирота, В.М.Ялтонский, 2003).

Стратегия «планирование решения проблемы» – стратегия, при которой человек старается решить ситуацию с помощью собственных усилий; он соотносит собственные возможности, преодолимость внешних обстоятельств, планирует и устраняет возникшие препятствия. Разрешение проблемы рассматривается как когнитивно-поведенческий процесс.

Дезадаптивным же форм поведения способствует стратегия «избегание». В основе данной стратегии механизм поведения, основанный на недостаточно развитой системе личностно-средовых копинг-ресурсов и активных копинг-стратегий. Считается, что стратегия «избегание» направлена не на совладание со стрессом, а на его уменьшение. Такие люди стараются не думать о проблемной ситуации, что может указывать на неумение или нежелание решать проблемы в стрессовых ситуациях

Мы предположили, что использование копинг-стратегий связано с когнитивными ресурсами личности. Поэтому, возможно для использования проблемно-разрешающего копинга требуется достаточный уровень развития мышления. Было интересно предположить о наличие связи между копинг-стратегией «планирование решения проблем» и уровнем развития практического мышления. С этой целью было проведено исследование на группе студентов (22 человека) выпускного курса. Студентам было предложено выполнить следующие методики: «Индикатор копинг-стратегий» (Д.Амирхана), методику «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (адаптированный вариант методики Н.С.Эндлера, Д.А.Паркера «Coping Inventory for Stressful Situations») и тест умственного развития взрослых (М.К.Акимовой, Е.И.Горбачевой, В.Г.Зархина, В.Т.Козловой, Н.А.Ференса).

В ходе проведенного исследования были получены следующие результаты: большинство испытуемых, а именно 73%, выбрали проблемно-разрешающий копинг, 9% – «поиск социальной поддержки», а 18% студентов не имели выраженной копинг-стратегии, согласно методике «Индикатор копинг-стратегий» (Д. Амирхана). Таким образом, у большинства студентов преобладает проблемно-разрешающий копинг. Это согласуется и с данными методики «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях», где также большинство студентов предпочли решать проблемы, а не избегать их. При этом нами было отмечено, что такие студенты имели высокие показатели в учебе, студенты же с неопределенной стратегией поведения имели низкие показатели успеваемости в ВУЗе.

Интересные данные были получены с помощью теста умственного развития взрослых. Было выявлено, что значительная часть студентов, а именно 72%, имеют средний уровень умственного развития, а 28% будущих выпускников – низкий уровень.

Также нами было обнаружено, что высокие показатели использования стратегии разрешения проблем положительно коррелируют со средними показателями практического мышления (критерий Спирмена r_s). Важно отметить, что студенты со средним уровнем развития мышления склонны прибегать к проблемно-разрешающим моделям поведения, в то время, как студенты с низким уровнем – или не имеют выраженной копинг-стратегии, или прибегают к стратегии избегания. Вероятно, такие студенты склонны считать, что прилагают достаточные усилия для решения сложных жизненных проблем, что может быть результатом не критичности к себе.

Таким образом, студенты с достаточным уровнем развития практического мышления способны использовать свои интеллектуальные возможности для совладания со стрессом. При этом, чем выше уровень практического мышления, тем больше набор поведенческих копингов в стрессовых ситуациях.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

Канд. филол. наук Л.И. Батурина (Recife, Brazil)

baturina_l@yahoo.com

БИЛИНГВИЗМ. ЧТО, КОГДА, КАК, ЗАЧЕМ?

(из наблюдений за детьми-билингвами)

ЧТО / КТО

В современном мире, все более и более глобальном, двуязычие становится вполне обычным явлением. Тем не менее, нет еще точного определения двуязычия. Если "вчера" мы говорили о двуязычии, как возможности бегло говорить на двух языках, то "сегодня", когда учебная программа в большинстве школ рассматривает два иностранных языка в качестве нормы, мы должны быть более точным с определением двуязычия, билингвизма и многоязычия.

Существует много классификаций билингвизма – в зависимости от возраста, умения, желания, способностей, языкового влияния и многие другие. Все эти классификации основаны на одном простом принципе, что любую языковую способность в двух или более языках называют двуязычием. В противоположность этому подходу мы различаем компетенции и билингвизм и называем тех, кто выучил язык в школе, университете или на более позднем этапе "мульти-компетентными", но не билингвами [7].

Это определение позволяет отделить ранний билингвизм (первичный, от рождения, или в первые годы жизни) от так называемого многоязычия, приобретенного в результате специального обучения. Билингвизм или мультилингвизм – это бессознательно развитые способности понимать и говорить на разных языках.

Сегодня лингвистика и та ее часть, которая изучает многоязычие, не может оставаться в стороне от конгломерата наук, таких, как неврология, социолингвистика, психология, психолингвистика, педагогика и методика преподавания. Но вопрос о смежных дисциплинах очень сложен, и является источником дебатов об условиях, подходах, нюансах, и всегда зависит от целей исследования.

Например, если рассматривать, как двуязычные дети взаимодействуют в многоязычной семье / обществе, то мы будем говорить о функциях различных языков в данном сообществе – это будет область социолингвистики. Если описывать биологические механизмы билингвизма – это будет нейролингвистика. Если рассматривать жанры семейного общения и коммуникативные функции – это будет анализ дискурса. Для описания скорости переключения с одного языка на другой – психолингвистика. И только все вместе будет всесторонний анализ проблемы [3].

В идеале должны быть созданы исследовательские группы, которые смогут объединить ученых из всех вышеупомянутых областей: социологии, нейролингвистики (или неврологии в целом), психолингвистики и, конечно, педаго-

гической науки и взяться за организацию междисциплинарных конференций по теме многоязычия, чтобы изучить его во всей сложности.

В этой статье мы хотим внести свою лепту и изучение билингвизма и пытаемся проанализировать опыт наблюдения автора за собственным многоязычным ребёнком и схожим опытом родителей многоязычных детей, собранный в результате общения с различными интернациональными семьями мигрантов, а также многолетнюю дискуссию о многоязычии в живом журнале Вадима Левина, писателя, детского психолога, ученого и лингвиста [12].

Семилетний ребёнок автора, Леонид, живет с двумя русскими родителями, бегло говорящих на нескольких иностранных языках. Он родился в Бельгии и до трёх лет дома слышал только русский язык. Другие языки, такие как английский, нидерландский и французский носили спорадический характер с гостями или вне дома. Его русский отличается грамотной речью, большим словарным запасом, соответствующим уровню первоклассника хорошей российской гимназии. С трех лет Леонид начал ходить в детский сад на нидерландском по 3 часа в день. В возрасте почти 6 лет он вместе с семьей переехал в Бразилию, где пошел в двуязычную англо-португальскую школу для бразильских детей, где обучается в настоящее время во втором классе. Мы благодарим преподавателей школы АВА в Ресифи, Бразилия, за большую поддержку иностранным детям.

Школа АВА: «...Уроки на португальском и английском в школе АВА проводятся в соотношении 2/1: португальский – 3.5 часа, английский 1.5 часа в день. Философия обучения в школе основана на идее интегрального видения мира, где уроки не имеют четкой разницы между предметами математики, языка, чтения, природоведения или географии, а каждый включает в себя элементы всех других. Важно отметить, что большинство одноклассников Леонида ходили в детсад этой же школы с трёхлетнего возраста».

Хотя для родителей Леонида английский является более приоритетным как язык мирового общения, на собрании учителей было решено, что для общения со сверстниками и для понимания происходящего в классе ему необходим срочный португальский. Предоставляя английскому развиваться с той же скоростью, что и у других детей в классе, Леониду назначили дополнительные индивидуальные 4 урока по 30 минут в неделю португальского языка. Через год его португальский стал вполне сравним с другими детьми, и не знающий предыстории посторонний человек не сможет сказать, разговаривая с Леонидом, что он иностранец».

ГДЕ И КОГДА

Различные аспекты многоязычия были изучены в области нейрологии. Последние исследования языковых областей мозга помогли сузить определение билингвизма в отношении языка и возраста [4, 6].

Различные части правого и левого полушарий включены в процесс производства языка. Многоязычные лица последовательно демонстрируют аналогичные модели активации мозга, когда используется один-два или более языка, которыми они свободно владеют.

Те, кто приобретает несколько языков в раннем возрасте или практически с рождения, используют аналогичные части зоны правой части мозга. Если второй и далее язык приобретен позже, в частности, после «критического» периода, то язык централизуется в его левой части [1].

Важно, что на самых первых шагах обучения иностранному языку, то есть на этапе звук-образ, даже в более позднем возрасте, сначала активируется правая часть, но скоро после начала логического осмысления языка активность перемещается в левую зону, где находится мышление и логика.

И очень недавние исследования доказывают, что то же самое происходит и с музыкой – таким было заключение ученых из Ливерпульского университета, которые исследовали профессиональных музыкантов, в частности ту их часть мозга, которая ранее считалась ответственной только за слова [10].

Результат исследования показал, что независимо от их инструмента, в этой части их мозга было больше серого вещества, чем у людей, которые никогда не обучались музыке. Кроме того, его объём зависит от количества лет, посвященных музыке. Эти данные свидетельствуют о том, что для нашего мозга музыка – это еще один язык, и музыкантов с детства вполне можно отнести к билингвам.

Не случайно, что дети-билингвы дают очень точное произношение звуков в разных языках. Звуки музыки и звуки речи находятся все в той же правой части мозга – дети-билингвы воспринимают языки не как набор слов, а как совокупность звуков – это способ, которым они воспринимают язык.

На одном из уроков бразильская учительница Леонида рассказывала о русских матрешках и произносила это слово как [matrioshka] с типичной для иностранцев фонетической ошибкой смягчения [SH] и неслиянием звуков [i] и [O]. Дома Леонид говорил о том, что было в школе, и произнес это слово точно так, как произнесла его учительница, с типичными фонетическими ошибками. Кроме того, он спросил, о чём была речь. Зная прекрасно русскую игрушку – играл много раз – и правильное произношение, он тем не менее повторил слово за учителем, потому что в его сознании это сочетание звуков отличалось от другого, а потому и воспринял эти два слова, как разные.

Многие замечали, насколько негибки в понимании речи с иностранным акцентом люди в моноязычных странах. Причина в работе их мозга – их родной язык навсегда остается в правой части мозга, и они никогда не изучали иностранный язык или не контактировали с иностранцами. Таким образом, их лингвистическая аналитическая часть левого мозга никогда не была разработана – каждая комбинация звуков, которую они слышат от иностранца, отличается от того, что хранится в их правой части мозга и, таким образом, эти комбинации не могут быть согласованы. Например, часто малообразованные бразильцы не понимают английское слово "coffee" [kofi], как бы близко оно ни казалось нам к португальскому "cafe" [kafe].

Возможно, вопрос о возрасте, когда лучше начинать изучать иностранный язык, является наиболее широко обсуждаемым. То же самое касается и воспи-

тания билингов. Существует период в развитии ребенка, когда для овладения языком ему не нужно слишком много усилий.

Ранние теории латерализации мозга и пластичности нейронов доказывали, что многоязычие влияет на структуру мозга, что увеличивает возможности его пластичности.

Однако, большинство из этих различий в структурах головного мозга билингов может быть изначально генетическими. До сих пор не существует консенсуса – может ли пластичность быть эмпирическими способностями (приобретение языков в течение жизни) или генетическими (предрасположенности к пластичности мозга) [8].

Так же до сих пор нет и общего согласия о возрасте. Высказывается мнение, что половое созревание является «критическим» возрастом, но этот чистый физиологический подход также не принят повсеместно.

Необходимо продолжать не только исследования мозга, но также и социальные и культурные факторы билингвизма.

Мы считаем, что нужно различать способность ребенка жить более или менее мирно в иностранной языковой среде и его способность говорить на этом языке. Часто люди путают эти две вещи, и молчание ребенка воспринимается, как отсутствие знаний, а таких детей считают лингвистически неразвитыми. Для нас же это вопрос исключительно развития социальных навыков и мотивации общения.

Распространённая ошибка думать, что чем раньше ребенка поместят в иностранную языковую среду, тем скорее он станет говорить на этом языке. Замечено, что ребенок, тем не менее, начинает применять свои языковые навыки в социуме только с момента, когда ему понадобится там общаться. Средний возраст – пять лет. Дети с ещё невыработанной необходимостью социальных контактов могут легко хранить молчание и играть в одиночку в течение трёх-четырёх часов в детском саду, а дома с родителями восполнить недостаток в общении. В Бельгии и Франции мы наблюдали нескольких детей из семей мигрантов. Речь тех, кто начал посещать детский сад в возрасте трёх лет, и тех, которые только что прибыли в другую страну и пошли в школу в возрасте шести-семи лет, практически идентична. Только в первом случае этот успех достигался в течение четырёх лет, а во втором – в четыре месяца. Таким образом, мотивация социального общения является первым фактором развития двуязычия.

Школа АВА: «...в классе дети были очень возбуждены наличием иностранца, и учителя использовали этот факт для мотивации детей разговаривать по-английски – это позволило классу выйти на хороший уровень английского всего за пару месяцев. Уровень английского языка, который демонстрирует Леонид, ничуть не отличается, а скорее превосходит его одноклассников».

Просто жить в иноязычной среде без общения не означает автоматически научиться этому языку. Это верно как для взрослых, так и детей. А у взрослых, по сравнению с детьми, ещё более низкая мотивация для социальной коммуникации.

Наряду с этим, получение иностранного языка в среде родного языка, посещение занятий в двуязычных школах лучше начинать как можно раньше, чтобы создать естественный процесс «звук-объект-идея». Более того, рекомендуется свести к минимуму случаи, когда ребенок может слышать свой родной язык во время школьных часов. К сожалению, это делает образование очень дорогим и привилегированным. Поиск оптимального компромисса является самой большой проблемой для двуязычных школ.

КАК

Замечено, что во время игры ребёнок-билингв играет на языке, присущем этой конкретной игре.

Леонид играет с игрушечным автомобилем. Его игра строится на основе игры на компьютере. Он играет на английском языке: использует фразы из этой игры, строит свои собственные предложения на английском. Игры с мячом, с лего, с пазлами ведутся на русском – языке родителей. Если он играет в школу, то на португальском языке. Если игра соответствует мультфильмам, которые он увидел на нидерландском языке, то игра на нидерландском. Причем самостоятельное переключение с игры на игру осуществляется с переключением с языка на язык без какой-либо рефлексии, если не заострять на этом внимание. Другими словами, он воспроизводит ситуацию и все компоненты ситуативной игры, в том числе её языковое наполнение. Его мир состоит из нескольких параллельных миров, каждый из которых имеет свой язык.

В случае с билингвами часто используют термин "родной язык", однако этот термин неоднозначен для двуязычных. Наблюдения доказывают, что "родной язык" является переменной и во многом зависит от усилий родителей. В раннем возрасте многоязычный ребёнок "выбирает родным" тот язык, на котором он играет.

"Родной язык" или "первый язык" является одним из самых важных понятий социолингвистики. Это означает, как правило, язык, полученный на ранней стадии, в языковой среде и без специального обучения. Поэтому часто для таких билингвов лучше дифференцировать языки как "первый выученный" и "доминантный сегодня" (используется для мышления сегодня).

Если сделать такую дифференциацию, то мы приходим к выводу, что для билингвов "родной язык" – не термин, но субъективное определение в области психологического вопроса о языке. Каждый двуязычный индивид определяет родной язык для себя сам.

Один из самых важных результатов наших наблюдений и самый болезненный вывод, к которому приходят большинство родителей, – если родители играют со своими детьми, то ребенок выбирает их язык в качестве родного. Если у них слишком мало времени, или, что еще хуже, если они слишком ленивы, чтобы играть в детские игры, и оставляют это на детский сад и школу, в один прекрасный день ребенок отказывается говорить на их языке. Это болезненная правда действительно для всего мира.

В последнее время в русском языкознании появился новый термин "суржик" – смесь из двух или более языков, где слова и правила грамматики одного языка используются в другом. Это обычное явление в тех случаях детей-билингвов, словарный запас которых невелик, чтобы быть носителем, и достаточен, чтобы участвовать в простых ежедневных разговорах. Суржик, как явление «неродного» языка, является результатом отсутствия игры с ребенком, когда тот был ещё очень мал, и языковой недисциплинированности самих родителей.

Замечено, что в семьях, где родители говорят на разных языках, в большинстве случаев дети в этих семьях редко становятся двуязычными, если их внешний мир говорит на языке матерей. Для отцов поддерживать их язык становится невыполнимой задачей. Когда матери находятся в той же ситуации, результат существенно отличается. Это практическое наблюдение за большинством случаев и не имеет цели стать дискриминацией по полу. Он просто говорит о времени, проведённом матерями с детьми и большим внимании, которое они уделяют игре и базовому начальному образованию, включая культуру [5].

Чтобы убедиться, что язык постоянно развивается (иначе он деградирует), родители должны использовать его регулярно: играть, читать, заниматься совместной деятельностью, обсуждать домашние дела, смотреть фильмы, путешествовать и делиться впечатлениями, и т.д., и всё это на языке родителей.

Школа АВА: «...Для мотивации учебной деятельности мы использовали игры и шутки. Это были как традиционные бразильские игры, так и современные пазлы с картинками и словами. В игре отработывались через многочисленные повторения наиболее распространенные слова и фразы. Например, мы использовали воображаемый корабль для обучения счёту, словам, обозначающим цвета, таким глаголам, как идти-приходить-уходить, брать-взять,, смотреть-видеть, говорить-сказать, слышать-слушать и другим».

Школа АВА: «...во время занятий мы использовали любовь Леонида к рисованию. Мы рисовали море, город, слова с определённой буквы, истории из его жизни и их продолжения и изучали через эти рисунки соответствующий вокабуляр».

Мы ожидаем много аргументов против нашего тезиса о «родном/доминантном» языках, в частности, что только родное слово вызывает реакцию сердца, прикасается к ассоциациям, эмоциям, может травмировать ухо, если используются неправильно и т.д. Но, тем не менее, билингвы чувствуют то же самое для разных языков.

Леонид исправляет произношение родителей и грамматику, и ему неприятно на слух, когда родители делают ошибки в португальском. Более того, он расстраивается до слёз, когда чувствует, что какое-то слово на английском приходит на ум раньше, чем на русском. Или когда чувствует, что нидерландский – из-за его редкого использования – уходит на задний план в пользу двух других новых языков. На сегодня в его четырёхполюсном мире русский является его "родным языком", потому что это язык его личной стабильности и защиты. Но утрата одного из его языков общения

– это потеря устойчивости его картины мира и его принадлежности к важной части своей культуры. «Я расстраиваюсь, потому что чувствую, что я, русский бельгиец, становлюсь бразильцем», – говорит Леонид, и это совсем нешуточные переживания семилетнего человека.

Билингвы почти всегда балансируют на грани уязвимости. Выросшие в стране, где и взрослые, и дети вынуждены строить своё культурное пространство на перекрестке нескольких культур, дети билингвы находятся в очень уязвимом положении. Эта уязвимость может быть стимулом для развития чрезвычайных творческих способностей, а может вызвать серьезные проблемы в отношениях в семье и в самоопределении ребенка. Вот почему атмосфера доброй воли в школе и поддержка семьи имеют важное значение для двуязычных детей.

В 1922 году философ Людвиг Витгенштейн произнес свою знаменитую фразу: *"Границы моего языка означают границы моего мира"* [11]. Никто не спорит с тезисами, что язык и мышление влияют друг на друга. Однако есть некоторые разногласия по поводу аргументов, что каждый новый язык влияет на мышление и действия людей по-своему.

Мы остаемся на той позиции, что в процессе познания мира мысль движется теми же способами, какой бы язык не был использован. В этом смысле, мышление не зависит от языка в целом и от переменных языковой структуры. Ни один тип языка не может способствовать или препятствовать работе сознания. Тем не менее, проблема отношения между языком и сознанием не может быть удалена, но должна быть сдвинута в область функциональности. В этой связи говорится о социальной памяти, культурной и нормативной сфере языка, его нормативно-правовых, поэтических, мистических и другие функций. Сила воздействия каждой функции связана с социальными системами, культурным развитием и индивидуальными способностями людей.

Слова языка, на котором мы говорим, влияют на картину мира, которую мы строим. Чем больше слов, которые мы имеем в нашем распоряжении, тем больше изображений. Когда мы учимся говорить на другом языке, мы учимся видеть большой мир под влиянием различных культурных и социальных систем. Каким образом уму маленького двуязычного ребенка удастся в них разобраться? Нам представляется, что разделение систем – это самый простой способ. Для маленького ребенка два разных языка обозначают два разных мира.

Для русских детей совместное существование двух миров начинается с их имени – официального и «домашнего»: "Лёня" используется в домашних условиях, и официальное "Леонид" для школы. В большинстве культур это не принято, и официальное имя является единственно возможным. В случае с Леонидом он никогда не смешивает их и даже останавливает родителей, если использовано не по назначению.

Live journal "Когда моя девочка пришла из израильского детского, я узнала, что ее зовут не Юля, но Юдит. Как я ни старалась это изменить, все было напрасно. Школьное имя Юдит приклеилось навсегда».

Контекст языка – реальная помощь детям-билингвам. В возрасте четырёх они уже понимают, что языки тесно связаны с контекстом, с контекстом матери

и контекстом отца, контекстом школы и контекстом страны и т.д. Кроме того, ребенок нуждается в стабильном мире, где в ситуациях А, В, С действия повторяются в том же порядке. Только в этом случае он чувствует себя защищённым. Это причина, почему они слушают одни и те же истории много раз и настаивают, чтобы истории имели те же слова, как при первом прочтении. Вот почему важно, чтобы люди использовали определённые языки в определённых ситуациях, контекстах, не смешивая их.

Live journal: «... Двухязычному Данику (русский-иврит) было 8 лет, когда мы поняли, что он думает на двух языках, хотя внешне он проявлял большее желание говорить на иврите. Однажды на уроке со стены в классе упала картина, и Даник закричал на русском языке. Он объяснил это, что в тот момент, когда он увидел, как падает картина, он думал о доме и о родителях, а это значит на русском языке».

Замечено, что если мужчина и женщина из разных языковых культур говорят на третьем языке, когда влюбляются, то этот язык, безусловно, останется их языком общения, не имеет значения, насколько хорошо другие языки разовьются позже. Это явление называется "языком любви" – смена языка в большинстве случаев будет восприниматься, как разговор с посторонним.

Существует ещё большой объем работы для исследований в области языка и мышления, но очевидно, что язык является одним из многочисленных факторов, влияющих на мысли и действия человека. И поскольку язык проникает во все сферы жизни, нам всегда придется решать когнитивные проблемы, а языковой детерминизм не перестанет привлекать внимание лингвистов. Одним из ключевых исследований мог бы стать анализ одновременного сосуществования двух и более языков в сознании многоязычных людей. Со временем появится больше лингвистов-билингвов, с помощью которых, мы надеемся, эта тайна немного приоткроется. В этой работе мы бронируем за собой слово новой формации "*bilingualist*" – человек, который не только сам двухязычен, но и является профессиональным лингвистом-исследователем.

Долгое время было общепринятым считать, что языковые навыки автоматически означают наличие навыков перевода. Тем не менее, многие годы наблюдений различных лингвистов и родителей доказывают, что двухязычные дети не могут переводить – каждый из языковых паттернов существует в их уме не как параллельные, но одновременные. Это особенно очевидно для детей от трёх до семи лет. Навыки перевода у них появятся только при специальной подготовке. Например, *хлеб, pao, broat, bread* – это не то же самое для ранних билингвов. Они связаны с различными визуальными картинками, запахом, вкусом, формой, цветом, и т.д. Когда маленький ребенок попадает в иностранную языковую среду, эти слова входят в его сознание как «звук-объект», где звук соответствует картинке. И только потом он учится понимать, что хлеб может быть хлебом в разных его вариантах. Это также верно и для математических понятий.

Live journal "Мы живем в США уже в течение 10 лет, наша дочь родилась здесь и полностью двухязычна (русский и английский). Я – исследователь метафор в математике и собираю случаи «разности математики».

ческих метафор в русском и английском языках". Это довольно забавно, что, когда наша дочь сталкивается с одной и той же визуальной математической ситуацией, она может использовать два различных метода решения в зависимости, на каком языке она в настоящее время говорит: на русском или на английском".

Подобное происходит и с цветом. В русском языковом пространстве светофор имеет три цвета: *красный, желтый, зеленый*. В нидерландском: *красный, оранжевый, зеленый*. Прекрасно различая оранжевый и желтый в других ситуациях, Леонид не видит оранжевый на светофоре, а только желтый. Такой же случай описан мамой двуязычной девочки в Японии (русский-японский). В Японии, говоря о светофоре, используют слово "голубой" (АОИ) – то же самое слово используется для описания свежих листьев. С другой стороны, они имеют слово "Мидори" – *зеленый*. Двуязычный ребенок под влиянием русского языка не видит на светофоре "голубой", но только «зелёный».

Вопрос о взаимовлиянии языков и языковой интерференции тесно связан с двуязычием и билингвизмом. Когда человек попадает в языковую среду третьего языка, в первый очень короткий период для связи с другими он бессознательно будет апеллировать к своему самому слабому языку. То же самое происходит с детьми.

Леонид вдруг продемонстрировал свой нидерландский, когда он прибыл в Бразилию. Мы были очень удивлены, потому что никогда не считали его свободным. Тем не менее, в первый месяц каждый раз, когда он хотел что-то сказать, он говорил с бразильцами по-нидерландски, думая, что если не русский, то они должны говорить на "иностранном языке".

Это часто случается со взрослыми – мозг посылает сигнал о необходимости говорить на иностранном языке. Иностраный – значит менее известный, то есть наименее изученный. Вскоре с накоплением слов, эта путаница останавливается. В случае со взрослыми она длится дольше из-за медленного процесса обучения в целом.

Интерференция языка – естественный процесс, который определяется многими факторами: культурными, социальными, образовательными, лингвистическими и многими другими [2].

К сожалению, интерференция языков и погружение в каждый новый язык сопровождается некоторой потерей навыков владения родным языком.

Русский имеет довольно сложную грамматику и очень хорошо развитую морфологию. Они страдают в первую очередь и главным образом. После одного года интенсивного погружения в португальский и английский Леонид вернулся к применению более "простых" морфологических правил в русском языке. Появились вдруг неправильные формы "Хотите-Хочите, Хочет-Хотит". После интенсивных поправок со стороны родителей правила возвращаются.

В спонтанной речи многоязычный ребенок с погружением в новый язык начинает обильно использовать слова-паразиты, которые позволяют ему 1/ привлечь внимание и 2/ взять время, чтобы подумать, что и как сказать.

У Леонида в самые первые пребывания в Бразилии проявилось нидерландское «*van evenjes*», затем повторилось за мамой французское «*donc*», и затем возникло португальское «*entao*».

Школа АВА: «...На определённом этапе мы заметили, что Леонид как будто бы начал заикаться, но заикание было не на слогах, как это обычно бывает. Он несколько раз повторял первое слово фразы. Мы порекомендовали его учителю португальского проявить особое терпение и дать ему время построить предложение. На самом деле, как выяснилось, ребенок использовал этот способ для обдумывания фразы. «Заикание» прекратилось по мере овладения языком и приобретения навыков спонтанной речи».

Это происходит на этапе, когда заученных фраз не хватает для спонтанности речи, и мозг начинает «перебирать базу данных» для поиска подходящего варианта или его видоизменения.

Live journal "...Наблюдая за детьми мигрантами в Америке я понял, что они изучают язык не как взрослые, которые пытаются вспомнить логику языка и сделать корреляции с их родного языка. Дети слышат фразу целиком – "формулу" и запомнить ситуацию, когда она был звучала. Они будут применять эту "формулу" позже при подходящем случае. Таким образом, они учат не слова и грамматику, но формулы".

Этот способ, однако, имеет негативное влияние на обучение чтению. Натренировав память и запомнив "формулы" в устной речи, эти дети не применяют много усилий, чтобы выучить буквы – они могут "читать" по памяти. Для непосвященных наблюдателей это будет выглядеть так, как будто ребенок читает очень хорошо и свободно, тогда как в реальности он просто воспроизводит «фразу» по памяти.

В качестве аргумента против родительского отрицания чтения «по памяти» и настаивании на обучении чтению и письму Леонид избрал «первобытный» способ кодирования речи – он начал сочинять рассказы и изображать их в виде «многосерийных» рисунков, как в комиксах, с ясно выраженной завязкой сюжета, развитием и развязкой.

Школа АВА: «...В начале Леонид не проявлял большого желания писать. Его «многосерийные» рисунки были для него вполне достаточным средством избежать сложных коммуникативных ситуаций. Но постепенно он начал понимать преимущество написанного слова».

Морфологический подход к формированию новых слов часто наблюдается у маленьких детей от одного до трёх, особенно в языках с четкой морфологической структурой: приставка-корень-суффикс-окончание. Двуязычные дети прибегают к этому приему довольно часто в случаях поиска подходящего слова, получая морфологический неологизм. Это только отчасти похоже на суржик – такой период новообразований очень недолог, как и период развития речи у малышей, в то время, как суржик – застывший «неродной язык». Напр.: *бутербродЕН*, *хлебЕН*; *ПРЕgrande*.

ЗАЧЕМ

Двуязычие как языковое явление, безусловно, известно с великого переселения народов. Тем не менее, исследования в области билингвизма появились чуть более века назад, а педагогические вопросы подняты только в последнее время. В большинстве случаев работы по теме написаны родителями в двуязычных семьях, которые профессионально связаны с лингвистикой или педагогикой. Большинство таких изданий дают практические советы родителям, оказавшимся в сходных ситуациях [5, 9].

Только недавно, когда глобализация стала проникать всё глубже во все сферы жизни, был поднят вопрос о суверенитете культур в обществе, когда люди хотят сохранить свою культуру. Двуязычие попало под перекрестный огонь противоположных мнений. Аргументы высказаны с обеих сторон: – двуязычие приводит к потере аутентичности и – двуязычие обогащает соприкасающиеся культуры.

Обсуждение идет еще дальше от двуязычия к образованию – кого считать держателем культуры – носителя одного языка или билингва? Возможно, если мы хотим получить культурно-образованного многоязычного ребенка, нам нужно вовлечь его в мультикультурную деятельность. Примером хорошо развитой культурной общности является русская община в городе Антверпене, Бельгия, где есть школы, церкви, театры, клубы и неправительственные организации для русскоговорящих семей и их детей. Дети из этой общины не стесняются отвечать на вопрос о своей национальности. Забавно, что Леонид до шести лет был уверен, что русский язык является одним из официальных языков Бельгии, а сама Бельгия – это дальний регион России.

С другой стороны, если ребенок не приобщился к культуре родителей, это не означает автоматически, что он приобщится к культуре страны проживания. В первые годы у ребенка формируются ценностные ориентиры, и если они не сформированы, то место для этого в основаниях личности может остаться пустым. Он будет продолжать жить, как *"ненастоящий норвежец"*, *"не очень немец"*, *"иммигрант во втором поколении"*, – эти атрибуты часто можно услышать в Норвегии, Швейцарии, Германии о детях иммигрантов, которые даже родились в стране. Местные граждане будут держать их в стороне, и всегда помнить их иммигрантское происхождение. Наоборот, если человек привязан к своей культуре, культуре своих родителей и понимает и уважает культуру страны проживания, он будет, действительно, *"отличаться от других"*, но это будет интересно и оригинально.

Общий вывод – учить ребенка не только двум языкам, но и двум культурам. Или сначала научить своей культуре, а потом с уважением постигать чужую. Самый плохой сценарий – это застрять между культурами.

Хотя мы настоятельно рекламируем билингвизм как форму образования, мы не поддерживаем тех, кто интерпретирует двуязычие как средство для получения гениального ребенка с более высоким IQ, чем у одноязычного. Действительно, за последние 20 лет подобные публикации по теме растут так быстро, как и сами двуязычные школы. Большинство таких статей представля-

ют результаты тестов по когнитивным навыкам и коммуникативным задачам. С 2014 эти данные были неожиданно поставлены под сомнение. Основной аргумент – положительные результаты таких тестов быстрее находили свой путь к публикациям, в то время как на отрицательные не было заказчиков. А реальные результаты таких тестов, на самом деле, 50/50. Маркетинговый запрос на положительные результаты был настолько велик, что это сказалось на потоке информации. Теперь опасность состоит в волне опровержений.

Мы не разделяем никакую из этих сторон. Наша идея заключается в том, что билингвы, безусловно, лучше аудировать и анализируют речь. Они лучше понимают, что мир разный – и это уже их преимущество. Остальные навыки – когнитивные, навыки переключения с одной задачи на другую и т.д., – по нашему мнению, являются чисто индивидуальными и/или результатом воспитания и специального обучения.

Но хотя двуязычие и не значит получение гениального ребенка, мы по-прежнему промотируем двуязычное образование. Тому есть несколько причин. Современная научно-популярные теории советуют двуязычие в качестве метода, который будет отодвигать старческое слабоумие. Это правда. Тем не менее, мы считаем, что это последняя причина в списке, почему родители готовы платить большие деньги и прилагать много усилий, чтобы дать двуязычное образование своим малолетним детям, которым едва пять или меньше.

В первую очередь эти родители думают о языках как умению выжить в сегодняшнем требовательном высоко-информационном потоке. Они думают о языках как о возможности получить образование в любой стране; о языках как возможности общаться и получать от этого преимущества; о языках как активах для будущей престижной работы; о языках как способе понимать разные народы, культуры и в конце концов обеспечить мир на земле. Это то, о чём думают родители. И для этого мы промотируем двуязычное образование!

Список литературы

1. Abutalebi, J., Cappa, S. F., Perani, D. The bilingual brain as revealed by functional neuroimaging // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2001, 4, 179–190
2. Батурина Л.И. Потеря навыков родного языка в условиях иноязычной среды. Лексический анализ. // *Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты. Материалы X-й Международной научной конференции (Ульяновск, 12-15 мая 2010 г.)* / Отв. ред. проф. А.В.Пузырёв. – М.; Ульяновск: Институт языкознания РАН; Ульяновский государственный университет, 2010. С. 75-80.
3. Белянин В. П. Психолингвистика. Учебник. – М.: Флинта: Московский психолого-социальный институт, 2003.
4. Collier V. The Effect of Age on Acquisition of a Second Language for School.// *The national clearinghouse for bilingual education*, 1988, 2
5. Cunmihgam-Andersson U., Andersson S. Growing up with two languages, Oхан, 2004

6. Dehaene S. Fitting two languages into one brain. // A Journal Of Neurology. 1999, doi:10.1093/brain/122.12.2207
7. Cook V. Effects of the Second Language on the First, Front Cover, Multilingual Matters, Language Arts & Disciplines, 2003
8. Hyashizaki, Y. Structural plasticity in the bilingual brain. // Nature, 431, 7579, 2004
9. Цейтлин С.Н., Мои соседи. Обучение русскому языку как неродному // Начальная школа. – 2004. – № 5. – С.14-19.
10. Wienbruch C, Meinzer M, Elbert T, Djundja D, Barthel G, and Rockstroh B. Intensive language training enhances brain plasticity in chronic aphasia. // BMC Biology. 2004, 2-20
11. Wittgenstein L., Russel B., Tractatus Logico-Philosophicus, London, 1922
12. <http://vadimlevin.livejournal.com/3561.htm>

*Докт. филос. наук А.А.Гагаев (Рузаевка),
докт. пед. наук П.А.Гагаев (Пенза)*

ПРОБЛЕМА МАТА В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ И ОБЩЕСТВЕ

В смутные времена, в эпоху разрушения абсолютных ценностей, когда особую цену имеет все чистое и нравственное, появляются люди, которые мутят душу народа, и возникает необходимость чистое называть непорочным, грязное – отвратительным и неприемлемым. «Для чистых все чисто; а для оскверненных и неверных нет ничего чистого, но осквернены и ум их и совесть. Они говорят, что знают Бога; а делами отрекаются, будучи гнусны и непокорны и неспособны ни к какому доброму делу» (Тит.2:15-16).

Сама постановка вопроса «материться – не материться», «запретить мат – не запрещать» – абсурдна, противоречит здравому смыслу и свидетельствует об отсутствии самоуважения. В нашей жизни и без того мало любви и радости, много ненависти и раздражения. Поэт К.Тангалычев писал: «Это ведь для любви необходима богатая лексика и изящный синтаксис. Для ненависти же достаточно одного сквернословия». Горе языку, когда он используется поэтами и публицистами во имя злого и псевдореалистического и псевдоблагого намерения и разрушительного по результату эффекта. Страшно, когда непристойная лексика, сквернословие становится явлением культуры. В.И.Даль в своем «Толковом словаре живого великорусского языка» слову «скверна» приводит слова синонимы: мерзость, гадость, пакость, все гнусное, противное, отвратительное, непотребное, что мерзит плотски и духовно; нечистота, грязь и гниль, тление, мертвечина, смрад, вонь; непотребство, разврат, нравственное растление, все богопротивное.

Общество по просьбе московской квасно-патриотической лжеинтеллигенции (Михалков и К°) санкционирует мат в искусстве и литературе. Эти апологеты мата не знают и не понимают, что, во-первых, мат происходит из нарушения лингвистической правильности, т.е. адекватности истине, справедливости и природе, эволюции, во-вторых, мат – структурный акт наследования (биологически, эпигенетически, в материнских эффектах, в обучении, на основе генов

моментального наследования типа *erg1*, в языке, в культуре) в языке, который отключает зоны Брока и Вернике в коре мозга, переключатели генов, которые ответственны за языково-речевую функцию, а при их отключении отключаются и существенно тормозятся все другие ВПФ. У меня студент в сочинении на тему мата написал, что его естественный язык – не русский, а мат, и иначе он выразить свои мысли и чувства уже не может. Это естественный язык, на котором он общается со всеми, не имея целью их оскорбить. Это что-то вроде вида пиджина или креольского языка в типе современной лжекультуры. То есть это язык умерший, язык уже умершего народа, который исключает развитие того человека, который на нём говорит. Этот акт наследования в матершине вызывает наследование дислексии, заторможенности, неспособности к обучаемости, к развиваемости, разрушает логическую функцию (рефлексия, суждение, синтетическое суждение, способность определения, способность распознавания образов и классификации), вызывает развитие и наследование синдрома Вильямса (поверхностное манипулирование словами без смысла, краткие предложения, не касающиеся сути дела, глубокая умственная отсталость, приобретённая деменция, патологическая лживость, торможение зон хвостатого ядра – общее и островка – несправедливость, активируя скорлупу – эффективность захвата чего-либо и садизм и некрофилия, садомазохизм, нарциссизм, инцестуально-симбиотический синдром). Наследуется и развивается синдром энантности (гипоноя, гипобулия, астения, тщеславие, неспособность к самоорганизации, деидентификация, утрата способности целеполагания, неспособность к циклическому сосредоточению, несовместимость с людьми). Литература и искусство не должны организовывать указанное разрушающее наследование путем реалистического воспроизведения (копирования, а не мимезиса) варварского мата русского народа, но должна возвышать народ до уровня русского литературного языка (Аполлон Григорьев), организуя как раз наследование языково-речевой функции, способствуя наследованию способностей вообще, к обучению, к развитию, литературного русского языка. Кроме того, копирование матерщины – не реализм, а сюрреалистическое выпячивание искусственности, неестественности, конструктивизма умирающей русской цивилизации, извращение и искажение, опошление природы русской Примордиальной Традиции и русского человека.

Все так называемые произведения, что содержат мат, не литература, не искусство, но коммерческий грязный продукт, грязь, ничтожество, пустота, форма творческой импотенции, плохое копирование грязи, не мышление, ничтожность фантазии и воображения, полное отсутствие продуктивного воображения, это мнимая литература, лжелитература, антиискусство!

Естественно, мнимые художники, которые пишут произведения, основанные на псевдореалистическом мате, не имеют стыда, социального стыда и совести (об этом справедливо пишут Э.Т.А.Гофман, О.Уальд, Г.Х.Андерсен). Они восполняют дефицит мастерства количественно – используя мат всё более открыто и часто. Похабщина, льющая в наши уши с теле- и киноэкранов, с театральных подмостков, обильно публикуемая в различных изданиях, вызывает у многих гадливое чувство. Есть истинное искусство, которое возвышает, и есть

надуманное лжеискусство, которое опошляет и разрушает человека (свидетельствует Г.Х.Андерсен). Такие художники – субъекты именно массовой, коммерческой, антиреалистической, растлевающей лжекультуры, и их будущее – забвение.

Литература

Марков А. Рождение сложности. Эволюционная биология сегодня: неожиданные открытия и новые вопросы. – М.: Астрель: CORPUS, 2012. 527 с.

Марков А. Эволюция человека. Кн. вторая. Обезьяны, нейроны и душа. – М.: Астрель: CORPUS, 2012. 512 с.

Тангалычев К. Язык насущный // Мордовия – 7 дней. 2003. № 12.

Канд. филол. наук М.Г.Луннова (Пенза)

lunnovamg@mail.ru

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПОМИНАНИЙ ПЕНЗЕНЦЕВ – УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Самые яркие, надёжные, правдивые, проверенные временем материалы – это те, которые хранятся в памяти народной, в памяти участников войны, людей, её переживших. Объект автобиографической прозы, как отмечал М.М.Бахтин, – это «не только мир своего прошлого в свете настоящего зрелого сознания и понимания, обогащенного временной перспективой, но и свое прошлое сознание и понимание этого мира (детское, юношеское, молодое). Это прошлое осознание – такой же предмет изображения, как и объективный мир прошлого. Оба эти сознания, разделенные десятилетиями, глядящие на один и тот же мир, не расчленены грубо... они оживляют этот предмет, вносят в него своеобразную динамику, временное движение, окрашивают мир живой становящейся человечностью...» [Бахтин, 1979, с. 398].

Разговорная речь пензенских ветеранов ВОВ представляет собой особый стилистически неоднородный стиль повествования. В их рассказах наблюдается отсутствие предварительного обдумывания высказывания и связанное с этим отсутствие отбора языкового материала, непосредственность речевого общения между его участниками, непринужденность речевого акта, связанная с отсутствием официальности в отношениях между ними.

К языковым особенностям речи наших земляков относятся:

- использование внелексических средств (интонация – фразовое и эмфатическое (эмоционально-выразительное) ударение, паузы, темп речи, ритм и т. д.), например:

Жизнь прожил полноценно. Летал... С какой точки зрения все это Вас интересует? Для истории? ... (из воспоминаний А. С. Гусева);

- широкое употребление обиходно-бытовой и сниженно-просторечной лексики и фразеологии, например:

*Вместо выпускного бала – военкомат. Причем я сделал такую глупость: я подал заявление в Высшее военно-морское имени Фрунзе в Ленинграде. Мне пришел вызов, – а уже немцы **шуровали**. Отец мой старый вояка, он говорит:*

«Куда ты, **дурак**, поедешь? Перекроют ленинградскую железную дорогу, и всё, останешься там» (из воспоминаний А. С. Уранова);

• лексики эмоционально-экспрессивной (включая частицы, междометия), например:

– У тебя же оценки хорошие, средний балл ‘четыре’. **Как же** это ты не можешь учиться?

Через десять минут опять спрашивают:

– Ну, как, надумал?

– Нет (из воспоминаний С. Ф. Фролова);

• развернутые метафорические образы:

В Высшей школе я впервые узнал, что такое октановое число бензина. Старенький подполковник объяснял так: «**Что нужно, что бы приготовить чай? Правильно, кроме воды нужна заварка и сахар. Можно добавить еще молока – будет уже другой вкус. А можно добавить и сливок – будет третий вкус. Так и бензин. Если в него добавлять разные добавки, то он и гореть в цилиндрах будет по-разному**» (из воспоминаний А. Ф. Редюшева);

• лексики профессионально-разговорной, например:

Тележку вручную толкали до спуска, а потом водолазы убрали **перекатные шасси**, и самолет свободен, или катер отбуксирует самолет на стоянку, где их ставили на “**кошки**” – якоря. Таких “**кошек**” пять-шесть, вернее гнезд для “**кошек**” – бочек, имеющих четырехгранную обводку. И если штурман, подруливая, промахнется, то “**кошку**” бросит, зацепится, потянет, и встанет на место. Канители с этими самолетами было очень много. Потом когда на “**СБ**” перешел, вот это благодать была (из воспоминаний А.С.Гусева);

• разных разрядов вводных слов, например:

Выучился, стал помощником машиниста Бабалайкина. **Честно признаться**, он всегда был в нетрезвом состоянии, ехал и спал, а мне говорил:

– Ваня, ты смотри за дорогой и управляй.

И я один управлял паровозом (из воспоминаний И. И. Лузгина);

• своеобразие синтаксиса:

– эллиптические и неполные (нередко парцелляционного характера) предложения различного типа, например:

А на “МБР-2” все очень неудобно. Это такая канительная вещь. Все там с водой связано, понимаете... Неудобства, порой, даже по мелочи... Например, нагнулся, из кармана выпало что-то, и все – утонуло... Ладно, если мелочь, а если партбилет? (из воспоминаний А. С. Гусева)

– повторы слов, например:

В армию меня призвали вскоре после начала войны. Все село провожало, кстати, когда **из армии** возвращался, то тайком по огородам пробирался, чтобы не увидели. И все равно узнали и **прибежали**, все так лезли, что забор сломали и огород весь истоптали. Так уважали моего отца. Все село **сбежало**, когда в отпуск пришел, тоже практически все жители **прибежали** (из воспоминаний И.И.Лузгина);

– включение в предложения разговорных вводных конструкций, например:

Нашу часть гоняли по всем фронтам, так что мне довелось побывать и в Молдавии, и в Польше, и в Румынии, и в Чехословакии. Бывало, простои́м несколько дней, потом нас перекинут в совершенно другое место (из воспоминаний С.Ф.Фролова);

– преобладание диалога, например:

В армию меня призвали в начале 1943 года. Направили в расположенное в Пензе минометное училище, потом думаю:

– *Что я здесь делаю? На фронт мне надо.*

Начал косить. Комиссия вышла, спрашивают:

– *Ты будешь у нас учиться?*

– *Я не могу учиться.*

– *У тебя же оценки хорошие, средний балл "четыре". Как же это ты не можешь учиться? (из воспоминаний С. Ф. Фролова)*

Таким образом, записанные спустя годы со дня той Великой войны, в памяти ее участников сохранены до мелочей исторические факты, прожитые, переосмысленные самими ветеранами и их боевыми товарищами. В воспоминаниях участников Великой Отечественной войны нашли отражение жизненные воззрения, идеалы народа, героические мотивы, искренность чувств, простота и красота души русского человека.

Литература

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979.

<http://iremember.ru/letchiki-bombardirov.html>

Канд. психол. наук С.В.Солдатова (Орехово-Зуево)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ БАРЬЕРЫ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ОБЩЕНИИ И СПОСОБЫ ИХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

В структуре педагогических способностей и, соответственно, педагогической деятельности выделяются следующие компоненты: гностический, конструктивный, организаторский и коммуникативный (Н.В.Кузьмина, 2002; З.В.Есарева, 1974).

Мы остановимся на роли коммуникативного компонента в структуре педагогической деятельности.

От уровня развития коммуникативной способности и компетентности в общении зависит легкость установления контактов учителя с учащимися и другими учителями, а также эффективность этого общения с точки зрения решения педагогических задач. Общение не сводится только к передаче знаний, но выполняет также функцию эмоционального заражения, возбуждения интереса, побуждения к совместной деятельности и т. п.

Специальным предметом исследования в педагогической психологии стала проблема трудностей, или барьеров, в общении. Они проявляются как субъективные переживания человеком «сбоя», несовпадения реального результата с планируемым, некоторой остановки нормального течения деятельности и общения (А.К.Маркова, 1993; И.А.Зимняя, 2000). Такие затруднения нарушают

общение, но могут выполнять и позитивную функцию, ибо указывают на совершенную ошибку или использование неадекватного средства для решения коммуникативной задачи.

В.А. Кан-Калик (1979) приводит следующие причины барьеров педагогического общения на примере школьного обучения:

несовпадение установок – учитель приходит с замыслом интересного урока, а класс не настроен на серьезную работу; учитель, не владея техникой создания необходимой установки у учеников, начинает нервничать, раздражаться и т.п.;

боязнь аудитории – предвосхищая негативную реакцию учеников, преподаватель ведет себя скованно и неуверенно;

отсутствие контакта – преподаватель действует «автономно», без учета реакции аудитории;

сужение функций общения – педагог нацелен на реализацию только информационных задач общения, упуская из виду мотивационные, социально-перцептивные и другие функции общения;

негативная установка на класс (сформированная, например, на основе отзывов других учителей или собственного негативного опыта взаимодействия с данным классом);

боязнь педагогических ошибок;

подражание – молодой преподаватель пытается механически воспроизводить манеру общения других педагогов, которая оказывается не соответствующей его индивидуальным особенностям или уровню подготовки.

Для преодоления этих барьеров необходимо встать на путь выработки собственного индивидуального стиля педагогической деятельности, расширения знаний об индивидуальных особенностях учеников и учета их в реальном процессе обучения, а также овладения специальными приемами и техниками педагогического общения. Многие приходят с опытом стихийно, но часто требуется специальная рефлексия и последующая корректировка собственной педагогической деятельности. Приведем некоторые рекомендации из книги А.А. Реана и Я.Л. Коломинского (2000), касающиеся правил и техники конструктивного общения.

- *Старайтесь говорить на языке партнера*, вернее, на языке, понятном всем партнерам по общению. Для этого следует избегать узкопрофессиональных терминов, избытка иностранных слов и т.п. при общении не с коллегами, а со студентами младших курсов, школьниками, при чтении популярных лекций.

- *Постоянно проявляйте уважение к партнеру*, подчеркивайте его значимость.

- *Максимально демонстрируйте разнообразные формы общности с партнерами по общению* (общность интересов, целей, задач, точек зрения и даже индивидуальных особенностей).

- *Проявляйте искренний интерес к проблемам партнера по общению* и, по крайней мере, давайте ему возможность высказаться до конца, прежде чем сформулируете свою точку зрения.

- Иногда полезно прибегать к *вербализации своего эмоционального состояния или состояния партнера*. Например: «То, что вы сказали сейчас, меня очень расстроило, и я даже не знаю, что делать дальше»; «Мне кажется, вы напряжены» и т.п.

- При возникновении конфликтной ситуации *предлагайте конкретные меры по ее урегулированию*, не ограничиваясь формулированием абстрактных требований.

- По возможности *избегайте «подчиняющих позиций»*, когда педагог подчеркивает свое превосходство, право на навязывание решения и т.п.

- *Чаще используйте приемы активного слушания*. При этом выделяется три уровня активного слушания: простое подтверждение факта восприятия информации («ага», «понятно», «согласен» и т.п.); переформулирование идеи, высказанной партнером по общению (насколько я понял, вы утверждаете, что...); развитие идеи, высказанной партнером.

- *Негативный ответ лучше начинать не со слова – «нет» с последующим объяснением, почему «нет», а со слов «да, но...»*. Обычно после слова «нет» партнер по общению резко теряет интерес к тому, что вы скажете дальше.

- *Во время дискуссии старайтесь сначала зафиксировать все пункты, по которым у вас с партнером есть согласие* (даже если это вполне тривиальные и общепринятые позиции). После ряда ответов «да, согласен» партнер с большей вероятностью ответит «да» и на вопрос, по которому у него нет полного согласия с вами.

- Даже в случае несогласия с тезисом партнера *начните с положительной оценки этого тезиса*, а уже затем переходите к обоснованию невозможности принятия его в данных (конкретных) условиях. Этим готовится почва для обоснования предлагаемого вами решения.

- *Давая негативную оценку идеи, поступка или действия партнера по общению, никогда не переносите ее на личность человека*.

- Предыдущая рекомендация является частным случаем более общего правила, которое гласит, что *расширение зоны конфликта затрудняет его конструктивное решение*. Если человек совершил логическую ошибку, и мы хотим его в этом убедить, то сделать это будет гораздо сложнее, если в ходе дискуссии мы позволим себе замечание, что у человека плохо с логикой или что он вообще не очень умен.

Но все эти правила и рекомендации требуют «творческого» применения с учетом конкретных условий, личностных особенностей партнеров по общению. Их механическое применение может не дать никакого результата. И если педагог постоянно сталкивается с трудностями в общении, значит, ему не удастся самостоятельно выработать свой оптимальный стиль педагогического общения и стоит пройти специальный тренинг общения.

С.Д. Смирнов (2005) дает общий перечень качеств, которые более всего ценят или отвергают современные школьники в преподавателе. К числу первых относятся *широкий кругозор, увлеченность преподаваемым предметом и знание его, интерес к личности учащегося, уважение, терпимость, понимание, доброжелательность, справедливость*. К числу вторых – *низкий уровень куль-*

туры, невежество, нетерпимость, фальшь, унижение достоинства ученика, высокомерие, жестокость, злость, агрессивность. При этом доля преподавателей, у которых школьники находят черты из второго перечня, не так уж мала. Есть о чем задуматься.

Литература

- Есарева З.В. Особенности деятельности преподавателя высшей школы. – Л., 1974.
- Зимняя И.А. Педагогическая психология. – М., 2000.
- Кан-Калик В.А. Основы профессионально-педагогического общения. – Грозный, 1979.
- Кузьмина Н.В. Методы системного педагогического исследования. – СПб., 2002.
- Маркова А.К. Психология труда учителя. – М., 1993.
- Реан А.А., Коломинский Я.Л. Социальная педагогическая психология. – СПб., 2000.
- Смирнов С.Д. Педагогика и психология высшего образования: от деятельности к личности. – М., 2005.

Канд. филол. наук А.А. Штеба (Волгоград)
alexchteba@yandex.ru

РОЖДЕНИЕ ЭМОТИВА

Известно, что художественный текст моделирует живую речь, что и делает возможным его использование в качестве фактического материала для решения теоретико-практических и методологических проблем языка, речи и коммуникации. При этом художественный текст интересен также тем, что позволяет путем наблюдения за идиостилевыми особенностями языка писателя описывать хронологически длящиеся десятилетиями фундаментальные языковые процессы. К примеру таковых можно отнести и процесс трансформации оценочно-нейтральных лексических единиц в эмотивы.

Исходя из трехчастной классификации эмотивов на аффективы (слова с эмоциональным значением), коннотативы (слова с эмоциональным созначением) и потенциативы (слова, обладающие ингерентно скрытой эмотивностью), авторское слово, погруженное в определенный эмоциогенный контекст, может превращаться в средство экспликации эмоций в рамках определенного текста. Возможен процесс дальнейшей эволюции эмоционально-оценочной составляющей данной лексической единицы, сопровождающийся закреплением в семантике слова эмоционального компонента, т.е. переходом от потенциатива в коннотатив.

Подобные эмотивные преобразования, в ходе которых словарно нейтральная лексика становится эмотивом, показывают скрытый эмоционально-смысловой потенциал, заложенный в семантике слова. Механизм реализации этого потенциала предполагает, как минимум, два глубинных уровня: а) уро-

вень семантики слова – «слово-в-себе», поскольку в лексической единице всегда присутствуют скрытые семы-признаки эмоция и оценка, получающие свою конкретизацию на следующем уровне; 2) уровень контекста – «слово-вне-себя», когда дистрибуция лексической единицы выполняет свою эталонную диагностирующую функцию, определяя или конкретизируя эмотивность семантики.

В романе А. Нотомб «Токийская невеста» (*Ni d'Eve, ni d'Adam*) успехи европейской школьницы в японской школе описываются следующим образом:

Я, со своей стороны, тоже посещала курсы и продвигалась в изучении японского как могла. Я не упустила случая бросить на себя тень. Каждый раз, когда какая-то деталь меня интриговала, я поднимала руку. Некоторые учителя оказывались в шаге от сердечного приступа, когда видели, как мои фаланги тянутся к небу. Я считала, что они замолкают для того, чтобы дать мне спросить, и задавала мой вопрос, на который они отвечали удивительно недовольным тоном.

Это продолжалось до тех пор, пока один из учителей, увидев мой привычный жест, закричал на меня с ужасным усилием:

– Хватит!

В данном фрагменте на нейтральное слово *фаланга* наводятся эмосемы, что превращает его в средство выражения активных эмоциональных переживаний раздражения, неприязни, отвращения. Следует указать, что важным для понимания отрицательной реакции на кажущийся вполне безобидным и обыденным жест является вертикальный контекст. Однако анализируемое слово не перестает при этом быть нейтральным. Мена регистра, когда общеупотребительное слово *палец* (*doigt*) заменяется на узкоспециальное (*phalange*), а также сочетание данной лексической единицы с глаголом *brandir* (в значении 'размахивать, угрожающе трясти') приводят к указанным эмотивным преобразованиям семантики слова.

Проблема эмотивной флукуативности или релятивной эмотивности относится не собственно к лексической семантике, а переходит в область семиотики – слово как индивидуальный, идиостилевой знак эмотивности, когда по форме оно не изменяется, но к его содержанию приращаются дополнительные эмоциональные смыслы или со-значения. Отдельное исследовательское внимание привлекает проблема не только оценочности, но и амбивалентности нейтральной оценки. Действительно, при построении шкалы эмоциональной оценки с двумя крайними полюсами (+ и –) её срединная позиция является лишь условной, поскольку относительно к положительно-оценочному слову нейтральное будет, скорее, отрицательным и наоборот (что можно продемонстрировать на примере любых апеллятивов, используемых в ситуациях обращения к незнакомому лицу, романтического и конфликтного общения). Трансформация же нейтральной лексики в эмотивы-потенциативы является семантически более сложным приемом актуализации скрытой амбивалентности нейтральной оценки.

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ ПОЭТА И ПИСАТЕЛЯ

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ ПОЭТА И ПИСАТЕЛЯ В ГЕНЕТИЧЕСКОМ И ЛОГИКО-СТРУКТУРНОМ АСПЕКТАХ

Канд. филол. наук М.И.Азиенко (Кемерово)
marinajuno@gmail.com

АВТОРСКАЯ МЕТАФОРА В СВЕТЕ КОГНИТИВНОЙ ТЕОРИИ

Когнитивная лингвистика определяет метафору как «ментальную операцию, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира» (А.П.Чудинов). Основу процессов метафоризации составляют процедуры обработки знаний – фреймы и сценарии. Фрейм представляет собой «совокупность стандартных знаний о предмете или явлении» (З.Д.Попова, И.А.Стернин) сценарий – обобщённый опыт взаимодействия человека с миром. Некоторая часть фреймов являются врождёнными (М.Мински). Другие фреймы усваиваются с приобретением опыта.

В настоящее время выделяются концептуальные метафоры, «устойчивые соответствия между областью источника и областью цели, зафиксированные в языковой и культурной традиции общества» (В.И.Карасик) и индивидуально-авторские (художественные) метафоры, под которой понимается образный троп, используемый для реализации эстетической, а не номинативной функции в художественном произведении, отражающий неповторимость мировидения писателя (В.Н.Телия). Представляется интересным предпринять попытку рассмотреть категорию «неповторимости» индивидуального «способа познания мира» при создании индивидуально-авторской метафоры и определить «масштабы неповторимости», ответив на вопрос, сохраняется ли её специфичность в рамках образа мира, сформированного иным по сравнению с языком оригинала языком.

В работе анализируются метафоры «*truth – bird/правда – птица*» в творчестве Ч. Диккенса (всего 4 случая на 1,5 тысячи примеров употреблений слова *truth* в английской литературе XVI-XXI веков) и «*truth – dog/правда – собака*» в творчестве В. Шекспира (1 случай употребления):

The truth, ...on whose avenging wings, one...came swooping down upon him. Dickens. Martin Chuzzlewit. (Правда, на чьих крыльях мести каждый пикировал на него).

Truth's a dog that must to kennel. He must be whipped out, when Lady Brach may stand by th' fire and stink. Shakespeare. King Lear. (Правда – это кобель, который должен ютиться в конуре \. Его нужно гнать, в

то время, как её Величество Сука может оставаться около огня и вонять).

Индивидуально-авторская метафора рождается в процессе творческой работы над произведением. Гештальт-психология ставит под сомнение пользу аналитического расчленения творческого процесса. Некоторые представители когнитивной психологии также не рекомендуют анализировать творческий инсайт, в процессе которого вид художественного средства выбирается интуитивно (В.М.Аллахвердов). «Если человек принимает решение, доверяясь мудрости своего организма, он знает, что это решение соответствует его глубинной сущности, и ничьи аргументы «за» и «против» не могут поколебать его уверенности»; если человек открыт для такого опыта, когда «восприятие не сводится к сумме ощущений, а свойства фигуры не описываются через свойства частей» любая ситуация может стать СИМВОЛОМ (выделено мной – М.А.) интеграции (И.Г.Малкина-Пых).

Описывая способность человека к генерированию символов, К. Юнг и З. Фрейд утверждали, что многие символические образы аналогичны образам первобытных идей, мифов, ритуалов и являются своего рода «останками древности» (З.Фрейд) как элементов психики, «веками сохраняющиеся в человеческом разуме» (К.Юнг). Историко-этимологический анализ концепта *truth* позволяет установить культурную соотнесенность символов птицы и собаки с концептом *truth* (М.И. Агиенко 2003, 2005, 2006).

Проведенное исследование показывает, что если рассматривать концепт как гештальт, который не только «совмещает чувственные и рациональные элементы» смысла (З.Д.Попова, И.А.Стернин), но и включает элементы символов культуры, присутствующие в подсознании любого человека, и открывающиеся в особые состояния творческого процесса немногим, то можно предположить, что индивидуально-авторская метафора – это троп, полученный в процессе особого творческого состояния, переживаемое как инсайт, результат доступа к сакральному смыслу, объективированному словом.

В рамках литературного периода или культуры одного языка метафора, употребленная одним автором, может казаться неповторимой, в рамках индоевропейского гештальта эта метафора может оказаться метафорой «от истоков». Ограниченные знания автора этой работы позволяют говорить об индоевропейском культурном гештальте, возможно, данные культур других языковых семей позволили бы обогатить символическую составляющую концепта-гештальта, что помогло бы найти культурные коннотации таких редких метафор, как, например, «*truth – carp/правда – рыба-капн*» в творчестве В. Шекспира.

А.Д. Гимаева (Ульяновск)

ПРОДЛЁННЫЕ ЗВУКИ КАК ВЫРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ
ИНТЕНСИВНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА М.А. ШОЛОХОВА
«ТИХИЙ ДОН»)

Как известно, в системно-языковом плане продлённые звуки – это интенсификаторы звуковой формы слова. На письме это средство интенсификации

передаётся неоднократным использованием одной и той же буквы или сочетанием букв, обозначающих практически один и тот же звук, напр.:

Пантелей Прокофьевич, не доезжая саженой сто, придержал лошадь, затрусил рысью.

– Пе-ре-по-рю-ю-у-у-у... сукины сыны!.. – завопил он ещё издали и размотал над головой ременный арапник (ТД, Т. 1, Кн. 1, Ч. 1, Гл. 17).

В этом примере продлению подвергается гласный [y], в начале своего произношения звучащий как [’y] (как гласный [y] после мягкого согласного), а в конце своего звучания теряющий своё более переднее звучание. На письме это выражается сменой буквы «ю» буквой «у».

Общепризнано, что категория интенсивности чаще всего выражается с помощью лексических, морфологических и словообразовательных средств, тогда как фонетические и синтаксические средства располагаются на периферии функционально-семантического поля интенсивности.

Материал романа «Тихий Дон» показывает, что использование продлённых звуков может подчиняться не только цели интенсифицировать какой-либо признак, но также выразить какую-либо эмоцию:

Рывком кинул её Григорий на руки – так кидает волк к себе на хребтину зарезанную овцу, – путаясь в полах распахнутого зипуна, задыхаясь, пошел.

– Ой, Гри-и-иша... Гри-шень-ка!.. Отец...

– Молчи!.. (ТД, Т. 1, Кн. 1, Ч. 1, Гл. 9)

Продление гласного и в данном контексте превращает обычное обращение в вокативное предложение, где главным и единственным членом является обращение, имя лица, к которому обращена речь, если это имя произнесено с особой интонацией (А.А.Шахматов, 1941, с. 86). Очевидно, что в данном контексте с помощью продления гласного [и] обозначается сложный сплав эмоций у шолоховской Аксины в описываемой ситуации. Об интенсификации какого-либо признака в данном контексте говорить было бы неправильно.

Принято считать, что основным признаком категории интенсивности является её градуальность. В материалах романа «Тихий Дон» градуальность и интенсификация передаются количеством продлённых звуков в слове.

Так, на письме продление звуков может быть обозначено двукратным употреблением одной и той же буквы:

Авдеич дернул папаху, – хмурясь, растерянно перебежал глазами с одного на другого.

– Погодите!

– Охо-ха-ха-ха!..

– Ох, сме-е-ертынь-ка!..

– Гык-гкы-гы-ы-ык!..

– Авдеич, кобель лысый, ох-охо!..

– «Ставь само-о-вар. Авдеич приехал!» Ну и ну! (ТД, Т. 1, Кн. 1, Ч. 2, Гл.7)

Это продление может быть обозначено трёхкратным употреблением одной и той же буквы:

– Ряды-ы-ы, – затянул урядник и, сделав рукой неопределённый жест, кинул:

– Вздвой!... (ТД, Т. 1, Кн. 1, Ч. 2, Гл. 10)

Это продление может быть обозначено четырёх и более кратным употреблением одной и той же буквы:

Тот самый тавричанин, который сзади ударил Подкову, вырвался из кучи, за спиной его подбитым птичьим крылом трепыхался разорванный розовый рукав. Низко пригибаясь, чертя руками землю, тавричанин добежал до первой повозки и легко вывернул оглоблю. Над мельничным двором тягуче и хрипло плыло:

– А-а-а-а-а...

– Гу-у-у-у...

– А-я-я-а-а-а-а!..

Хряск. Стук. Стон. Гуд... (ТД, Т. 1, Кн. 1, Ч. 2, Гл.5)

Полагаем, однако, что наиболее интересным аспектом использования продлений гласных и согласных являются прагматические особенности их употребления. Но это уже предмет последующего изучения.

*Докт. филол. наук А.В.Пузырёв, студентки М.Андреенко, А.Григорян
(Орехово-Зуево)*

ДЕТСТВО ИЗВЕСТНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ И ОБЪЁМ ИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы обозначить связь между количеством жизненных сил, полученных писателем в детстве, и объёмом произведений данного писателя. Работа выполнена на материале творчества таких известных десяти прозаиков, как А.П.Чехов, Н.В.Гоголь, И.А.Бунин, И.С.Тургенев, А.И.Куприн, В.Гюго, Л.Н.Толстой, Ф.М.Достоевский, М.А.Шолохов, О. де Бальзак. Для того, чтобы на результаты не повлияла системно-языковая специфика текстов, к анализу были привлечены тексты этих писателей на русском языке (оригинальные и переводные). Понятия «произведение» и «текст» в данной статье используются как абсолютные синонимы.

Методика анализа. Книги указанных писателей были взяты в Интернете и скачаны в формате DOC. С помощью автоматической функции в программе Microsoft Word были подсчитаны количество страниц (А4) и количество слов в каждом произведении. Все скачанные тексты были переведены в один шрифт (Times New Roman) и кегль (12). Было подсчитано также среднее арифметическое значение количества страниц и слов в текстах указанных писателей. Поскольку у одного и того же автора к анализу привлекались произведения заведомо разных жанров (рассказы, повести, романы), другие статистические методики – в силу очевидности неоднородности выборок – нами не использовались.

Результаты анализа. Стало очевидно, что среди указанных прозаиков чётко выделяются две группы: писатели, в целом тяготеющие: 1) к небольшому объёму произведений, 2) к значительному объёму своих текстов. Это хорошо видно из составленной нами таблицы.

Писатели, тяготеющие к малым прозаическим формам		
Произведение	Кол-во стр в А4	Кол-во слов в произведении
Н.В.Гоголь		
«Мёртвые души»	201	116355
«Вий»	21	11627
«Шинель»	16	10019
«Тарас Бульба»	63	36728
«Женитьба»	32	13780
<i>Среднее арифм.значение</i>	<i>66,6</i>	<i>37701,8</i>
И.С.Тургенев		
«Отцы и дети»	112	54325
«Муму»	21	8389
«Накануне»	108	43709
«Ася»	26	13895
«Дворянское гнездо»	85	47008
«Бурмистр»	8	3832
<i>Среднее арифм.значение</i>	<i>60</i>	<i>28526,3</i>
А.П.Чехов		
«Моя жизнь»	57	29279
«Степь»	49	28891
«Человек в футляре»	7	4010
«Смерть чиновника»	2	673
«Хамелеон»	2	962
<i>Среднее арифм.значение</i>	<i>23,4</i>	<i>12763</i>
А.И. Куприн		
«Гранатовый браслет»	27	13933
«Олеся»	41	22158
«Поединок»	37	65955
«Молох»	43	22354
«Яма»	128	89111
<i>Среднее арифм.значение</i>	<i>55,2</i>	<i>42702,2</i>
И.А.Бунин		
«Жизнь Арсеньева»	140	84341
«Господин из Сан-Франциско»	12	6474
«Митина любовь»	30	16897
«Первая любовь»	6	3078
«Лёгкое дыхание»	3	1670
<i>Среднее арифм.значение</i>	<i>38,2</i>	<i>22492</i>

Писатели, тяготеющие к значительному объёму своих текстов		
В. Гюго		
«Отверженные»	808	441193
«Собор парижской Богоматери»	278	141560
«Человек, который смеётся»	339	175410
«Последний день приговорённого к смерти»	112	27068
«Девяносто третий год»	234	98641
<i>Среднее арифм. значение</i>	<i>354,2</i>	<i>176774,4</i>
О. де Бальзак		
«Блеск и нищета куртизанок»	287	151614
«Утраченные иллюзии»	317	181379
«Лилия долины»	149	88137
«Шагреновая кожа»	137	75067
«Отец Горио»	139	77010
<i>Среднее арифм. значение</i>	<i>205,8</i>	<i>114641,4</i>
Ф.М.Достоевский		
«Преступление и наказание»	350	194087
«Братья Карамазовы»	473	293219
«Униженные и оскорблённые»	190	118314
«Бесы»	550	281996
«Идиот»	402	228834
<i>Среднее арифм. значение</i>	<i>393</i>	<i>223290</i>
Л.Н.Толстой		
«Война и мир»	844	477736
«Анна Каренина»	472	269674
«Воскресение»	246	136299
«Казачьи»	84	45228
«Детство, отрочество, юность»	228	126809
<i>Среднее арифм. значение</i>	<i>374,8</i>	<i>211149,2</i>
М.А.Шолохов		
«Тихий Дон»	883	422476
«Поднятая целина»	381	204878
«Судьба человека»	18	10907
«Они сражались за Родину» (главы из романа)	86	47265
<i>Среднее арифм. значение</i>	<i>273,6</i>	<i>171381,5</i>

Из составленной таблицы с очевидностью следует, что Н.В.Гоголь, И.С.Тургенев, А.П.Чехов, А.И.Куприн, И.А.Бунин тяготеют к малым прозаическим формам, тогда как В.Гюго, О. де Бальзак, Ф.М.Достоевский, Л.Н.Толстой и М.А.Шолохов тяготеют к эпическим формам повествования.

С какими психологическими закономерностями связано – оказавшееся вполне объективным – разделение писателей на две указанные группы? Не связано ли разделение прозаиков на тех, кто тяготеет к малым формам, и тех, кто мыслит эпически, с характером их детства? Не связано ли оно с количеством жизненных сил, полученных данным писателем в его детстве?

Согласно многочисленным исследованиям в сфере возрастной психологии, достоверно известно, что в самом раннем детстве (до одного года жизни) человек осуществляет фундаментальный выбор «жить – не жить». В эпигенетической теории Э.Эриксона первый выбор определяется как базальное доверие к миру, оптимизм, стремление к жизни. Второй выбор, соответственно, определяется как базальное недоверие к жизни, пессимизм, стремление к смерти.

О чём же говорят биографические данные?

Возьмём писателей первой группы, тяготеющих к малым прозаическим формам. Практически всем им в детстве не хватало любви и обожания со стороны родителей.

Николай Васильевич Гоголь. Его самое раннее детство было отмечено не любовью матери к сыну и безусловным его принятием, а её страхом (вполне возможно, и неосознаваемым желанием) его потерять. Именно поэтому его детство, да во многом и его взрослая жизнь прошли под знаком крайней болезненности: «Придя в себя, Мария Ивановна, сначала очень переживавшая за исход родов, тут же обеспокоилась здоровьем своего сына. Он выглядел хилым, бледным, болезненным. И она все время опасалась его потерять. Это смутная тревога была навеяна двумя дорого стоившими ей исходами предыдущих попыток. В ее сознании он вдруг представал перед ней то умершим, то гением, покоряющим своим талантом весь мир»; «Здоровье маленького Николая все никак не улучшалось. Он перенес нервный кризис и с трудом дышал. Кроме того, врач определил у него и золотуху. Его бледный цвет лица всегда чуть окрашивался на солнце или во время игры. Из ушей подтекал гной» (И.Золотусский, 2003).

О болезненности Н.В.Гоголя не только в детстве, но и во взрослые годы пишут многие авторы. М.Зощенко, например, напрямую связывает её с отношением Н.В.Гоголя к матери: «Отношение Гоголя к матери было в высшей степени противоречивым и странным.

Его «почтительная сыновья любовь» к матери уживалась с нежеланием её видеть. Он находил разные предлоги и мотивировки для того, чтобы не поехать к ней, и для того, чтоб она не приехала к нему.

Он отговаривался делами, нездоровьем и тем, что он дома испытывает хандру.

Он писал матери (в декабре 1837 г.):

«Когда я был в последний раз у Вас, я думаю, сами заметили, что я не знал, куда деваться от тоски... Я сам не знал, откуда происходила эта тоска...»

В другой раз, когда Гоголь поехал к матери, он почувствовал эту тоску уже в экипаже» (М.М. Зощенко, 1990, с. 88-89).

Отсутствие безусловной материнской любви в самом раннем детстве и стало основной причиной нехватки жизненных сил у великого писателя.

Иван Сергеевич Тургенев. О том, что мальчик был любимым ребёнком в семье, говорить не приходится. Известно, что его мать была чрезвычайно нервной и властной. Как пишут исследователи жизни и творчества И.С.Тургенева, озлобленность Варвары Петровны – из-за обострившегося конфликта с мужем – часто выплёскивалась на детей, которых она секла собственноручно и жестоко.

Широко известен эпизод, когда мать заподозрила сына в каком-то не совершённом поступке. «Одна приживалка, уже старая, бог ее знает, что она за мной подглядела, донесла на меня моей матери, – рассказывал Тургенев. – Мать, без всякого суда и расправы, тотчас начала меня сечь, – секла собственными руками, и на все мои мольбы сказать, за что меня наказывают, приговаривала: "Сам знаешь, сам должен знать, сам догадайся, за что я секу тебя!" На другой день, когда мальчик отказался признать за собой какую-либо вину, наказание повторилось, на третий – тоже. Мать заявила, что будет сечь его до тех пор, пока он не признается в своем преступлении. И вот ночью, глотая горькие слезы, собрал Ванюшка в узелок нехитрые пожитки по своему детскому разумению и решил бежать из дому. "Я уже встал, потихоньку оделся и в потемках пробирался коридором в сени, – вспоминал Тургенев. – Не знаю сам, куда я хотел бежать, – только чувствовал, что надо убежать и убежать так, чтобы не нашли, и что это единственное мое спасение. Я крался как вор, тяжело дыша и вздрагивая. Как вдруг в коридоре появилась зажженная свечка, и я, к ужасу своему, увидел, что ко мне кто-то приближается – это был немец, учитель мой. Он поймал меня за руку, очень удивился и стал меня допрашивать. "Я хочу бежать", – сказал я и залился слезами. "Как, куда бежать?" – "Куда глаза глядят". – "Зачем?" – "А затем, что меня секут, и я не знаю, за что секут". – "Не знаете?" – "Клянусь богом, не знаю..."» (Ю.Лебедев, 2003).

Как пишет Юрий Лебедев, подытоживая свои наблюдения об И.С.Тургеневе, «он вышел в большой мир незащищённым, лично не укоренённым, не имея в себе того внутреннего ядра, той крепости и силы, которая оберегает личность в житейских драмах и испытаниях» (Там же).

Антон Павлович Чехов. Общеизвестны слова А.П.Чехова о ранних годах своей жизни: «В детстве у меня не было детства». Унизительные телесные наказания, тяжёлый трудовой режим, постоянное недосыпание – таковы черты детства Чехова... О том, что в самом раннем детстве А.П.Чехов не сформировал установки «жить», свидетельствует и то, что его всю жизнь преследовали болезни. Это и воспаление брюшины (в студенческие годы), и туберкулёз, ставший причиной его ранней – в 44 года – смерти. Незадолго до отъезда Чехова за границу его посетил Н. Д. Телешов. «Хотя я был подготовлен к тому, что увижу, – пишет Телешов, – но то, что я увидел, превосходило все мои ожидания, самые мрачные». На диване, обложенный подушками, не то в пальто, не то в халате, с пледом на ногах, сидел тоненький, как будто маленький, человек с узкими плечами, с узким бескровным лицом – до того был худ, изнурен и неузнаваем Антон Павлович. Никогда не поверил бы, что возможно так измениться» (Н.Д.Телешов, 1960, с. 489).

О большом запасе жизненных сил, полученном А.П.Чеховым в самом раннем детстве, знакомство с биографией писателя говорить не позволяет.

Александр Иванович Куприн. Чрезвычайно проблематичным было детство и А.И.Куприна. «Ему был всего год, когда его отец умер от холеры – в возрасте тридцати семи лет. Любовь Алексеевна, оставшись совсем без средств, перебралась с детьми из Наровчата в Москву с целью дать им воспитание. Больших хлопот и унижений стоило ей определить дочерей в институты на казенный кошт, а сама она с маленьким сыном нашла приют в московском Вдовьем доме. «Мои первые воспоминания детства относятся к Вдовьему дому, где поселилась моя мать после смерти отца, – рассказывал Куприн невесте. – Мне тогда было около четырех лет. Моя мать была единственной молодой женщиной, попавшей в этот дом, все окружавшие меня были пожилые женщины или старухи. Говоря о них, мать всегда называла их “вдовушками”» (Т.Л.Александрова, 2011).

Детство А.И.Куприна было тесно сопряжено с постоянным чувством собственной приниженности, с ощущением своей «второсортности». По свидетельству первой жены писателя М.Куприной-Иорданской, однажды он высказался о своём детстве так: «Каждый раз, когда я вспоминаю об этих ранних впечатлениях моего детства, боль и обида оживают во мне с прежней силой. Я опять начинаю недоверчиво относиться к людям, становлюсь обидчивым, раздражительным, и по малейшему поводу готов вспылить».

Детские обиды писателя во многом связаны с характером его матери. Мать его была деспотична и требовала от мальчика беспрекословного подчинения. Даже когда дети Любви Алексеевны Куприной выросли, общение с матерью было тягостным для них. Там же Т.Л.Александрова пишет: «...Характер у Любви Алексеевны, в самом деле, был не сладок, приезжая в гости к замужним дочерям, она пыталась навязать им свои порядки, и поэтому пребывание её в гостях не затягивалось. По этой же причине не брал к себе мать и сам Куприн, хотя совесть все-таки мучила его» (Т.Л.Александрова, 2011).

И хотя А.И.Куприн вспоминал «и необъятную пасхальную радость детских лет, и мальчишескую забаву звонить в колокола на Светлой седмице, и паломничество «к Троице-Сергию», и благоговение от увиденной в лаврской ризнице ветхой ризы Преподобного», тем не менее слишком много было у него тягостных о своём детстве воспоминаний, делиться которыми ему не хотелось.

Иван Алексеевич Бунин. Детство И.А.Бунина содержит противоречивые сведения. С одной стороны, мальчик рос в тёплой домашней атмосфере. С другой стороны, он отличался крайней впечатлительностью, заставлявшей его страдать: «Младенчество своё я вспоминаю с печалью. Каждое младенчество печально: скуден тихий мир, в котором грезит жизнью еще не совсем пробудившаяся для жизни, всем и всему ещё чужая, робкая и нежная душа. Золотое, счастливое время! Нет, это время несчастное, болезненно-чувствительное, жалкое» (И.А.Бунин. Жизнь Арсеньева).

Детство И.А.Бунина было отмечено и болезнью, и смертью близких ему людей. М.М.Рощин пишет: «И ещё одно детски-отроческое важное событие: смерть младшей любимой сестры Саши. Мальчику уже и до того пришлось узнать слово "смерть": умерла бабушка, потом почти на глазах его погиб один из деревенских мальчишек с Выселок, – один из тех, с кем он привык играть,

бегать, ходить в ночное, – мальчик скакал верхом и вместе с лошадью упал в Провал, близкий страшный овраг, засосавший всадника вместе с лошадью. Смерть сестры резанула по душе ещё резче, не изгладилась потом никогда» (М.М.Рощин, 2011).

Вот как И.А.Бунин пишет об этих детских потерях в «Жизни Арсеньева»: «... умерла Надя – месяца через два после моей болезни, после Святки. Святки эти прошли весело. Отец пил, и каждый день, с утра до вечера шло у нас разливанное море, дом был полон гостей... Мать была счастлива: высшей ее радостью всегда было то время, когда вся наша семья была в сборе, когда приезжал на каникулы брат Георгий, а он на Святки приехал. Как вдруг среди всего этого весёлого безобразия захворала Надя, перед тем особенно бойко топавшая по всему дому крепкими ножками и всех восхищавшая своими синими глазками, криками и смехом. Праздник кончился, гости схлынули, брат уехал, а она все лежала в забытьи, горела, и в детской было все то же: завешенные окна, полумрак, свет лампадки... За что именно её, радость всего дома, избрал Бог? Весь дом был угнетён, подавлен, и все-таки никто не чаял, что этот гнёт так внезапно разрешится в некий поздний вечер криком няньки, вдруг распахнувшей дверь в столовую с дикой вестью, что Надя кончается. Да, это потрясающее слово – "кончается" – раздалось для меня впервые поздним зимним вечером, в глуши тёмных снежных полей, в одинокой усадьбе! А ночью, когда улеглось сумасшедшее смятенье, на время охватившее после того весь дом, я видел: в зале на столе, в лампадном могильном свете лежала недвижная нарядная кукла с ничего не выражающим бескровным личиком и неплотно закрытыми черными ресницами... Более волшебной ночи не было во всей моей жизни.

...Смерть Нади, первая, которую я видел воочию, надолго лишила меня чувства жизни – жизни, которую я только что узнал. Я вдруг понял, что и я смертен, что и со мной каждую минуту может случиться то дикое, ужасное, что случилось с Надей, и что вообще все земное, все живое, вещественное, телесное, непременно подлежит гибели, тленью, той лиловой черноте, которой покрылись губки Нади к выносу ее из дома. И моя устрaшённая и как будто чем-то глубоко опозоренная, оскорблённая душа устремилась за помощью, за спасением к Богу...».

Справедливости ради следует заметить, что в первой группе писателей, отмеченных тяготением к малым прозаическим формам, И.А.Бунин должен быть отмечен как писатель с самым благополучным детством.

Обратимся теперь к детству писателей второй группы, тяготеющих к большим прозаическим формам. Практически у всех них детство характеризуется наличием любви и обожания.

Виктор Мари Гюго. Хотя родился Гюго слабеньким ребёнком, «ну, право же, не больше столового ножа», тем не менее он быстро окреп (Н.И.Муравьёва, 1961). Детство его прошло, вероятней всего, в маленьких радостях жизни. Как сообщается в Биографической библиотеке Ф.Павленкова о парижском доме, где жила семья Гюго, «обширная квартира семьи была на первом этаже, в глубине двора, отделённого от улицы красивой чугунной решёткой; из большой и очень высокой гостиной балкон вёл в сад, полный цветов, любимых г-жой Гюго»

(Биографическая библиотека, 2001, с. 119). Несмотря на разлад родителей, Виктору было здесь хорошо: игры с братьями и с девочкой, дочерью друзей семьи Аделью Фуше (будущей женой) чередовались с занятиями с бывшим аббатом Ларивьером и таинственным "крестным" Лагори (М.В.Толмачёв, 2004).

Известно, что родители В.Гюго совершенно не подходили друг другу, часто ссорились, результатом чего стал развод в 1818-м году (когда Виктору было уже 16 лет). Хотя мальчик воспитывался под сильным влиянием матери, после её смерти отец смог вернуть любовь сына (<http://www.litra.ru/biography/get/biid/00365751190731774332>). Сохранение отношений с отцом стало возможным, вероятней всего, потому, что отец любил сына, и любил взаимно. Именно от отца Виктор Гюго узнал, что был зачат во время прогулки в горы, на самой высокой горе Донон, самой высшей вершине Вогезов, среди облаков. На вершине – значит, над всем миром (<http://blog.i.ua/community/1951/768640>).

Нет сомнений, что самое раннее детство у Гюго было достаточно благополучным. Именно поэтому энергия была в нём ключом, он отличался завидным здоровьем, спал обычно 4 часа в сутки, писал свои литературные шедевры стоя и хвастал тем, что любые его идеи, мысль, теория или ощущение не могут не принести ему литературного дохода (<http://www.tonnel.ru/?l=gzl&uid=68>).

Именно из благополучного детства проистекает сексуальная гиперактивность (= жизненная сила) писателя: «Своему юному внуку, который однажды вошёл в комнату и увидел своего 80-летнего дедушку, обнимавшего молодую служанку, Гюго сказал: "Смотри, Жорж, вот кого они называют гением!"» (<http://www.tonnel.ru/?l=gzl&uid=68>).

Оноре де Бальзак. Сила жизни этого писателя связана с тем обстоятельством, что самое раннее детство он провёл не с родной матерью, а с кормилицей – женой жандарма в селении Сен-Сир-сюр-Луар. Еще через год ей же отдали и сестрѐнку Оноре, Лору, появившуюся на свет 29 сентября 1800 года.

Если бы мальчика кормила грудью мать, то, вполне возможно, великого писателя не было бы вообще: как пишет Андре Моруа, Лора Бальзак пожелала кормить грудью своего первого сына, но младенец прожил всего месяц и три дня. Вот почему, когда 20 мая 1799 года в семье Бальзаков родился второй ребёнок, его поручили кормилице, а ещё через год ей же отдали и сестрѐнку Оноре, Лору, появившуюся на свет 29 сентября 1800 года. У своей кормилицы Оноре пробыл до четырёх лет. Поскольку кормление грудью – вовсе не механический процесс, именно этой женщине Бальзак обязан огромным запасом жизненных сил, которым отличался всю свою жизнь.

«Кормилица Оноре и Лоры была славная женщина. К несчастью, ее муж выпивал и, захмелев, буянил. Все же Бальзак сохранил на редкость приятные воспоминания о пригорке на берегу Луары, где они жили, и о том, как он с утра до вечера сооружал там "из камешков и прибрежного ила игрушечные замки", а главное – о своей "помощнице в строительных работах", сестрѐнке Лоре, "преlestной, как мадонна Рафаэля". Сдержанность родителей привела к тому, что его братские чувства к ней стали особенно нежными. Лора Сюрвиль вспоминает:

"Я была всего двумя годами моложе Оноре [в действительности Лора была моложе брата на год и четыре месяца (20 мая 1799 года – 29 сентября 1800 года) (прим.авт.)], родители относились ко мне так же, как и к нему; мы воспитывались вместе и горячо любили друг друга; с раннего детства я запомнила, как нежно он был ко мне привязан. До сих пор не забыла, с какой быстротой прибежал он всегда на помощь, боясь, что я ушибусь, скатившись с трех неровных высоких ступенек лестницы без перил, которая вела из комнаты нашей кормилицы в сад! Его трогательная опека продолжалась и в отчем доме, там он не раз позволял наказывать себя вместо меня, не выдавая моей вины. Когда я успевала сознаться в совершенном проступке, он требовал: "В другой раз ничего не говори, пусть лучше бранят меня, а не тебя!"» (А.Моруа); «Бальзак никогда не мог простить матери, что она удалила его от себя. <...> В четыре года его вернули в Тур, под родительский кров. Мать не сумела вызвать у детей любовь к себе. Оноре, пишет его сестра Лора, был "прелестный ребёнок; веселый нрав, хорошо очерченный, всегда улыбающийся рот, тёмные глаза, блестящие и кроткие, высокий лоб, густые черные волосы – всё заставляло прохожих оглядываться на него во время прогулок". Этот миловидный мальчуган, наивный и ласковый, постоянно встречал "суровый и испепелявший, как пламя, взгляд". Мать Бальзака "не признавала ни ласк, ни поцелуев, всех этих простых радостей жизни, она не умела создать для своих близких счастливый семейный очаг" Пристрастие к роскоши, желание нравиться и не ударить лицом в грязь портили её характер» (А.Моруа).

«Самым примечательным событием первых лет его жизни было короткое путешествие в Париж. Дедушка и бабушка Саламбье пожелали познакомиться с внуком. Госпожа Бальзак повезла сына к ним, и старики были просто без ума от хорошенького мальчугана, которого они осыпали поцелуями и подарками. Не привыкший к такому ласковому обращению Оноре, возвратившись к себе, без конца рассказывал сёстрам, какой хороший дом у дедушки и бабушки, какой там красивый сад и какой у них чудесный сторожевой пёс по имени Муш. Госпожа Саламбье со своей стороны охотно описывала всем следующую забавную сценку, о которой вспоминает Лора Сюрвиль:

"Однажды вечером, когда по ее приказу принесли волшебный фонарь для Оноре, мальчик, обнаружив, что среди зрителей нет его приятеля Муша, поднялся и крикнул властным тоном: "Обождите!" (Он знал, что может распоряжаться в доме своего деда.) Затем выбежал из гостиной и тотчас же вернулся, таща за собой собаку, которой сказал: "Садись здесь, Муш, и смотри: это тебе ничего не будет стоить, заплатит дедушка!" (А.Моруа).

Материал, приводимый Андре Моруа, свидетельствует о том, что Бальзак: 1) самое раннее детство провёл в атмосфере безусловного принятия его кормилицей; 2) естественно формировал в себе качества настоящего мужчины (как старший брат младших сестёр). Это во многом и обеспечило ему огромный запас жизненных сил.

Фёдор Михайлович Достоевский. Материал ранних лет жизни писателя достаточно противоречив. С одной стороны, известно, что «своих детей Михаил Достоевский держал в «ежовых рукавицах», воспитывая их в страхе и пови-

новении. Вспышки его гнева были ужасающими и приводили в трепет всех домочадцев. Нетерпимо требовательный к окружающим, он установил дома строго определенный порядок и тщательно следил, чтобы его неукоснительно соблюдали. Возможно, поэтому Фёдор Достоевский всю жизнь тяготился воспоминаниями о своём детстве, и в его творчестве нет никаких следов светлых воспоминаний об отце» (И.А.Рудычева).

С другой стороны, самое раннее детство – это время контактов не с отцом, а с матерью, а «Фёдор Достоевский всегда отзывался о матери с горячей любовью и, создавая кротких и обречённых героинь своего позднего творчества, вероятно, думал именно о ней» (И.А.Рудычева). Любовь и безусловное принятие мальчик черпал и от своей нянюшки – Алёны Фроловны: «Рано проснувшись интересом к книгам Достоевский обязан и своей няне Алене Фроловне. Эта московская мещанка вынянчила всех детей Достоевских, которые с любовью называли её "нянюшкой" и на ты. Именно от Алёны Фроловны Федор Достоевский услышал первые сказки: о прекрасных царевнах и царевичах, о волшебной жар-птице и о подвигах русских богатырей. Он вспоминал свою няню с такой же нежностью, как Пушкин вспоминал Арину Родионовну: "Наша няня Алена Фроловна была характера ясного, весёлого и всегда нам рассказывала такие славные сказки!.."» (И.А.Рудычева).

В целом Ф.М.Достоевский сохранил о своём детстве «самые дорогие воспоминания». И.И.Середенко пишет: «В июльско-августовском выпуске «Дневника писателя», делаясь с читателями впечатлениями о посещении мест своего детства (усадыбы Даровое), Достоевский признается: "... это маленькое и незамечательное место оставило во мне самое глубокое и сильное впечатление на всю потом жизнь", здесь "всё полно для меня самыми дорогими воспоминаниями" [1, т. 25, с. 172]. И, размышляя далее о «случайных семействах», делает очень важные обобщающие выводы: "Без святого и драгоценного, унесённого в жизнь из воспоминаний детства, не может и жить человек. Иной, по-видимому, о том и не думает, а все-таки эти воспоминания бессознательно да сохраняет. Человек, кроме того, уже по самой необходимости склонен отмечать как бы точки в своем прошлом, чтобы по ним потом ориентироваться в дальнейшем и выводить по ним хотя бы нечто целое, для порядка и собственного назидания. При этом самые сильнейшие и влияющие воспоминания всегда те, которые остаются из детства" [1, т. 25, с. 172–173]» (И.И.Середенко, 2007, с. 8).

Тёплые воспоминания о своём детстве и служили Ф.М.Достоевскому одним из самых мощных источников его художественной силы.

Лев Николаевич Толстой. Как пишет Н.Н.Гусев, «Толстой полагал, что любовь к нему была последней страстной любовью его матери, заменившей для неё любовь к старшему сыну Николеньке, ко времени рождения Льва уже перешедшему в мужские руки. «Мне говорили, – пишет Толстой в «Воспоминаниях», – что маменька очень любила меня и называла "mon petit Benjamin"» (Н.Н.Гусев, 1954, с. 62).

Вообще, детство Л.Н.Толстого прошло под знаком заботящейся о нём семьи, под знаком безусловной любви. Н.Н.Гусев пишет:

В повести «Детство» Толстой рассказывает целый ряд эпизодов своей детской жизни и своих детских настроений, в которых проявлялось это переполнявшее все его существо любовное отношение к окружающим; как он перед сном мечтал о том, «какие все добрые и как я всех люблю», как, прежде чем заснуть, он молился о том, чтобы «бог дал счастье всем, всем» и пр. Подобные картины находим и в автобиографической повести Толстого «Записки сумасшедшего» (1884 год). Здесь мальчик, которого няня только что уложила спать, перед сном, закутавшись одеялом, предаётся таким размышлениям: «Я люблю няню; няня любит меня и Митеньку; а я люблю Митеньку; а Митенька любит меня и няню. А няню любит Тарас; а я люблю Тараса, и Митенька любит. А Тарас любит меня и няню. А мама любит меня и няню. А няня любит маму, и меня, и папу. И все любят, и всем хорошо» (Н.Н.Гусев, 1954, с. 89).

В одном из зачеркнутых мест «Воспоминаний» Толстой писал: «Как и всегда и в особенности во времена крепостного права, имели влияние на воспитание детей слуги: няни, буфетчики, дворецкие, камердинеры, кучера, повара, официанты».

Еще в младенческом возрасте Левочка пользовался уходом старой няни Аннушки, бывшей ранее няней его старшего брата Николеньки и последовательно переходившей от мальчика к мальчику. С этой няней мальчик так сроднился, что почти не помнил ее, в своем сознании не отделяя ее от себя. Помнил он молодую помощницу этой старой няни Татьяну Филипповну, которая, вынянчив маленьких Толстых, была потом няней детей сестры Толстого, а еще позднее – няней его старшего сына. Толстой на всю жизнь сохранил благодарную память об этой женщине. «Это было, — писал он в «Воспоминаниях», — одно из тех трогательных существ из народа, которые так сживаются с семьями своих питомцев, что все свои интересы переносят в них».

Памятен остался Толстому на всю жизнь и буфетчик Василий Трубецкой, «милый, ласковый человек», «с доброй кривой улыбкой бритого лица», очень любивший мальчиков Толстых. Он забавлял их тем, что брал к себе на руки, сажал на поднос и ходил с ними по буфету, «таинственному» для них месту «с каким-то подземным ходом». Детям очень нравилось это удовольствие, и они наперебой кричали: «И меня! Теперь меня!»

Очень любили дети и прислуживавшего за столом старого официанта Тихона, бывшего флейтиста в оркестре Волконского; по словам Толстого, это был природный актер.

Дядькою малолетних Толстых был Николай Дмитриевич Михайлов, которого впоследствии Толстой изобразил в «Детстве» под именем дядьки Николая (Н.Н.Гусев, 1954, с. 72-73).

И список тех, кто любил маленького Лёву, и тех, кого он любил в детстве, оказывается бесконечным. Сам Толстой затем говорил, что от детства остались у него только радостные воспоминания, «грустных, тяжёлых не было».

Вероятней всего, именно эта любовь, которую получил в детстве Л.Н.Толстой, и послужила главным (но не единственным) источником колоссального объёма им написанного.

Михаил Александрович Шолохов. Известно, что мальчик родился незаконнорождённым. Его мать, сирота, была насильно выдана замуж помещицей Поповой, у которой служила, за сына станичного атамана Кузнецова. Но впоследствии она покинула своего супруга и ушла к Александру Шолохову. Их сын Михаил появился на свет незаконнорождённым и был записан на фамилию официального мужа матери – Кузнецов. Только после смерти официального мужа, в 1912 году, родители мальчика смогли обвенчаться, и Михаил получил фамилию Шолохов (Материал из Википедии).

То, что М.А.Шолохов родился незаконнорождённым, объективно свидетельствует о том, что он родился в результате большого и глубокого чувства, что он объективно обладал большой биологической силой. Об этом свидетельствуют и современники.

«Когда ребёнку исполнилось год, мне пришлось за ним наблюдать. Рос Михаил послушным и некапризным мальчиком.

В четырёхлетнем возрасте он был затейником всяких детских игр, порою без удержу игривый, постоянный охотник до всяких сказок и рассказов.

Любили в детстве мы играть в войну, и Миша, меньший среди нас, тоже «скакал» на хворостине, воображая её донским ретивым конём» (А.Сергин. Шолохова с детства люблю. – Из кн. «Михаил Шолохов в воспоминаниях, дневниках, письмах и статьях современников», сост. Петелин В., [Электронный ресурс]. URL: http://fictionbook.ru/author/viktor_petelin/mihail_sholohov_v_vospominaniyah_dnevnik/ дата размещения: 24.04.2012; дата доступа: 19.03.2015)

В.Н.Запевалов пишет: «Пережитое остропамятливым детским сердцем состояние «незаконности» своего положения Шолохов художественно воссоздал в рассказе «Нахалёнок», о котором в беседе с Е.Г. Левицкой говорил, что это «отчасти автобиографический рассказ. В нем воссоздан портрет вихрастого Мишки – «нахалёнка»:

«Мишка собой щуплый, волосы у него с весны были как лепестки цветущего подсолнечника, в июне солнце обожгло их жаром, взлохматило пегими вихрами; щеки, точно воробьиное яйцо, исконопатило веснушками, а нос от солнышка и постоянного купания в пруду облупился, потрескался шелухой. Одним хорош колченогенький Мишка – глазами. Из узеньких прорезей высматривают они, голубые и плутовские, похожие на нерастаявшие крупинки речного льда».

«Для отца он – Минька. Для матери – Минюшка. Для деда – в ласковую минуту – пострелёныш, а в остальное время, когда дедовские брови седыми лохмотьями свисают на глаза – «эй, Михаиле Фомич, иди я тебе уши оболтаю!».

А для всех остальных: для соседок-пересудок, для ребятишек, для всей станицы – Мишка и «нахалёнок».

Девкой родила его мать. Хотя через месяц и обвенчалась с пастухом Фомою, от которого прижила дитя, но прозвище «нахалёнок» язвой прилипло к Мишке, осталось на всю жизнь за ним» (В.Н.Запевалов. Первоисточки личности и судьбы. – Из книги «Михаил Шолохов в воспоминаниях, дневниках, письмах и статьях современников», сост. Петелин В. [Электронный ресурс]. URL: http://fictionbook.ru/author/viktor_petelin/mihail_sholohov_v_vospominaniyah_dnevnik/ дата размещения: 24.04.2012, дата доступа: 19.03.2015).

Если рассматривать эти эпизоды как автобиографические, то мы видим, что Михаила Александровича называли ласковыми прозвищами – «Минька», «Ми-нюшка», что, безусловно, говорит об огромной нежности и любви к ребёнку. Это также служит основанием полагать, что в детстве у Шолохова была сформирована социально-психологическая установка «жить». Её наличие подтверждается и засвидетельствованная многими современниками необычайная любознательность М.А.Шолохова в детстве, его живой детский интерес к жизни.

Таким образом, все имеющиеся биографические материалы свидетельствуют о том, что любовь и принятие ребёнка в самом раннем детстве затем, в зрелом возрасте проявляется в биологической силе писателя, в его тяготении к большим прозаическим формам. В тех же случаях, когда в ранние детские годы ребёнок, будущий писатель, недополучает любви и обожания, это тоже сказывается на его творчестве – но уже в тяготении к малым прозаическим формам, в большем количестве проблем со здоровьем.

О здоровье говорится не случайно. Произведём несложные арифметические действия.

Первая группа писателей, тяготеющих к малым прозаическим формам:

Н.В.Гоголь, 20 марта 1809 – 21 февраля 1852 = 43 года

И.С.Тургенев, 28 октября 1818 – 22 августа 1883 = 65 лет

А.П.Чехов, 17 [29] января 1860 – 2 [15] июля 1904 = 44 года

А.И.Куприн, 26 августа (7 сентября) 1870 – 25 августа 1938 = 68 лет

И.А.Бунин (10 [22] октября 1870 – 8 ноября 1953) = 83 года

Средняя продолжительность жизни в годах = $(43+65+44+68+83):5 = 60,6$

Вторая группа писателей, тяготеющих к большим прозаическим формам:

В.Гюго, (26 февраля 1802 – 22 мая 1885) = 83 года

О. де Бальзак (20 мая 1799 – 18 августа 1850) = 51 год

Ф.М.Достоевский (30 октября [11 ноября] 1821 – 28 января [9 февраля] 1881) = 59 лет

Л.Н.Толстой (28 августа [9 сентября] 1828 – 7 [20] ноября 1910) = 82 года.

М.А.Шолохов (11 [24] мая 1905 – 21 февраля 1984) = 78 лет

Средняя продолжительность жизни в годах = $83+51+59+82+78=70,6$

Нетрудно убедиться, что писатели второй группы в среднем прожили на десять лет больше, нежели писатели первой группы.

Любовь и безусловное принятие ребёнка в самом раннем детстве оказывается мощной жизненной опорой человека и сказывается как на его творчестве, так и на продолжительности его жизни. Как тут не вспомнить известные стихи В.Д.Берестова:

Любили тебя без особых причин
За то, что ты – внук,
За то, что ты – сын,
За то, что малыш,
За то, что растёшь,
За то, что на папу и маму похож.
И эта любовь до конца твоих дней
Останется тайной опорой твоей.

Цитируемая литература

Александрова Т.Л. Александр Куприн [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44524.php>; (дата размещения: 22.07.2011; дата доступа: 16.03.2015).

Биографическая библиотека Ф.Павленкова : Жизнь замечательных людей: В 3 т. Т. 3: XVIII – XIX вв. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 800 с.: ил.

Жизнь Замечательных Людей: Бунин [Электронный ресурс] /Электронная библиотека RuLit, 2011, URL: <http://www.rulit.me/books/ivan-bunin-read-267020-4.html> (дата обращения: 18.03.2015)

Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1828 по 1855 год / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; Отв. ред. М.К.Добрынин. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. 720 с.

Золотусский И. Гоголь. Жизнь Замечательных Людей: [Электронный ресурс] / Электронная библиотека bookz.ru, 2003. URL: http://bookz.ru/authors/igor_-zolotusskii/jzl43/1-jzl43.html (дата обращения: 13.03.2015)

Зощенко М.М. Повесть о разуме. – М.: Педагогика, 1990. 192 с.

Жизнь Замечательных Людей: Тургенев [Электронный ресурс] /Электронная библиотека bookz.ru, 2003, URL: http://bookz.ru/authors/lebedev-urii/turgenev_lebed/1-turgenev_lebed.html (дата обращения: 12.03.2015)

Антон Павлович Чехов 1860-1904 [Электронный ресурс]/ Книги о Чехове, сост. Злыгостева Надежда Анатольевна, Злыгостев Алексей Сергеевич, 2001, URL: <http://apchekhov.ru/books/item/f00/s00/z0000004/st002.shtml> (дата обращения: 12.03.2015)

Моруа А. Прометей, или Жизнь Бальзака [Электронный ресурс]. URL: http://french-book.net/text/Bio/morois_balzak.html (дата доступа: 19.03 2015).

Рошин М.М. Иван Бунин [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rulit.me/books/ivan-bunin-read-267020-1.html> (дата обращения: 12.03.2015)

Рудычева И.А. Фёдор Достоевский. Детские годы [Электронный ресурс]. URL:

http://www.velib.com/read_book/rudycheva_irina/fedor_dostoevskijj/detskie_gody/ (дата доступа: 15.03.2015).

Середенко И.И. Виды и функции воспоминаний о детстве в произведениях Ф.М. Достоевского // Вестник ТГПУ. 2007. № 8. С. 7-11. URL:

<http://cyberleninka.ru/article/n/vidy-i-funktsii-vozpominaniy-o-detstve-v-proizvedeniyah-f-m-dostoevskogo> (дата обращения: 27.04.2015).

Телешов Н. Д. А.П.Чехов // А.П.Чехов в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1960. С. 473-492.

Толмачев М.В. Свидетель века Виктор Гюго [Электронный ресурс]/ "Собрание классики" Библиотеки Мошкова (Lib.ru/Классика), 2004, <http://www.lib.ru/INOOLD/GUGO/hugo.txt> (дата обращения: 19.03.2015)

ДИНАМИЧЕСКИЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ ПОЭТА И ПИСАТЕЛЯ

Канд. фил. наук О.А. Астафьева (г. Орехово-Зуево)
olga.astafeva.71@mail.ru

СИСТЕМА ФОРМ ПЕРЕДАЧИ ЧУЖОЙ РЕЧИ В РАССКАЗАХ А.И. КУПРИНА

Исследование языка произведения и его речевой картины – одна из наиболее сложных и трудоемких задач в науке о языке. Язык в художественном произведении выступает как форма словесного искусства, как «целостное словесно-художественное единство», «особый тип эстетической, стилиевой, словесной структуры» [Виноградов, 1980, с. 227]. Его изучение тесно связано не только с лингвистикой, но и с литературоведением и эстетикой, а также с психологией творчества и с психологией восприятия. Понятие «чужая речь» получило широкое распространение благодаря учению М. Бахтина о диалоге, о «чужом» слове как универсальной общекультурной категории [Бахтин, 1975; 1979]. Согласно традиционной типологии чужой речи существует прямая речь, косвенная речь, несобственно-прямая речь.

В произведениях А.И. Куприна представлена прямая речь, используемая для передачи устного и письменного общения людей. Автор сознательно индивидуализирует речь персонажей, часто закрепляя за тем или иным героем определенные речевые особенности. В словах автора наиболее часто используются глаголы «говорил», «сказал»: – *Эфионы? Знаю. Это которые с рогами, – уверенно сказал Сергей.* («Белый пудель»).

С помощью прямой речи А.И. Куприн более точно знакомит читателя с личностными качествами персонажей, их поведением, например, в рассказе «Белый пудель» – два персонажа: изнеженный, истеричный Трилли и ловкий, сильный Сережа. Писатель подчеркивает контраст между детьми прежде всего на речевом уровне. Речь Трилли, невозможная для слуха, кажется, только и состоит из слов «Хоч-у-а-а!», «Мне!»: – *Хочу-у-а-а! – закатывался, топая ногами, кудрявый мальчик. – Мне! Хочу! Собаку-у-у! Трилли хочет соба-а-аку-у...*

Прямая же речь Сережи очень размеренна, все, что он говорит, свидетельствует об уме, выдержке, обстоятельности мальчика: – *Ах, дедушка, дедушка! – глубоко, со слезами в груди вздохнул Сергей. – Собаку мне уж больно жалко... Собака-то уж хороша очень...*

А.И. Куприн использует в своих рассказах 4 типа структур прямой речи:

1) с препозитивным вводом: *Он резко свистнул и еще раз закричал протязно:*

– *Арто-о-о!* («Белый пудель»).

2) с постпозитивным вводом: – *Ради бога, ради бога, оставьте, пустите меня, – шептала она в смущении.* («Святая любовь»).

3) с интерпозитивным вводом (наиболее частый способ): – *Ведь это, пожалуй, еще хуже, – думал он, – расстрогать человека воспоминанием о доме, о матери, да потом сразу и прихлопнуть.* («Дознание»).

К косвенной речи А.И. Куприн прибегает крайне редко. Косвенная речь как особый способ изображения чужой речи используется в тех случаях, когда важна не языковая форма чужого высказывания, а его содержание, заключенная в нем информация. И если прямая речь – способ речи, обеспечивающий речевую автономию действующих лиц, то косвенная – это, скорее, форма сосуществования авторской речи и речи персонажей, стилистические задачи которой лишь опосредованно связаны с характеристикой персонажа, по сути же это просто новая по сравнению с авторской речью форма фабульного развития художественного произведения: *Ведь я тебе говорила, чтобы ты не трогал моих вещей.* («Бронза»). *Ты его, Бузыга, спроси, что он будет делать, когда подрастет?* («Конокрады»). Косвенная речь передает чужое высказывание более экономными средствами, хотя проигрывает в эмоциональном плане.

Включение несобственно-прямой речи в повествование позволяет автору выразить невысказанные мысли персонажа, передать речевые особенности героя. Этот способ позволяет автору говорить и думать за своих героев: *Теперь им овладело неудержимое желание бежать куда попало, бежать без оглядки, чтобы только не видеть молчаливого отчаяния голодной семьи. Просить милостыни? Он уже попробовал это средство сегодня два раза.* («Чудесный доктор»). Чужая речь может использоваться А.И. Куприным для создания открытого финала рассказа, позволяющего читателю самому домыслить развитие сюжета: *А ведь и в самом деле бывают же в жизни чудеса! Или только в пасхальных рассказах?* («Святая ложь»). *Господи! Неужели и эта последняя кара не минует нашу грешную родину?* («Тихий ужас»).

Использует А.И. Куприн и конструкции с передачей темы чужой речи. В простом предложении это осуществляется: а) при помощи дополнений, стоящих при неполнозначном глаголе со значением речи/мысли: *Это пришел Гришутка, мальчишка, помощник коридорного, справиться о чае* («В цирке»); б) при помощи объектного инфинитива при выражении волеизъявления: *Как ведь просил я Бузыгу не трогать из нашего села коней – на тебе!* («Конокрады»). В составных сложноподчиненных предложениях нерасчлененной структуры с придаточной местоименно-соотностительной частью тема может передаваться, если в главной части при опорном компоненте есть корреляты «про то» и «о том»: *Она внимательно слушала музыку, еще внимательнее глядела на акробатические упражнения Сергея и на смешные «штучки» Арто, после этого долго и подробно расспрашивала мальчика о том, сколько ему лет и как его зовут, где он выучился гимнастике, кем ему приходится старик, чем занимались его родители и т.д.* («Белый пудель»).

Итак, как показывает проведенный анализ, в своих работах А.И. Куприн умело использует прямую, косвенную и несобственно-прямую речь, а также конструкции с передачей темы чужой речи. Употребляя эти формы, через своеобразие речи он показывает характер своих героев, при этом автору в одних

случаях важно передать не только содержание, но и саму форму чужой речи, а в других только содержание.

Литература

Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975. 504 с.

Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности. – М., 1979. 424 с.

Виноградов В.В. О языке художественной прозы. – М., 1980. 362 с.

Куприн А.И. Избранные сочинения, 07.02.2001 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lit-classic.ru/index.php?fid=1&sid=54> (дата обращения: 31.03.2015).

Докт. филол. наук С.Г.Воркачев (Краснодар)
svork@mail.ru

СМЫСЛ ЖИЗНИ В ПРОЗЕ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА

Если философия «занимается основаниями человеческой жизни в предельной их форме» (М. К. Мамардашвили), то проза Андрея Платонова, безусловно, философична, поскольку её главным «метафизическим героем» выступает смысл отдельного и общего существования, а вопрос о смысле жизни – основной вопрос философии (Альбер Камю). Смысл жизни выступает ключевым концептом повести «Котлован», где частотность его появления сопоставима с частотностью «совести» в евангельских Посланиях Св. Павла.

Вопрос о цели и смысле бытия – это «дежурный» вопрос в тексте произведений Андрея Платонова. Осмысленность собственного бытия («*Без думы люди действуют бессмысленно!*» – «Котлован») для героев Платонова – отличительная черта человека. Аксиология смысла жизни в текстах Андрея Платонова достаточно двойственна: конечно, обладание смыслом жизни служит оправданием индивидуального бытия, однако поиски его мучительны и приводят к «задумчивости» и бездействию.

«Всеобщий и долгий», «твердый и вечный» смысл общего существования в прозе Андрея Платонова проявляется в двух разновидностях: как знание причин возникновения и сущности мироздания – «объективный», глобальный смысл бытия («общий план жизни», «всемирный устав»), и как конечная цель, к которой движется человечество, – субъективный универсальный смысл жизни.

Для героев Платонова не существует Бога и Провидения, их судьба никем не предопределяется, и поэтому смысл бытия человека и его конечная цель могут заключаться лишь в другом человеке: в сочувствии ему и «дружестве», в создании такой жизни, где исчезли бы перегородки, разделяющие людские души, поскольку «*один человек растет от дружбы другого*» («Чевенгур»), а «*продукт... души – дружба и товарищество*» («Чевенгур»).

По отношению к смыслу жизни и к его поискам в текстах Андрея Платонова выделяются два типа персонажей: смыслоискатели, реализовавшие себя и обретшие свой смысл, и «задумчивые» – продолжающие этот смысл искать. И тех, и других отличает обострённая «эмпатия», и те, и другие равнодушны к материальному благополучию. Однако если первые – деятели, «заточенные» на

достижение своей жизненной цели, отдающие все силы реализации своего идеала, то вторые – созерцатели и сомневающиеся.

Отношение к смыслу жизни как «организации счастья» для будущих поколений у Андрея Платонова в достаточной мере двойственно: с одной стороны, «в стремлении к счастью для одного себя есть что-то низменное и непрочное» («Афродита»), что вполне совпадает с пониманием «русского счастья» вообще, с другой же, он отлично понимает, что у тех, кто придет нам на смену, будут иные жизненные цели и, соответственно, иной смысл жизни, которые нам угадать не дано, и иное счастье.

Любовь всегда и везде является ведущим «фактором» смысла жизни, заполняющим у человека место главной жизненной цели, стремление к которой дает «ответ на проблему человеческого существования» (Эрих Фромм). Не составляет тут исключения и проза Андрея Платонова, где смысл жизни задается присутствием любви во всех её возможных видах, за исключением, естественно, любви к Богу и к самому себе. Доминирует здесь, однако, «дружество» – любовь-милость, любовь-жалость, любовь-сочувствие, своего рода светский аналог христианской любви к ближнему. Любовь – это чувство-отношение, двунаправленное и разновекторное; кроме любви взаимной, счастливой, есть еще любовь несчастная, безответная... Обычно, «по умолчанию», смысло-жизненная ценность признается за любовью, направленной на какой-либо объект. В текстах же Андрея Платонова появляется «отражённый смысл жизни» – смысл жизни, создаваемый «чужой любовью».

Наблюдения над концептуализацией идеи смысла жизни в прозе Андрея Платонова свидетельствуют в первую очередь о том, что философская категория смысла общего и отдельного существования воплощается здесь метафорически-образно, как в художественном произведении. Андрей Платонов – очень русский писатель, и его представления о счастье и смысле жизни, прежде всего, русские: личное счастье как результат обретения человеком смысла жизни неотделимо от счастья всеобщего, а сам смысл жизни создается целями, выходящими за пределы индивидуального и корыстного бытия, и его ведущим «фактором» является любовь к ближнему.

*Канд. филол. н. Т.А. Колоскова (Орехово-Зуево)
koloskova_tak@mail.ru*

К ВОПРОСУ О РОЛИ ЦВЕТОВОЙ ЛЕКСЕМЫ «СИНИЙ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В конструировании мира художественного произведения существенную роль играет авторский подбор цветообозначений, так как характер функционирования цветковых слов в произведении отражает своеобразие стиля автора, его творческую индивидуальность и неповторимость видения мира. По мнению исследователя Р.М. Фрумкиной, «невозможно говорить о цветовой картине мира в отрыве от воспринимающего ее индивидуума. У каждого носителя языка восприятие того или иного цвета связано с жизненным опытом, психофизическим состоянием, определяется целым рядом объективных и субъективных факторов,

поэтому индивидуально и является частью наивной картины мира» [Фрумкина, 1984, с. 11].

Одна и та же цветовая лексема у каждого писателя используется по-своему, в соответствии с теми целями и задачами, которые он ставит при написании своего произведения. Так, цветовая лексема «синий» имеет разное применение в текстах, например, у Н.В. Гоголя и у С. Есенина. В основе значения этой лексемы лежит описательная схема «имеющий окраску одного из основных цветов спектра...». [Ср.: «Синий – имеющий окраску одного из основных цветов спектра – среднего между фиолетовым и зеленым» – Ожегов, 1987, с. 585]. В поэме «Мертвые души» Н.В. Гоголь уже в первой главе два раза использует этот цвет вместе с другими лексическими средствами для создания подтекста с комическим эффектом. Сначала автор иронизирует над кучером Селифаном и лакеем Петрушкой, которые сопровождали Чичикова по приезду в гостиницу: «Вслед за чемоданом внесен был небольшой ларчик красного дерева с штучными выкладками из карельской березы, сапожные колодки и завернутая в синюю бумагу жареная курица». Сочетание «синяя бумага» ассоциируется с понятием «бумага грубая, недорогая» и служит дополнением к характеристике комических образов чичиковских слуг. Затем Н.В. Гоголь включает цветолексема «синий» в эпизод, когда Чичиков отправился посмотреть город: «Попадались почти смытые дождем вывески с кренделями и сапогами, кое-где с нарисованными синими брюками и подписью какого-то Аршавского портного». И в этом контексте синий цвет необходим для сатирического изображения городских вывесок. У Н.В. Гоголя, великого писателя-сатирика, цветовые лексемы участвуют в создании иронии.

Совершенно иную функцию выполняет синий цвет в поэтическом тексте С.Есенина. В структуре цветообозначений у него самым объемным является именно микрополе *синего цвета*. Доминанта поля – синий (при анализе стихотворений найдено 60 слов). Этим цветом поэт рисует не только конкретные «предметы»: небо, и море, и сирень, создавая запоминающиеся лирические пейзажи, но и называет синими даже отвлеченные понятия: мглу, вьюгу, звон. Например: «Синее небо, цветная дуга, Тихо степные бегут берега» [«Синее небо, цветная дуга...», Есенин, 1965, с. 100]; «Не от холода рябинушка дрожит, Не от ветра море синее кипит» [«Не от холода рябинушка дрожит...», Есенин, 1965, с. 144]; «Ой ты, синяя сирень, голубой палисад» [«Песнь о великом походе», Есенин, 1965, с. 369]; «Ревут валы, Поет гроза! Из синей мглы Горят глаза» [«Товарищ», Есенин, 1965, с. 106]; «На крутой горе, под Калугой, Повенчался Ус с синей вьюгой» [«Ус», Есенин, 1965, с. 111]; «Не белы снега по-над Доном Заметали степь синим звоном» [«Ус», Есенин, 1965, с. 110]. Этот же цвет у С. Есенина в основе цветовой метафоры, когда небо он сравнивает с синим блюдом: «На небесном синем блюде Желтых туч медовый дым. Грезит ночь. Уснули люди, Только я тоской томим» [«На небесном синем блюде...», Есенин, 1965, с. 770].

Сочетая конкретное и отвлеченное существительные с цветовым прилагательным, поэт создает необычные метафоры: «Вечером синим, вечером лунным Был я когда-то красивым и юным... Сердце остыло, и выцвели очи... Синее сча-

стье! Лунные ночи! [«Вечером синим, вечером лунным...», Есенин, 1965, с. 617].

Можно предположить, что сочетание «*синее счастье*» связано с образом *синей птицы* – символом счастья. Это словосочетание, конечно, обозначает не только определенный период жизни поэта. В нем соединены и ощущение цвета светлой лунной ночи, и ощущение эмоциональной приподнятости, связанной с данной цветовой характеристикой [Колоскова, 2014, с. 38].

Как видим, лексемы со значением цвета максимально реализуют в художественном тексте свои эстетические возможности. Цветовая семантика внутри художественного текста влияет на первоначальную номинацию языковой единицы, придавая ей дополнительную информацию, увлекая её в сложные контекстуальные и интертекстуальные отношения.

Литература

Есенин С. Словесных рек кипение и шорох. Стихи и поэмы. – 1965. 864 с.

Колоскова Т.А. Цветовые тропы в поэтическом тексте С. Есенина // Вестник МГОГИ, Орехово-Зуево, 2014, № 2.

Макеенко И.В. Семантика цвета в разноструктурных языках : Автореф. дис. канд. филол. наук. – Саратов, 2006.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. Под ред. Чл.-корр. АН Н.Ю. Шведовой. – М., 1987. 750 с.

Суровцева М.А. К истории слова «синий» в русском языке// Уч. зап. Кичишевского гос. ин-та, т. 71. – 1964. – 62 с.

Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа. – М.: Наука, 1984. 175 с.

Докт. филол. наук Н.А. Красавский (Волгоград)
nkrasawski@yandex.ru

КЛЮЧЕВЫЕ КОНЦЕПТЫ СТЕФАНА ЦВЕЙГА: КРИТЕРИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И СПОСОБЫ ВЕРБАЛИЗАЦИИ

Перспективность лингвоконцептологических исследований мы видим прежде всего в изучении *индивидуально-авторских* концептов, остающихся до сих пор вне рамок поля приоритетности внимания лингвистов. Описание индивидуально-авторских концептов позволит решать задачи как общефилософского и культурологического плана (выявление глубинных смыслов человеческого бытия, их переоценка в диахронической плоскости жизни социума, определение иерархии в системе индивидуальных ценностных установок личности, установление стиля мышления эпохи и др.), так и задачи собственно лингвистического плана (характеристика индивидуально-авторского стиля, вычленение специфики вербализации индивидуально-авторских концептов и др.).

При исследовании индивидуально-авторской концептосферы одним из важных вопросов является определение ключевых концептов. Одним из критериев их определения следует признать суждения специалистов (лингвистов, литературоведов, философов) о творчестве автора. Вторым критерием выделения

ключевых концептов могут быть количественные показатели. Высокая частотность употребления слов, обозначающих тот или иной концепт, служит, по нашему мнению, свидетельством его релевантности для индивидуально-авторской концептосферы. Это предположение верифицируем на материале произведений Стефана Цвейга (1881-1942 гг.), известного австрийского писателя первой половины XX века. Ключевыми в них, судя по статистическим подсчетам, являются концепты «страх», «отчаяние» и «любовь». Базисный статус этих концептов, установленный статистически, не противоречит сюжетным линиям его произведений, их тематической направленности. Высокая степень актуализации концептов «страх», «отчаяние» и «любовь» в художественной картине мира Ст. Цвейга обусловлена его интенцией обнажить сложный механизм глубоких переживаний своих персонажей, с одной стороны, а с другой – показать мироощущение своих современников как индикатор определенного отрезка времени Европы.

Концепты «страх», «отчаяние» и «любовь» в произведениях австрийского писателя находят речевое воплощение посредством обозначения и выражения.

Основным способом вербализации данных концептов в произведениях Ст.Цвейга служит метафора. Наиболее распространенным ее видом является антропоморфная метафора. В её основе лежит персонификация.

Приведём пример из повести «*Brennendes Geheimnis*» («Жгучая тайна»), иллюстрирующий персонификацию страха, его способность эффективно воздействовать на психическое состояние человека. Протагонист Эдгар, сбежавший от матери к родственникам, проживающим в другом городе, испытывает овладевшее им чувство страха: *Mit einem Male befiel ihn eine törichte Angst, und er lief weiter, ohne zu wissen wohin.* Чувство страха овладевает Эдгаром, когда он, стоя у калитки дома тёти, слышит скрип отворившихся дверей. Подросток, не справившись с навалившимся на него страхом, бежит прочь. В данном эпизоде текста повести страх уподобляется действиям человека: страх способен напасть на него, обратить в бегство.

Высокий индекс употребления антропоморфной метафоры объясняется, на наш взгляд, социально-психологической значимостью для человека его собственных реальных поступков, его преобразующей действительностью деятельностью. Homo loquens суть homo agens (человек действующий). Интроспективность человека, его психологическая склонность, природная предрасположенность измерять, а значит, и оценивать «вещи» сквозь призму собственного Его есть причина активного употребления в языке антропоморфной метафоры.

Метафора служит писателю эффективным художественно-образительным средством экспликации глубинных смыслов, отражающих познавательный человеческий опыт, позволяет художнику слова ярко, образно передать эмоциональный мир человека, мир его ощущений и переживаний. Активное использование данного типа номинации в произведениях Ст.Цвейга объясняется высокой психологической напряженностью их сюжетов, авторским стремлением глубоко показать всю разнообразную палитру психологической жизни своих персонажей.

РЕЧЕВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В ПЕСНЯХ ВОЕННЫХ ЛЕТ (1941-1945 ГГ.)
И В ПЕСНЯХ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Гендерная тематика в современной лингвистике является одной из самых популярных (см. исследования: [А.В.Кирилина, 2001; А.М.Шахмайкин, 1996] и мн. других). Достаточно редко гендерная проблематика рассматривается на материале массовых песен. До сих пор совсем не рассматривалось речевое выражение гендерных отношений в песнях военных лет (1941-1945 гг.), современных гендерных конструктивных песнях и в современных гендерных деструктивных песнях.

Отметим, что под речевым выражением гендерных отношений нами понимается выражение в речи установок, принципов и убеждений языковой личности о взаимоотношениях между мужчиной и женщиной.

В качестве материала взяты десять самых известных песен военного периода: «Катюша», «Потому что мы пилоты», «Смуглянка», «Синий платочек», «В землянке», «До свиданья, города и хаты», «Вечер на рейде», «Ты ждёшь, Лизавета...», «Огонёк», «И кто его знает»; десять современных гендерных конструктивных песен: «22 июня», «Белый конь», «Лада», «Песня о тревожной молодости», «Не плачь, девчонка», «Песня о друге», «Малиновый звон», «Граница», «Волчонок», «Москвичи»; десять современных гендерных деструктивных песен: «Широка река», «Нежность», «Первая любовь – любовь последняя», «Почему молчишь», «Я лист», «Одиночество», «Реальная жизнь», «Воспоминание», «Ты не одна», «У меня появился другой».

Нами были составлены три частотных словаря со знаменательными частями речи по каждой группе песен. В каждой из них удалось выделить часто используемые слова, характерные для той или иной группы.

Итак, вот **частые слова известных песен военного времени**: *берег, беречь, боевой, боец, быть, враг, высокий, выходит, голубой, город, дальний, девичья, девушка, девчата, дело, дом, дорогой, друг, ждать (не ждать), завтра, заря, зелёный, земля, знакомый, знать, Катюша, клён, корма, крутой, кудрявый, лист, любимый, любовь, мелькать, мой, молдаванка, молодой, моргать, море, мы, наш, небо, огонь, он, парень, первый, петь (не петь), письмо, платок, плечо, победа, пора, потерять, потом, поход, ранняя, ребята, резной, родной, самолёт, свиданье, свой, синий, смелый, смуглянка, снег, такой, таять, твой, тот, туман, ты, уходить, хата, хороший, я.*

Частые слова современных гендерных конструктивных песен: *Алёна, бабушка, беда, белый, беречь, бомбить, буря, быть, вернуться, верный, весь, ветер, Витя, влюбленный, вновь, война, войско, волк, волна, всегда, вспомнить (не вспомнить), встать (не встать), вы, выйти, въехать, год, гора, город, граница, грех, грустно, далёкий, даль, дать, девочка, детство, дождь, должен, дорога, друг, другой, думать (не думать), ждать, железный, забота, забрать, закон, заря, звать, звезда, звон, земля, знать (не знать), идти, Киев, кольчуга, конь, корма, Лада, лежать, любовь, Малая Бронная, малиновый, мама, ма-*

хоть, милый, мир, мой, молодой, Моховая, мужчина, мы, навсегда, награда, надо (не надо), начаться, наш, ночной, ночь, обещать, объявить, один, однажды, окно, он, опять, орден, паровоз, перрон, пёстрый, плакать (не плакать), платок, поверить, пограничный, подруга, поезд, позабыть, поле, полёт, половина, понять, преграда(не), прижаться, прийти, проводить, пройти, простить, путь, пыльный, радость, радуга, разлука, родиться, родной, рука, сапог, свет, сердце, Серёжа, сильный, синий, сказать, слово, служить, случиться, слышать (не слышать), смерть, смех, снег, солдат, сон, спина, старик, старшина, стать, стая, степь, столетие, такой, талант, твой, терять, тихий, тот, тревожный, третий, ты, уезжать, уйти, укрывать, улыбнуться, уметь, умножить, упрямый, ускакать, фронт, хмуриться, ходить, хозяйка, хотеть, целовать, час, чуб, эшелон, я, Ярославна.

И наконец, **частые слова современных гендерных деструктивных песен:** бежать, берег, близкий, больно, больше, быстро, быть (не быть), ваш, ветер, воспоминание, время, встретиться, выход, где-то, говорить (не говорить), голос, гордость, горький, готовый (готов), грешить, грудь, девочка, держать, длинный, дом, другой, душа, дышать, ждать (не ждать), жизнь, жить, забыть (не забыть), знать (не знать), зря, играть, идти, искать, конь, коротать, ласточка, лето, лист, любимый(не), любовь, мир, мой, мочь, мука, мы, найти (не найти), напрасный, находить, небеса, небо, нежный, незванный, непонятный, нести, нить, ночь, обман, огонь, один, одинаковый, одиночество, окаянный, окно, он, осень, ответ, отдать, открыть, отпустить, первый, плакать (не плакать), плыть (не плыть), подруга, понимать (не понимать), понять, послание, последний, поцелуй, пошлый, появиться, прекрасный, пропасть, пророчество, просить, простить, прочь, прошлое, прятать, разный, рваться (не рваться), реальный, река, решить, рука, рушиться, сам, свет, светить, сволочь, сдержаться, сейчас, сердце, сила, сказать, скука, слеза, слово, слышать (не слышать), смысл, совпадение, солнце, спасение, спать, стать (не стать), стучать, судьба, твой, терпение, теряться, течение, тишина, ты, увидеть, уже, узел, улыбаться, уметь (не уметь), флаг, хотеть, цвести, целовать, чёрный, чувство, чувствовать (не чувствовать), широкий, щека, я.

В докладе делаются выводы, вытекающие из проведённого анализа.

Литература:

Кирилина А.В. Освещение связи языка и пола в истории лингвистики // Теория и методология гендерных исследований: курс лекций / под общ. ред. О.А.Ворониной. М.: Московский центр гендерных исследований, 2001. 415 с.

Шахмайкин А.М. Проблема лингвистического статуса категории рода // Актуальные проблемы современной русистики. Диахрония и синхрония. М.: МГУ, 1996. С. 226-273.

К ПРОБЛЕМЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ АМБИВАЛЕНТНОСТИ КОНЦЕПТА «МЕТАФОРА» В РАЗНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА

В любых типах дискурса существуют свои «вечные темы». В филологии и – шире – в гуманитаристике – одной из таких является вопрос о метафоре. В разные времена, как известно, метафора оценивалась по-разному: и положительно (Аристотель, Ф. Ницше, У. Эко и т.д.), и отрицательно (Т. Гоббс, Дж. Локк и др.) [Арутюнова, 1990, с. 10-11].

В то же время нередко можно встретить (в особенности в поэтическом дискурсе) заявления о том, что поэтическое мышление и в целом художественный текст не может рассматриваться иначе, как метафора = знак = образ. Ср.: У Мандельштама в «Разговоре о Данте» мы читаем: «Я сравниваю, значит, я живу», – мог бы сказать Данте. Он был Декартом метафоры, ибо для нашего сознания – а где взять другое? – только через метафору раскрывается материя, ибо нет бытия вне сравнения, ибо само бытие есть сравнение» (А. Вознесенский, «Мой Микеланджело»). Или: *И в банном зале, там, где кафель, / В трамвае, в поле на стерне / Смысл восхитительных метафор / Вдруг как-то стал являться мне... / Метафора – и та вон тёлка. / И луг. И тополь. И дома. / И даже жизнь всего лишь только / Метафора. И смерть сама* (Е. Винокуров, «Кому-то там я не потрафил...»). И таких примеров множество [См., напр.: Кураш, 2007].

Но сами же писатели, поэты, философы, словом, творцы метафор по своему основному «роду деятельности», говорят и об обратном – о том, что к метафоре нельзя сводить образ и творчество в целом, подобно тому, как нужно различать механизм и деталь из этого механизма. Например, на это указывает известный белорусский профессор-литературовед и писатель, автор ряда романов и повестей, сборников рассказов Анатолий Андреев, ср.: «Литературоведов должны интересовать скорее не эвристические возможности метафоры (метафорическое мышление абсолютно непропорционально рассматривать как синоним мышления образного), а ее выразительно-стилевые возможности в различных словесно-художественных системах (...) Метафора — симптом образного, интуитивного мышления, хотя образ может быть создан и без метафоры. Уже один этот факт никак не позволяет отождествлять метафору и образ» [Андреев, 1995, с. 64-65]. Но (!) у него же: «Изобилие метафор в рассказе и превращение, в конечном счете, всего произведения в сплошную метафору (...) позволяет сделать определенные выводы. Цель и смысл метафор и сравнений Набокова (...) заключаются в том, чтобы сопрягать различные явления, уподоблять их друг другу – и тем самым обогащать. Что, конечно, и должна делать всякая метафора. Однако у Набокова метафора обнажена до своей «первородной» функции: метафора служит не вспомогательным поэтическим средством, а непосредственно «скрепляет» жизнь с литературой», – так говорит А. Андреев-литературовед о творчестве В. Набокова [Андреев, 2003, с. 185]. А ниже А. Андреев-писатель в авторской аннотации характеризует

ет свой роман «Маргинал»: *«Роман «Маргинал» – всеобъемлющая метафора. Мир взят в состояниях пограничных: любовь чем-то похожа на ненависть, дружба напоминает вражду, верность превращается в предательство, философия в литературу, красота в грязь, жизнь в смерть. Связь всего со всем – в центре романа: такова философская подоплека формулы «маргинальность»».*

Противоречие? И да, и нет. Дело в том, что речь по сути идёт о двух различных концептуальных наполнениях понятия «метафора»: **собственно метафора** (троп) vs. **принцип метафоры** (метафорообразии). Последнее – скорее семиотическое, нежели филологическое или культурологическое. По базовым свойствам знак (семиотический объект) изоморфичен метафоре. Метафора в филологическом смысле – знак знака, этакий «знак в квадрате». А творческий акт, направленный на создание художественного текста, – это не что иное, как «пусковой механизм» метафорогенеза. Первое же (тропоцентрическое) – сугубо орудийное, факультативное, частное по отношению к тексту как к общему.

Подобная внутренняя амбивалентность концепта «метафора» обуславливает своеобразный характер его функционирования вне пределов филологического дискурса, вне терминологической функции, где в большинстве случаев метафора концептуализируется со знаком «минус» как антипод либо самой реальности, либо способу её осмысления [см.: Кураш, 2011]. В то же время сам факт частотности апелляции к данному понятию в метаязыковых целях, а также случаи наподобие мнимого отказа от метафоры в её же пользу, не говоря уже принципиальной метафоричности осмысления многих феноменов реальности, характерной для современной языковой картины мира, заставляют ещё раз убедиться в том, что метафора – не просто термин, не просто языковое средство, – это, безусловно, концепт, характерный для языкового (и метаязыкового) сознания образованного носителя русского языка.

Литература

Арутюнова, Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры: сборник / Общ. ред. Н.Д.Арутюновой и М.А.Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5 – 32.

Андреев, А.Н. Целостный анализ литературного произведения / А.Н. Андреев. – Минск: НМЦентр, 1995. – 144 с.

Андреев, А.Н. Философия литературы [Электронный ресурс]: учеб. пособ. – Минск: Электронная книга БГУ, 2003 / А.Н. Андреев. — Режим доступа: <http://anubis.bsu.by/publications/elresources/Philology/andreev3.pdf>.

Андреев, А. Маргинал: романы и повесть / А.Андреев. – Минск: Макбел, 2006. – 320 с.

Кураш, С.Б. Концепт «метафора»: ракурсы поэтической рефлексии / С.Б. Кураш // Мова і культура. – Київ, 2007. – Вип. 9. Т. IV (92). – С. 17 – 22.

Кураш, С.Б. Метафора и смыслопорождение: pro & contra / С.Б. Кураш // Язык – текст – дискурс: проблемы интерпретации высказывания в разных коммуникативных сферах: матер. междунар. науч. конф. – Самара: Изд-во “Универс групп”, 2011. – С. 144 – 148.

ОБРАЩЕННОСТЬ ВНУТРЕННЕЙ РЕЧИ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ (НА ПРИМЕРЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ)

Считая, что внутренняя речь полностью или частично в каких-то видах речевых актов коммуникативна, исследователи по-разному представляют адресата говорящего. Они указывают на конкретного человека, «наадресата» (высшее существо (бога), народ, суд истории, научные истины, совесть) [Арутюнова, 1981], всё человечество [Брушлинский, 1982, с. 39], самого же говорящего как лицо, заинтересованное в содержании внутренней речи, «кооптированного адресата» [Арутюнова, 1981, с. 362] или слушателя – контролёра за её формой и адекватностью воплощения содержания в данной форме [Пазухин, 1979, с. 47–49]. Внутренняя речь в тексте, прежде всего, направлена на самого себя, а уже потом на читателя, персонажа текста и т. п. Адресат 1 произносит внутреннюю речь вслух или в своих размышлениях самому себе. Избирая ту или иную мысль для выхода её в качестве сообщения, говорящий вначале делает выбор. Совершая означивание, говорящий останавливается на одном из возможных вариантов, проводя первое означивание. Второе означивание связано ориентацией на собеседника. Третье означивание представляет собой ориентацию на общественного собеседника, под которым Г.Г.Почепцов понимает обобщающий образ того третьего [Почепцов, 1990, с. 82].

Внутренняя речь характеризуется тем, что переживания, и соображения говорящего просятся наружу, он не может их оставить при себе.

Речь «для себя», «про себя» может произноситься вслух и находить отклик реального слушающего. Кроме реального слушающего внешняя и внутренняя реплики адресованы «наадресату», «третьему собеседнику», который у той или другой речи абсолютно одинаков. Опосредованный адресат, то есть собеседник, не вступающий в разговор, является обязательным компонентом речевой ситуации внутренней речи. Говорящий связан с таким адресатом через понимание адресатом высказывания говорящего.

Н. В. Труфанова пишет, что опосредованному собеседнику известно, какие действия предпринимал говорящий, каково содержание его внешних речей, из этого он может вывести их причины и цель, бывшие предметом внутренней речи говорящего, и оценить её истинные компоненты [Труфанова, 2000, с. 43].

В немецких и русских художественных текстах можно выделить четыре группы обращённости внутренней речи:

1. К самому себе, например:

Er dachte an Charlot, er dachte an die Anmerkung seines Sekretärs Maigron [Feuchtwanger, 1982, S. 67].

Дванов подумал скрыться, но сел на землю от немоци в теле и заплакал в деревенской тьме [Платонов, 1989, с. 112].

2. К другому лицу, к персонажу текста:

Was waren sie nur für stumme Klötze, Trofim und der Bruder [Joho, 1967, S. 66].

«Чего он испугался, чудак?» – удивился Давыдов, заметивший, как побледнел хозяин, как губы его едва шевелились, объятые дрожью [Шолохов, 1966, с. 112].

3. К высшим инстанциям мира.

«Lieber Gott, du wirst dich doch nicht genieren? Nein, iß nur, iß» [Hesse, 1989, S. 16].

«Господи, да скоро ли она?» [Пермитин, 1965, с. 8].

4. К читателю текста, например:

Вслушайся в мнимое безмолвие ночи, и ты услышишь, друг, как заяц на кормежке гложет, скоблит ветку своими желтыми от древесного сока зубами [Шолохов, 1966, с.140].

Каждый способ обращённости имеет свои особенности, которые можно установить, пользуясь материалами текстов на немецком и русском языках.

Список литературы:

Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1981. № 4. С. 356-367.

Брушлинский А. В. Взаимосвязь процессуальных и личностных аспектов мышления // Мышление, процесс, деятельность, общение. М.: Наука, 1982. С. 135-147.

Пазухин Р. В. Язык, функция, коммуникация // Вопросы языкознания. 1979. № 6. С. 42-50.

Пермитин Е. Три поколения. М.: Московский рабочий, 1965. 760 с.

Платонов А. П. Чевенгур. Путешествие с открытым сердцем: роман. Воронеж: Центр.-Чернозем, 1989. 431 с.

Почепцов Г. Г. «Тройное сознание» в структуре семиотического процесса // Логика, психология и семиотика: аспекты взаимодействия: сб. науч. тр. Киев: Наук думка, 1990. С. 81-100.

Труфанова И. В. Прагматика несобственно-прямой речи: монография. М.: Прометей, 2000. 250 с.

Шолохов М. А. Собрание сочинений в 9 томах. М.: Художественная литература, 1966.

Feuchtwanger L. Die Füchse im Weinberg. Berlin, Weimar: Aufbauverlag, 1982. 955 S.

Hesse H. Unterm Rad. Leipzig: Verlag Philipp Reklam jun., 1989. 145 S.

Joho W. Aufstand der Träumer. Berlin und Weimar: Bibliographisches Institut, 1967. 210 S.

Докт. филол. наук А.В.Пузырёв, студ. Ек.Раевская (Орехово-Зуево)
О КЛЮЧЕВОМ ЭЛЕМЕНТЕ РОМАНА М.СЕМЁНОВОЙ «ВАЛЬКИРИЯ»

Цель настоящей статьи – обратить внимание на специфику ключевого элемента художественного прозаического текста. Вопрос рассматривается на материале романа М.Семёновой «Валькирия».

Как мы уже писали [А.В.Пузырёв 1995: 24-25; 2014: 34], использование КЭ часто выступает как особый композиционный приём, суть которого может быть выражена формулой кольца: $KЭ_1 - P_T - KЭ_n$, где $KЭ_1$ – первое употребление КЭ, P_T – развитие темы, $KЭ_n$ – последнее употребление КЭ, обогащённого – в результате развития темы – новым поэтическим смыслом.

Именно такой приём используется в романе Марии Семёновой «Валькирия».

Как известно, роман «Валькирия» написан от первого лица – рассказчицей. Главная героиня романа – девушка по имени Зима. Её главный императив – дождаться *Того, кого она ждёт*.

Первое употребление ключевого элемента почти ничем не выделяется, кроме того что указательное местоимение *тот* написано с большой буквы: «...И раздвинет унизанные росой кусты, выплывет из тумана долгогривый уверенный конь, и выедет на поляну Тот, кого я всегда жду.

– Ты ли звала, девица? – спросит он, улыбаясь, а я слова разумного выговорить не смогу, только кивну... Я не умела представить ни голоса, ни лица, но не сомневалась – признаю немедля. И не забоюсь я его – да кого я боялась! А он будет сильный и большой, орёл против меня, птенчика желторотого. Что ж не быть птенчиком у такого-то под крылом. И взойдёт золотое, ликующее внешнее солнце, и покажется, что всю прежнюю жизнь я бродила в диком лесу, а теперь попала домой...» (М. Семёнова, 2014, с. 12)

Героиня вполне адекватно фиксирует, что её поведение и образ мышления не вполне типичны: «Я лежала и думала. В детстве мне метилось – у каждого есть Тот, кого он всегда ждёт. Потом подросла, поняла: не у каждого, лишь у немногих. Спроси семерых, шестеро брови сведут – что ещё за диво неслыханное? Моё внешнее солнце было бы им огоньком на болоте, ведущим в трясину с проторённой, надёжной тропы. А мне их ясная жизнь была вовсе не жизнью – сном тяжким вроде того, что мучил Злую Берёзу... Не могу лучше сказать» (М. Семёнова, 2014, с. 44).

Нетипичность склада мышления главной героини проявляется в том, что желание встретить Того, кого она всегда ждёт, становится своего рода лейтмотивом её поведения: «Нежата осторожно обнял меня, стиснул мою руку в своей, сердце молодое, знать, разгоралось. Но я вдруг увидела, как Тот, кого я всегда жду, грустно улыбнулся издалека. И Злая Берёза глядела через тын будто с укором... Я вздрогнула, стряхивая дурман» (М. Семёнова, 2014, с. 31); «Я безжалостно выкидывала на пол добро. И наконец вытащила два узорчатых платья. Остального не жалко, но с ними, хоть режь, разлучиться я не могла. Я их шила с мечтой показаться Тому, кого я всегда ждала...» (М. Семёнова, 2014, с. 54); «Помню, я лепетала какие-то слова, благодарила варяга... А саму так и жгло нехорошим стыдом оттого, что не был он Тем, кого я всегда жду» (М. Семёнова, 2014, с. 161); «Должно быть, я слишком долго молчала, и Славомир угадал, что разумного ответа не вынудит. А вынудит, так не какого хотел. Он взглядывал искоса, всё больше мрачней. Вот встречусь я с Тем, кого я всегда жду, и ока-

жется, что я совсем ему не нужна. Как мне Славомир...» (М. Семёнова, 2014, с. 219) и т.д.

В конце романа героиня встречает Того, кого она всегда ждала: «Ночь перед Самхейном повалила Злую Берёзу. Вывернуть её метель не осилила, но ствол пал, оставив необъятный пенёк в аршин высоту. Сойдёт снег, и могучие корни погонят вверх новую жизнь, сперва пенёк зальётся слезами, которых никто не посмеет собрать, а потом к вешнему солнцу рванётся новый побег, буйный, сильный, свободный от всякого колдовства...

Но тогда мне неоткуда было всё это знать. Я шла мимо громадных заснеженных елей и крепко держала древко копья. И думала, как войду сейчас в дом и затеплю очаг для Того, кого я всегда ждала» (М. Семёнова, 2014, с. 370-371).

Как мы уже неоднократно писали, законом бытия ключевого элемента художественного текста является его семантико-стилистическая вариативность.

Этот закон в полной мере проявляется и в романе «Валькирия».

Обратим внимание на вариативность формально-синтаксического характера. Опорное указательное местоимение *Тот* может выступать и в роли подлежащего, и в роли дополнения, и в роли обстоятельства, и даже сказуемого. Приведём соответствующие примеры:

– Подлежащее: ...И раздвинет унизанные росой кусты, выплывет из тумана долгогривый уверенный конь, и выедет на поляну Тот, которого я всегда жду (М. Семёнова, 2014, с. 12); С тех-то пор появился у меня Тот, кого я всегда жду (М. Семёнова, 2014, с. 16); Я вошла во двор, и там, на крылечке нашего дома, прислонясь к двери, сидел Тот, кого я всегда жду (М. Семёнова, 2014, с. 170); А со мною был Тот, кого я всегда жду (М. Семёнова, 2014, с. 171); И если живёт где-нибудь на белом свете Тот, кого я всегда жду... (М. Семёнова, 2014, с. 324) и др.

– Дополнение: Я их шила с мечтой показаться Тому, кого я всегда ждала... (М. Семёнова, 2014, с. 54); А может, коса моя приглянется Тому, кого я всегда жду, он оставит её и будет сам плести-расплетать, пускать пальцы в русую гущину... всё равно её некуда нести срезанную, стянутую у корешка... (М. Семёнова, 2014, с. 135); Вот встречу я с Тем, кого я всегда жду, и окажется, что я совсем ему не нужна. (М. Семёнова, 2014, с. 219); Я оглядывалась на него... снова припоминала свой он и думала о Том, кого я всегда жду. (М. Семёнова, 2014, с. 282); И кто-то другой, безжалостный и беспощадный, вдруг спросил: а ну как я сама однажды поссорюсь с Тем, кого я всегда жду? (М. Семёнова, 2014, с. 243).

– Обстоятельство: Я ли это, мечтавшая лететь над лесами, над жемчужным засыпающим морем – навстречу Тому, кого я всегда жду?.. (М. Семёнова, 2014, с. 123).

– Сказуемое: Не был Нежата Тем, кого я всегда жду (М. Семёнова, 2014, с. 91).

Приведём соответствующую таблицу:

Синтаксические функции в предложении

	Подлежащее		Дополнение		Обстоятельство		Сказуемое		Всего	
	К-во	%%	К-во	%%	К-во	%%	К-во	%%	К-во	%%
Тот , кого я всегда жду	21	47,7	21	47,5	1	4,5	1	2,3	44	100

Чрезвычайно широк круг лексики, обозначающей Того, кого всегда героиня ждала (выделение полужирным шрифтом наше. – *А.П. и Ек.Р.*):

Личное местоимение он (его, ему, о нём, него): Если бы смерть увела меня от Того, кого я всегда жду, моя душа тоже не полетела бы поспешно в ирий, предпочла бы мерзнуть и мокнуть, но не отступилась, век шла бы след в след, советовала, хранила... и плакала от неслышного счастья, если бы **он** раз в году нарочно теплил костёр, обогревал меня, жмущуюся за правым плечом... (М. Семёнова, 2014, с. 132); Мне упорно казалось, **он** был где-то рядом, вот-вот растворит дверь и войдёт... но день шёл за днём, день сменял день... (М. Семёнова, 2014, с. 148); И **он**, мудрый, знал это всегда, а я догадалась только теперь?... (М. Семёнова, 2014, с. 190); И не забочусь я **его** – да кого я боялась! (М. Семёнова, 2014, с. 12); Точно такой, каким я не раз встречала **его** во сне (М. Семёнова, 2014, с. 189); Вернее сказать, не на жизнь дралась одна я, **он** лишь держал оборону, не позволял коснуться себя и не отвечал, уходил от ударов и пятился, пятился в непроглядную снежную темноту, и я наседала что было духу, давясь слезами от ярости и бессилия, от невозможности заставить **его** как следует схватиться со мной и одновременно леденя от ужаса перед темной, в которую сама **его** загоняла... (М. Семёнова, 2014, с. 261); Это снова был Тот, кого я всегда жду, хотя таким я ни разу ещё **его** не видала (М. Семёнова, 2014, с. 262); Вот встречусь я с Тем, кого я всегда жду, и окажется, что я совсем **ему** не нужна. (М. Семёнова, 2014, с. 219); Как стану потом смотреть в глаза **ему** – и вспоминать их враждебными, слепыми и мутными от неприязни ко мне?... (М. Семёнова, 2014, с. 243); Ещё год назад я не ведала **о нём** почти ничего. (М. Семёнова, 2014, с. 148); Последнее время я стала реже думать **о нём**. (М. Семёнова, 2014, с. 245) и т.п.

Возвратное местоимение себя: Вернее сказать, не на жизнь дралась одна я, он лишь держал оборону, не позволял коснуться **себя** и не отвечал, уходил от ударов и пятился, пятился в непроглядную снежную темноту, и я наседала что было духу, давясь слезами от ярости и бессилия, от невозможности заставить его как следует схватиться со мной и одновременно леденя от ужаса перед темной, в которую сама его загоняла... (М. Семёнова, 2014, с. 261); Век не оставляю, не погляжу на другого, только не пройди мимо неузнанным, не покинь, не устыдись **себя** оказать!.. (М. Семёнова, 2014, с. 98).

Указательное местоимение такой-то: Что ж не быть птенчиком у **такого-то** под крылом. (М. Семёнова, 2014, с. 12).

Существительное орёл: А он будет сильный и большой, **орёл** против меня, птенчика желторотого (М. Семёнова, 2014, с. 12).

Словосочетания суровый мой одинец: Но не шёл и не шёл ко мне **суровый мой одинец**, ведать не ведал, что ради него я из дому сбежала, воином стать решила ради него... (М. Семёнова, 2014, 179); *твёрдый камень*: **Твёрдый камень**, тёплый от солнца (М. Семёнова, 2014, с. 243); *мой Бог*: Или это **мой Бог** решил прийти мне на помощь? (М. Семёнова, 2014, с. 261); *один-единственный человек*: Всегда был **один-единственный человек** (М. Семёнова, 2014, с. 366).

В некоторых случаях видоизменяется сам ключевой элемент и приобретает форму (выделения в примерах наши. – *А.П.* и *Ек.Р.*):

Тот, кого я узнаю с первого взгляда: Или, может, глухая тоска брала оттого, что и в этом доме не казался мне **Тот, кого я узнаю с первого взгляда**, Тот, кого я всегда жду? (М. Семёнова, 2014, с. 86);

Тот, кого со мной нет и не будет: Кому себя сохраняла? **Тому, кого со мной нет и будет** ли прежде, чем обрету уже знак бесплодной старухи? (М. Семёнова, 2014, с. 306);

Тот, кто поцеловал меня в неметоне и *Тот, с кем мы в два сердца рвались друг к другу и не могли сойтись*:

Не было никогда красавца Некраса и пепельноволосого Хаука. Я не ведала, кто это такие. Я не слышала колдовских песен свирели, и мне не случалось задуматься, как это люди могли бы называть меня женой Славомира. Всегда был один-единственный человек. Тот, кого я всегда жду. **Тот, кто поцеловал меня в неметоне**, у непогасимого Перунова очага. **Тот, с кем мы в два сердца рвались друг к другу и не могли сойтись**, потому что жили в разных мирах (М. Семёнова, 2014, с. 366).

Ключевой элемент текста не может являться таковым без развития соответствующей темы. Тема узнавания в воеводе Мстивое *Того, кого всегда ждала героиня*, разворачивается постепенно.

Вот её первая мысль о воеводе:

Славомир весело добавил:

– Вот девку вашу, стрелять мастерицу, я сам первый бы взял.

Меня обдало холодом, от неожиданности я чуть не шагнула вперёд, но парни бессовестные – на лодье и на берегу – залились жеребьячьим хохотом, Мстивой глянул на них, как хлестнул, и некая едва показавшаяся мне мысль юркнула обратно в потёмки, не дала себя рассмотреть (М. Семёнова, 2014, с. 31).

Вот её ретроспекция успешного прохождения воинского испытания, когда ей удалось слегка ранить известного своим мастерством воеводу:

– Достала, – сказал вождь удивлённо. Теперь я думаю, что удивился он уж очень старательно. Но тогда мне не показалось. Я поднялась на ломкие ноги, чувствуя немоту и боль во всём теле, и поняла, что вот сейчас разревусь (М. Семёнова, 2014, с. 184).

Я успела заметить: вождь переглянулся со Славомиром и улыбнулся одними глазами. Странно, подумала я. Прежние мои успехи его жестоко печалили.

Девка глупая!.. Мне уж казалось – я сама застигла его у озера на поляне. И сумела достать не случайно и не потому, что он это позволил, но по собственной ловкости и сноровке, в честном единоборстве! И третье-то испытание – в святой храмине за гридницей, где жил Перун и где никто из нас, молодых, ещё не был ни разу, – не испытание вовсе, а так, черёд отвести... Может, тому воевода и улыбался (М. Семёнова, 2014, с. 185)

Вот описание поведения воеводы после ранения главной героини стрелой из лука:

Новгородцы отняли лук у стрелявшего, и высокий воин в кольчуге огрел его по затылку – больше для нас. Кажется, они ждали расправы.

Немалое время вождь смотрел на них и молчал, и скулы у него были белые, и мне впервые казалось, что выдержка могла ему изменить (М. Семёнова, 2014, с. 236-237).

Вот героиня, полагая, что речь идёт о другой девушке (Голубе), оказывается невольной свидетельницей разговора между её наставником Хагеном и вождём-воеводой Мстивоем о ней самой:

Я почувствовала, что покрываюсь испариной.

– Негоже, чтобы такой род прекращался, – сказал мой наставник, и я сразу вспомнила рыбки раскрашенные пузыри на стене, рядом с луком, которого не обхватила бы моя ладонь. Мстящий Воин...

– Если бы ты мог видеть её, отец.

Я не справилась с собой, открыла глаза. Показалось? Или вправду эти слова сказал совсем другой человек, не тот, что стоял на кургане третьего дня, правил тризну по Славомиру?.. Старый Хаген лишь усмехнулся:

– Я знаю её много лучше, чем тебе кажется. Я хотел бы взять на руки вашего сына и убедиться, что у него такой же галатский нос, как у тебя.

Вождь вздохнул:

– Такой второй нет на свете...

Ой, Голуба, застонала я про себя. Ой, Голуба!.. В два раза велико ей было серебряное запястье. Привязывала шнурком, а всё равно потеряет. По Некрасу восплакала!.. И обожгло: неужели для неё пощадил? Он мог это сделать. Он мог. Тихо он вымолвил:

– Моя была бы... в жемчужной кике ходила бы... (М. Семёнова, 2014, с. 309-310)

Вот пришедшее к героине понимание, что вождь любит именно её, а не другую:

Вождь почти висел у меня на плечах, я в потёмках не различала лица, мы шатались, как пьяные, и нависало над нами что-то бесфор-

менное, черней самой черноты, изготовившееся схватить, вырвать из кольца моих рук, навсегда унести обречённую жизнь... не стоять под берёзой, не отказываться от угощения, не пить молока...

– Моя была бы... в жемчужной... кике ходила бы... – предпоследним усилием разомкнул губы варяг. Голуба, вспомнила я. Ой, Голуба!.. Извечным деревом любви была у галатов берёза. Голуба привязывала шнурком серебряное запястье. С Некрасом утешится. Или с другим, кого строгий батюшка наречёт. Где же ей догадаться, как любил её воевода, как себя забывал ради неё. Куда там себя – ужас вымолвить, род, продления не узнавший... Мстивой между тем разлепил чёрные губы для нового стога:

– Кольчугу на белую грудь не вздевала бы...

И замолк, и совсем подломились колени, жизнь гасла в нём, как ни пыталась я её снова возгнеть. Нет, мне не вытащить его из этого леса, я сама уже мало что разумела сквозь непосильную тяжесть, ломавшую мне спину... Я проковыляла ещё полных девять шагов, и тогда только вломилось в сознание, что он говорил не о Голубе. Он говорил обо мне. Я должна была что-то отмолвить, я открыла рот, понятия не имея, что возговорю... ветер хлестнул в лицо снегом, я проглотила его, задохнулась и стала отплёвываться, в глазах плыли круги, я наконец просипела:

– Потерпи... ещё немножечко... (М. Семёнова, 2014, с. 361-362)

Здесь же приводится целая вереница мыслей, складывающихся в одно целое – что вот здесь, на грани жизни и смерти, героиня и встретила *Того, кого она всегда ждала*:

...Как же он не хотел, чтобы я вступала в дружину. С оружием баловалась. Кольчугу на тело белое примеряла... Ой, Злая Берёза, что же ты натворила, Злая Берёза!

...Как он хранил меня в поединке, в день Посвящения, когда летела над нами гремящая Перунова колесница. Как после учил умразуму, чтобы никто не обидел, даже привыкший бить в спину, исподтишка... Грести не давал... Как же он берёт и любил меня, этот воин, без памяти и без меры любил с того самого дня, когда впервые увидел, с того злосчастливого дня, когда нарушенный гейс пометил ему радоваться, посулил недолгую жизнь!.. (М. Семёнова, 2014, с. 361-362)

В результате развития темы – темы узнавания в воеводе Мстивое *Того, кого героиня всегда ждала* – финальное использование ключевого элемента звучит как гимн Чистой Девы, честно и достойно прошедшей долгий и тяжёлый путь испытаний:

Я шла мимо громадных заснеженных елей и крепко держала древко копья. И думала, как войду сейчас в дом и затеплю очаг для Того, кого я всегда ждала (М. Семёнова, 2014, с. 370-371).

Роман «Валькирия» тем и интересен, что это художественный прозаический текст, основанный на использовании ключевого элемента. У тех, кому не близки переживания героини, её стремление сделать безупречный выбор, использование данного ключевого элемента вызывает раздражение. В своей статье Е.Клещенко цитирует или моделирует многие высказывания такого характера:

«И сюжет-то какой пошлый! Любила незнамо кого, знакомых мужиков – не любила (сразу видно, что баба писала!), все хотела чего-то, а кого - опять же не знала, завела себе меч и стала им всех крошить, да будто мало еще пошлостей, вместо того чтобы, как подобает истеричной девственнице, закончить свой жизненный путь бесславной смертью в преклонном возрасте – нашла-таки свою истинную любовь! Да меня при десятом упоминании Того, кого она всегда ждет, едва не вырвало! "Азбука" рехнулась, что приняли эту рукопись. Дамские сантименты. На свалку» (Е.Клещенко, 1997).

На самом деле, Зима Желановна представляет собой иллюстрацию архетипического образа Чистой Девы – с её ярко выраженным мифологическим мышлением. Но художественную разработку, пробуждение мифологического, архетипического мышления Мария Семёнова и обозначает как один из императивов своего творчества:

Просто мне всегда казалось более интересным писать не о великих исторических событиях, а о том, почему люди того времени действовали так, а не иначе, как они на жизнь смотрели, как они мир себе представляли. И чем больше я углублялась в тогдашнее мифологическое мышление, тем больше понимала, что писать исторический роман, исходя только из политико-экономических соображений, как нас в школе учили, невозможно. Потому что мифологическое мышление настолько мощно влияло на человека, настолько оно определяло его поступки, которые современная логика объяснить совершенно не в состоянии, что там реально проявлялось влияние богов, мистических сил и так далее, потому что когда человек во что-то верит, как в каменную гору, то это что-то становится объективной реальностью, данной ему в ощущениях. На эту тему я могу говорить долго и приводить примеры... (С.Бережной 1997).

По поводу романа «Валькирия» Е.Клещенко справедливо пишет: «Итак, в романе "Валькирия" существует второй план, некий глубинный слой, которого не замечают, или не хотят замечать, ненавистники "розовых соплей". Мир магических связей между явлениями. Мир, в котором властвует воля богов и тот самый рок, над которым даже боги не властны.

Внимательный читатель заметит, что никакого фанатизма в стремлении к Великой Любви у Зимушки нет. Она рада бы избавиться от этого, стать как все. Напомним, что "быть не как все", быть изгоем – в те времена нисколько не увлекательно и не лестно, а страшно и стыдно. Как сейчас остаться без квартиры или подцепить нехорошую болезнь. Хуже, – ибо сейчас даже в таких ситуа-

циях отыскивается трагическое величие. А тогда... Кто не замужем – перестарок. Кто вне рода – ублюдок (технический термин, плавно переходящий в бранное слово). Никакого морального удовлетворения от одиночества – до эпохи романтизма еще десять веков, и одиночка всегда хуже многих, никогда – не лучше.

Так почему ей не удастся правильная жизнь? За что так, в самом деле, бедную девушку? Почему, как только она встречает приличного человека, сразу происходит какая-нибудь пакость? Прямо рок какой-то...

Именно рок. В мире, где богини ткут нити человеческих судеб, – знамениям, явленным во сне, верят и князья, и простые смертные. Только дураки и безумцы пренебрегают этими вестями. Если ты отказываешь достойным женихам оттого, что видишь во сне кого-то, наяву никогда не виденного, – так вершится предначертанное, так суждено, так нужно, хотя ничего веселого в этом нет. Зима все время помнит, в чем ее долг и что для нее – предательство. Не девичьи бредни и не печальный благоразумный отказ от них – долг и предательство. Именно эти слова, именно так мыслится и чувствуется. Зима ждет не "суженого" из чувствительной песенки, а сужденного. Веленного богами. Точнее, той единственной богиней, чьи наставления людям нельзя узнать из прародительских заветов, а можно лишь угадать.

Норны сильнее других богов, даже тех, которые подарили мужам мечи, а женам прялки. На человека, исправляющего порченную Долю, светлые боги смотрят снисходительно. Чтобы спасти свой род и вождя, Зима должна была сменять девичий убор на кольчугу кметя. Не более и не менее. Именно такова была "воля судеб" – и откажись она, прояви благоразумие, все кончилось бы плохо, мир стал бы немного хуже, чем ему полагается.

Будь в IX веке на берегах Нево побольше грамотных людей, запись о тех событиях могла бы быть, например, такой: "Над родом, к которому принадлежал злосчастный, срубивший дерево, с тех пор тяготело проклятие: никто из них не смел ходить в лес. И была в том роду девушка, которую иные называли бы одержимой. Выйдя из детских лет, преисполнилась она безумной уверенности, что судьба ее непохожа на другие судьбы и что мужем ей станет герой. Немного ей было радости от того, ибо всякий раз, как добрый человек был готов назвать ее своей женой, она говорила "нет", думая сказать "да". А было так, что подошел к ее селению славный вождь, и зане проклятие было сильно, оказался нарушенным запрет, данный ему. Гибель его стала бы великой скорбью для окрестных земель, ибо лишились бы они защиты. Но предначертано было, чтобы дева, умершая и родившаяся вновь, ратный труд на себя принявшая, взяла на себя проклятие рода и проклятие вождя, когда сошлись они воедино, – и так все они были избавлены от гибели, и свершилась ее судьба". <...>

Лично мне не внушает сомнения жанровая принадлежность "Валькирии": сражение человека и рока, долгожданный и невозможный счастливый конец...» (Е.Клещенко 1997).

Фактически Е.Клещенко указывает на состоявшееся приращение нового художественного смысла в романе, на то, что первое и последнее употребления ключевого элемента семантически не равны друг другу – а это свидетельствует

именно о ключевом характере сочетания слов *Тот, которого я всегда ждала*. Напомним, что именно это сочетание слов образует подзаголовок романа: *Тот, которого я всегда жду*.

Огромное значение романа «Валькирия» заключается в том, что в нём дан, с нашей точки зрения, убедительный женский образ – образ женщины, *умершей и родившейся вновь для Того, которого она всегда ждала*.

Существуют ли такие женщины в реальности? – Нам думается, да. Конечно, их не может быть много по определению. Именно к таким, например, относится Тамара Сычёва, см. её книгу «По зову сердца» (Т.Сычёва 1952). Но это уже другой вопрос, другая тема, может быть, другого исследования.

Цитируемая литература:

Бережной С. Фэнтези и историческая проза [Электронный ресурс] : беседа с Еленой Хаецкой и Марией Семеновой // Белый тезис. 1997. Октябрь. URL: www.barros.rusf.ru/article110 (дата обращения: 18.04.2015).

Клещенко Е. Легенды вырастают из травы. Заметки о прозе Марии Семенович [Электронный ресурс] : // Белый тезис. 1997. Сентябрь. URL: <http://semenova.olmer.ru/stat/stat2.shtml> (дата обращения: 18.04.2015).

Пузырёв А.В. Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления. – М.; Пенза: Ин-т языкознания РАН, ПГПУ им. В.Г.Белинского, 1995. 378 с.

Пузырёв А.В. О системном подходе в лингвистике : учебное пособие для студентов филологических специальностей. – М. : ВНИИГеосистем, 2014. 520 с. (серия «Библиотека духовной культуры», вып. 47).

Семёнова М. Валькирия. Тот, которого я всегда жду. – СПб: Азбука, 2014. 372 с.

Сычёва Т. По зову сердца. Записки артиллериста. – М.: Мол. гвардия, 1952. 232 с.

Докт. филол. наук А.В.Пузырёв (Орехово-Зуево) ПЕСНЯ И ЗАКОН РАВНОВЕСИЯ

Предметом настоящей статьи является взаимосвязь характера исполняемых песен и жизненного пути исполнителя. Основная цель – показать, что существует определённый закон равновесия: *во что смотришься, в то и обращаешься; то, что внутри, то и снаружи; то, что вверху, то и внизу*. Сам этот закон сформулирован в далёкой древности великими философами. Его знали и наши предки: *Что посеешь, то и пожнёшь; Как аукнется, так и откликнется* и др. Новизна постановки вопроса может быть усмотрена только в том, что он рассматривается на материале песни Мурата Насырова «Я тебя люблю».

Приведём текст этой песни (см.: <http://masteroff.org/42307.html>. – А.П.). На первый взгляд и на слух она воспринимается как гармоничная и прекрасная:

*Обогрей меня своим теплом
И не надо думать о плохом...
Я и ты как берег и волна,
Подари мгновение из сна...*

*Ты же знаешь, как я тебя люблю,
Ты же слышишь, я тебе пою!
Подойди ко мне –
Не смотри на поздний час ночной,
Будь со мной.*

*Я хотел бы стать твоим дождём,
Слёзы проливая за твоим окном,
И гореть огнём твоей свечи.
Говори со мною не молчи!..*

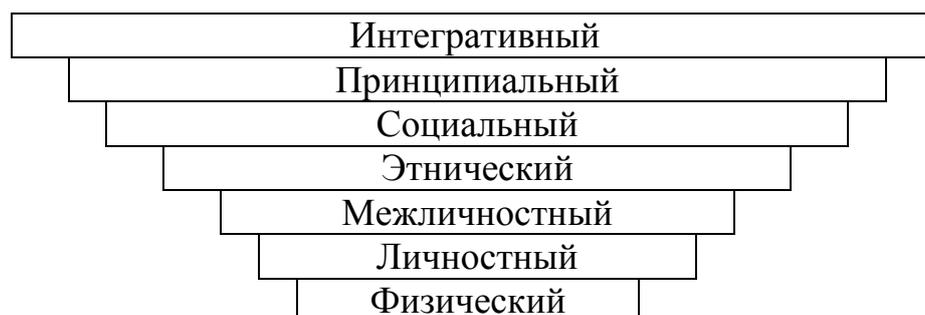
*Ты же знаешь, как я тебя люблю,
Ты же слышишь, я тебе пою!
Подойди ко мне –
Не смотри на поздний час ночной,
Будь со мной.*

*Пролетают годы над землёй,
Оставляя беды за моей спиной.
Я прижму тебя к своей груди,
Я прошу тебя – не уходи!..*

*Ты же знаешь, как я тебя люблю,
Ты же слышишь, я тебе пою!
Подойди ко мне –
Не смотри на поздний час ночной,
Будь со мной.*

В качестве инструмента анализа нами используется семиуровневая пирамида установок (более подробно см. [А.В.Пузырёв 2009; 2009а; 2009б; 2009б; 2011; 2014 и др.]):

Уровни потребностей и установок:

На каждом из указанных уровней могут наблюдаться не только конструктивные, но также и дефектные, деструктивные социально-психологические установки, характеризующие соответственно «зрелых» и «незрелых» личностей. Обзор различных исследований «зрелых» и «незрелых» личностей приводится в работе Г. Олпорта [Г. Олпорт 2002: 330-353].

Общая логика наших рассуждений такова: если в тесте доминируют установки нижних уровней (и прежде всего – физический, связанный с получением удовольствий), то перед нами текст деструктивный, разрушительный (разрушающей направленности); если же в тексте доминируют установки высших уровней – то мы имеем текст созидательного, конструктивного характера.

Обратимся к разбору текста.

*Обогрей меня своим теплом
И не надо думать о плохом...
Я и ты как берег и волна,
Подари мгновение из сна...*

Первая строчка: *Обогрей меня своим теплом* – амбивалентна. Она может восприниматься как относящаяся либо к физическому, либо к межличностному уровням установок. *Обогрей своим теплом* может означать *обогрей своим телом* – и тогда перед нами физический план отношений, но точно так же *обогрей своим теплом* может означать и *обогрей теплом своей души*. Во втором случае перед нами духовный уровень общения, при котором партнёр воспринимается как носитель высшего духовного начала (о семи уровнях общения см. [А.Б.Добрович 1987: 89-113]).

Вторая строчка в значительной степени снижает амбивалентность первой строки: *И не надо думать о плохом...* Если говорится: *не надо думать о плохом...* – это означает, что о плохом думать можно (для многих специалистов утверждение, что подсознание частицы *не* не слышит, является своего рода топиком, общим местом). Но если *о плохом* думать можно, то, очевидно, автор имеет в виду именно физические отношения.

Третья строчка снижает амбивалентность первой строки в ещё большей степени: *Я и ты как берег и волна*. Обратим внимание на грамматические значения: *берег* – существительное мужского рода, *волна* – существительное женского рода. Очевидно, под *берегом* автор имеет в виду себя, мужчину, а под *волной* – собеседницу. Но в паре *берег и волна* одно из существительных означает нечто постоянное (*берег*), тогда как другое из них – нечто временное, появляющееся и исчезающее (*волна*). Ср. у Пушкина:

*И послушалась волна:
Тут же на берег она
Бочку вынесла легонько
И отхлынула тихонько.*

Говоря: *Я и ты как берег и волна* – автор тем самым лексическими и грамматическими значениями существительных невольно утверждает, что предполагаемые и предлагаемые им отношения носят сугубо временный характер.

Четвёртая строка всё обозначает предельно конкретно:

Подари мгновение из сна...

В предполагаемых автором отношениях его интересует некое *мгновение из сна*. Длительность отношений автором не предполагается. Предполагается лишь переживание некоего удовольствия, которое формулируется как *мгновение из сна*. Очевидно, что временный характер отношений, предполагающий получение мгновенного удовольствия (переживание *мгновения из сна*), свидетельствует о физическом характере этих отношений.

Сразу же оговоримся. Мы вовсе не считаем сам по себе физический уровень отношений чем-то предосудительным. Так считать означало бы обыкновенное ханжество. Но поэтизация временных отношений физического характера для нас – это следование принципу удовольствия без учёта принципа реальности, т.е. по позднему Фрейду – подчинение силе Танатоса, неосознаваемому стремлению к смерти [З.Фрейд 1989]. Ускорение смерти, однако, живым человеком не может оцениваться положительно, ср. знаменитое рассуждение В.Я.Проппа: «...запах мёртвых страшен и противен живым» [В.Я.Пропп 2000: 48].

Далее следует припев:

*Ты же знаешь, как я тебя люблю,
Ты же слышишь, я тебе пою!
Подойди ко мне –
Не смотри на поздний час ночной,
Будь со мной.*

Если помнить, что лирика связана «исключительно с внутренней жизнью» лирического героя (Г.Гегель 1958: 177), которому нет необходимости называть участников сюжета по имени, то становится понятной роль местоимений в данном припеве. Благодаря им лирический герой приобретает безымянный и обобщённый характер (об особой роли местоимений в лирике см.: Т.И.Сильман 1970: 83-84; 1977: 37-38).

Описанная в припеве ситуация носит принципиально безымянный и обобщённый характер: в одном городе автор-исполнитель под местоимением *ты* будет иметь в виду одну девушку, в другом городе – другую, в третьем городе – третью и т.д. Именно поэтому слова: *Ты же слышишь, я о тебе пою!* – в каждом новом городе имеют своим объектом разных лиц женского пола. Но о взаимодействии душ, о душевном контакте в таком случае говорить не приходится, речь идёт о желании испытать с новой девушкой новые плотские утехы. Речь в припеве, таким образом, идёт об установках исключительно физического уровня.

Справедливость нашего вывода подтверждается и второй частью припева:

*Подойди ко мне –
Не смотри на поздний час ночной,
Будь со мной.*

Если помнить, что подсознание не слышит частицу *не*, то слова *Не смотри на поздний час ночной* содержат предупреждение: *Посмотри на поздний час ночной*. В этом контексте – контексте *позднего ночного часа* – последующие слова: *Будь со мной* – означают только одно. Они означают приглашение к отношениям физического плана.

Более чем красноречивыми оказываются строки второго куплета:

*Я хотел бы стать твоим дождём,
Слёзы проливая за твоим окном,
И гореть огнём твоей свечи.
Говори со мною не молчи!..*

Образ, скрывающийся за словами первой строки: *Я хотел бы стать твоим дождём*, – это образ проливающегося дождя. Дождь, как известно, чаще всего падает, идёт сверху вниз. Этим образом обозначается положение мужчины, лирического героя, сверху, а объекта обращения – снизу. Надо ли объяснять, что это положения, относящиеся к физическому плану отношений? Вторая строка: *Слёзы проливая за твоим окном* – в какой-то степени ретуширует смысл первой, поскольку предполагает нахождение мужчины не сверху, а сбоку.

Зато третья строка компенсирует размытость второй и ставит всё на свои места: *И гореть огнём твоей свечи...* Контуры какого именно женского органа повторяют контуры свечи? Взрослому человеку понятно без объяснений. Мужской орган (горящий фитилёк) входит и «горит огнём свечи»:

Очевидно, и в данном случае говорится об отношениях сугубо физического плана.

Большой интерес – в плане теории коммуникации – представляет собой четвёртая строка: *Говори со мною не молчи!..* Эта строка интересна в плане разграничения сильного и слабого участников общения. Как известно, слабый партнёр многословен, тогда как скупость на слова является в общении демонстрацией превосходства. Призыв поэтому: *Говори со мною не молчи!..* – является призывом к девушке стать слабым, безопасным партнёром для общения.

Но если девушка согласна вступить в безопасные для лирического героя отношения, при этом не предполагающие никакой ответственности с его стороны, тогда становится понятен смысл последнего куплета:

*Пролетают годы над землёй,
Оставляя беды за моей спиной.
Я прижму тебя к своей груди,
Я прошу тебя – не уходи!..*

Действительно, если девушка готова подарить лирическому герою *мгновение из сна*, при этом столь же готова не требовать от него какой-либо ответственности за отношения физического характера, то тогда, несомненно, осуществится мечта лирического героя:

*Пролетают годы над землёй,
Оставляя беды за моей спиной.*

Завершающие строки лишь подтверждают сказанное и сами по себе интереса не представляют:

*Я прижму тебя к своей груди,
Я прошу тебя – не уходи!..*

Дело только в том, что если перевести стержневой смысл песни на язык позднего Фрейда, то этот смысл сводится к стремлению получить удовольствие при игнорировании принципа реальности: «Пусть нам будет можно делать всё, и за это нам ничего не будет». Но как тот же поздний З.Фрейд формулирует, принцип удовольствия находится на службе у «стремления сделать психический аппарат вообще лишённым возбуждений» [З.Фрейд 1989: 423], т.е. фактически на службе у Танатоса, принципа смерти.

Если говорить совсем конкретно, то лирический герой уподобляется подопытной крысе из известного эксперимента. Когда ей ввели электроды в зону удовольствия, а эта зона стимулировалась в клетке при нажатии определённой клавиши, эта крыса отказалась от еды, питья, сопокуплений, а только нажимала и нажимала эту клавишу. В конце концов она умерла от истощения. Желание только нажимать и нажимать эту клавишу (получать только удовольствие и при этом игнорировать реальность) – прямой путь к смерти. Точно так же воспевать удовольствие и игнорировать реальность – всё равно что ускорять путь к смерти. Как пишет Фрейд, «принцип удовольствия находится в подчинении у влечения к смерти», «влечения же к смерти, как кажется, непрерывно производят свою работу» [З.Фрейд 1989: 424]. Проповедуя стремление к удовольствию без всяких ограничений, человек приближает свою смерть.

Об ускорении пути к смерти в данной статье говорится не случайно. Дело в том, что автор текста, музыки и исполнитель этой песни умер молодым, всего

в 37 лет (родился 13 декабря 1969 года в Алма-Ате, умер 19 января 2007 года, Москва).

Как указывается в Википедии, в ночь с 19 на 20 января 2007 года Насыров упал с балкона своей московской квартиры на улице Вучетича, находящейся на 5 этаже. Причины происшествия остались неизвестны. Вскрытие тела покойного, сделанное в Боткинской больнице, не выявило следов наркотиков и алкоголя. По официальной версии, это было самоубийство в состоянии депрессии, эту версию подтвердила дочь Мурата, которая была свидетелем произошедшего. В газетных статьях рассматривалась версия о падении вследствие неосторожного выбора ракурса для фотографирования (при падении Насыров был с фотоаппаратом). Один из любопытных нюансов заключается в том, что гражданская жена М.Насырова, с которой он прожил 15 лет, после его смерти не получила ничего (это своего рода иллюстрация, чем пропагандируемый сегодня гражданский брак отличается от официального).

Общая логика наших рассуждений следующая. Каждый человек выбирает свой путь. Путь, в свою очередь, выбирает человека. Реально воспевая путь к смерти (пусть даже не осознавая свои установки), человек тем самым призывает её. И тогда уже смерть выбирает этого человека. Это произошло и в случае с Муратом Насыровым. Можно спорить, по какой причине он умер. То ли от давней привычки к наркотикам. То ли от неосторожной попытки отремонтировать антенну. То ли от призыва умершего друга – Баги. Думается, здесь сработал закон более общего порядка. Когда человек выбирает путь к смерти, то смерть ускоряет его путь. Во что смотришься, в то и обращаешься...

Это и произошло с Муратом Насыровым – замечательным поэтом, певцом, композитором.

Как показывают наши со студентами исследования, сейчас на российской эстраде абсолютно господствуют песни деструктивного, некрофильского содержания, песни, призывающие к безудержным удовольствиям [А.В.Пузырёв 2012; 2013]. Но пропагандируя удовольствия физического уровня, авторы и исполнители этих песен ускоряют смерть и свою, и тех, кто их слушает. Во что смотришься, в то и обращаешься...

Мы понимаем, что наш общий вывод кому-то не понравится и покажется оскорбительным. Уместной здесь представляется отсылка на В.Я.Проппа на исследование Фрэзера (1933): «живые оскорбляют мёртвых тем, что они живые» [В.Я.Пропп 2000: 48].

Цитируемая литература

Гегель Ф. Лекции по эстетике. 3 кн. – Сочинения, т. 14. М.: Соцэкгиз, 1958. 440 с.

Добрович А.Б. Воспитателю о психологии и психогигиене общения. – М.: Просвещение, 1987. 207 с.

Олпорт Г. Становление личности : избранные труды [Текст] / Г. У. Олпорт. – М. : Смысл, 2002. 462 с.

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Научная редакция, текстологический комментарий И. В. Пешкова. – М.: Лабиринт, 2000. 336 с.

Пузырёв А.В. Социально-психологические установки текстов массовой песни и экология русского языкового сознания // Экология русского языка: Материалы 2-й Всероссийской научной конференции (Пенза, 24 апреля 2009 года). Пенза: Изд-во ПГПУ им. В.Г.Белинского, 2009. С. 26-30.

Пузырёв А.В. О способе определения социально-психологических установок массовых песен // Психология компетентности личности: исследования, практика, образование. Материалы 1 Международной научно-практической конференции (Ульяновск, 1 – 3 октября 2009 г.). Ульяновск: УлГУ, 2009а. С. 74-80.

Пузырёв А.В. Пирамида установок и способ определения созидательного или разрушительного характера текста массовой песни // Психология XXI столетия: Теория. Эксперимент. Социальная практика. Материалы Международного конгресса (Кострома, 10-13 сентября 2009 года). Т. II. М.; Кострома: КГУ им. Н.А.Некрасова, 2009б. С. 346-352.

Пузырёв А.В. Пирамида установок и экспертная оценка художественного текста // Седьмая волна психологии. Вып. 8 : Сборник по материалам 10 международной научно-практической конференции «Интегративная психология: теория и метод» / Ред. Козлов В.В. Ярославль : ЯрГУ, 2011. С. 278-284.

Пузырёв А.В. Направленность хитовых песен радиостанций Европа+, Русское радио и Love Radio в 2009-2011 гг. // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты. Материалы XII-й Международной научной конференции (Ульяновск, 15-19 мая 2012 г.) / Отв. ред. проф. А.В.Пузырёв. – М.; Ульяновск: Институт языкознания РАН; Ульяновский государственный университет, 2012. С. 168-176 (совм. со студ. В.В.Сафроновой, С.А.Маркиным, И.С.Гуренко).

Пузырёв А.В. Направленность хитовых песен радиостанций Европа+, Русское радио, Радио DFM и Love Radio в 2012 г. // Язык и мышление поэта и писателя: Психологические и лингвистические аспекты: Материалы XIII-й Международной научной конференции (Ульяновск, 15-18 мая 2013 г.) / Отв. ред. проф. А.В. Пузырёв. М.: Ин-т языкознания РАН, Институт русского языка РАН; Ульяновск: Ульяновский гос. ун-т, 2013. С. 54-62 (совм. со студ.: Борисова Е.П., Морозова А.Г.).

Пузырёв А.В. Законы судьбы в аспекте пирамиды установок (на материале сериала «Игра престолов») // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: Материалы XIV-й Международной научной конференции (Ульяновск, 13-16 мая 2014 г.) / Отв. ред. проф. А.В. Пузырёв. М.: Ин-т психологии РАН, Ин-т языкознания РАН, Институт русского языка РАН; Ульяновск: Ульяновский гос. ун-т, 2014. С. 101-113. (В соавторстве: И.С.Гуренко, Е.В.Чанаева).

Сильман Т.И. Синтактико-стилистические особенности местоимений: На материале немецкого языка. – Вопросы языкознания. – 1970. – №4. – С. 81-91.

Сильман Т.И. Заметки о лирике. – Л.: Сов. писатель, 1977. 223 с.

Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия // З. Фрейд. Психология бессознательного : сб. произведений / Сост., науч. ред., авт. вступ. ст. М.Г.Ярошевский. М. : Просвещение, 1989. С. 382-424.

*Канд. филол. наук С.Л.Фесенко (Москва, Россия)
stellafes16@yandex.ru*

ЭСТЕТИКО-ВЕРБАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА В ПРОИЗВЕДЕНИИ А. АЗОЛЬСКОГО «ДИВЕРСАНТ» КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ

Вопрос о картине мира являлся предметом изучения многочисленных штудий в рамках самых различных научных парадигм.

Нашей задачей является не повторение или систематизация существующих многочисленных дефиниций данного феномена, но изучение специфики эстетико-вербальной картины мира выше указанного произведения А. Азольского в контексте национальной культурной памяти.

Категория «эстетическое» обозначает специфическую сферу явлений общественной и культурной жизни, форму их выражения и оценки.

Основой эстетического восприятия выступает эстетическая культура личности, включающая в себя следующие концептуальные составляющие:

а) эстетические чувства и эмоции, служащие исходным компонентом и основой эстетического сознания и всей эстетической культуры человека;

б) знания, являющиеся фундаментом эстетических взглядов и убеждений человека;

в) умения, развитые способности и творческие навыки, которые необходимы для «развертывания» эстетических моментов во всех видах и формах человеческой деятельности.

Таким образом, эстетическая культура личности представляет собой взаимосвязанное и взаимообусловленное единство мышления, эстетических чувств, знаний, убеждений, а также норм деятельности и поведения. Все компоненты эстетической культуры функционально определяют друг друга: знания определяют кругозор личности, убеждения – направленность эстетических оценок, взглядов и вкусов, а эстетические чувства – эмоциональную наполненность деятельности индивида.

В эстетической картине мира репрезентируется эстетическая культура личности, выражаемая в том числе вербальными средствами.

Особенности эстетико-вербальной картины мира изучаются нами на примере произведения А. Азольского «Диверсант», написанного им в 2002 году.

В докладе рассматривается система эстетических представлений о таких важных понятиях, как война, родина, смерть, вера и др., раскрываемых с помощью различных вербально-культурных констант, выделяемых нами в качестве «смысло-несущих» узлов эстетико-вербальной картины мира. Данные вербально-культурные константы – в зависимости от ментально-культурной окраски своих структурных компонентов – составляют, на наш взгляд, «смысловой и

эмоциональный орнамент» лингво-эстетического полотна данного произведения.

Бесспорная актуальность нашего исследования заключается в том, что эстетико-вербальная картина мира в произведении А.Азольского «Диверсант» рассматривается сквозь призму национальной культурной памяти.

Докт. филол. наук Г.Г. Хисамова (Уфа)
galiya.khisamova@yandex.ru

МЕДИТАТИВНЫЕ ВОПРОСЫ В ПОЭЗИИ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

Вопросительные предложения характеризуются высокой частотностью употребления в поэзии. Будучи своеобразными единицами поэтического синтаксиса, они обладают большими выразительными возможностями. Преобладают вопросы, форма которых используется для создания определенного поэтического образа. Такого типа вопросы получили название медитативных по типу контекста, в котором они функционируют. Рассмотрим особенности функционирования медитативных вопросов в поэзии М.Ю. Лермонтова.

Медитативные вопросы выступают в качестве особой формы размышления лирического героя (meditation – лат. размышление, раздумье). Существует особый жанр медитативной лирики, в который указаный тип вопросов наиболее частотен. В отличие от собственно вопросов ответ на них не дается, а в отличие от риторических и не выражается структурой предложения. Он как бы подразумевается в подтексте фразы:

*Зачем я не птица, не ворон степной,
Пролетевший сейчас надо мной?
Зачем не могу в небесах парить
И одну лишь свободу любить? («Желание»)*

В то же время медитативные вопросы – это своеобразный мелодический прием поэтического изложения. У М.Лермонтова имеется стихотворение, состоящее из одного четверостишия:

*Кто видел Кремль в час утра золотой,
Когда лежит над городом туман,
Когда меж храмов с гордой простотой,
Как царь, белеет башня-великан?*

Стихотворение, представляющее собой период, намеренно облекается по этому в форму вопроса с целью придания мелодичности лирическому повествованию. В стихе наблюдается совпадение интонационно-ритмического и синтаксического членения. В данном случае медитативный вопрос – важнейший приём мелодизации, который усиливается анафорой, находящейся во второй и третьей стихотворных строках.

Медитативные вопросы, являясь способом выражения внутренней речи, позволяют поэту раскрыть внутренний мир лирического героя. Вопрос внутренней речи, будучи вопросом размышления, ставится, но остается без ответа.

*Там за твердыней старую
На сумрачной горе
Под свежеею чинарою
Лежу я на ковре,
Лежу один и думаю:
Ужели не во сне свиданье в ночь угрюмую
Назначила ты мне?
И в этот час таинственный,
Но сладкий для любви
Тебя, мой друг единственный,
Зовут мечты мои («Свидание»).*

Таким образом, медитативные вопросы отражают раздумья поэта, его сомнения, чувства. И то же время они используются для более полного раскрытия художественного образа, для введения тончайших оттенков поэтического смысла в ход лирического повествования.

ИДИОСТИЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ ПОЭТА И ПИСАТЕЛЯ

Канд. филол. наук А.В. Блохин (Орехово-Зуево)

avb6767@mail.ru

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИДИОСТИЛЯ

Л.Н.ТОЛСТОГО (На материале романа «Воскресение»)

Творчество великого писателя – это бесценный источник не только для литературоведения, истории литературы, языкознания, но и для психолингвистики, поскольку в идиостиле незаурядного автора отражаются прежде всего индивидуальные черты личности и психолого-социальные особенности пишущего. Ярким примером такого сочетания таланта мастера слова и проявления психологических свойств и качеств личности является творчество Л.Н. Толстого, а именно его последнее крупное произведение – роман «Воскресение». В этом произведении отразились все индивидуальные черты Л.Н. Толстого как художника, мыслителя и как сложившейся психологической личности, выразившей свое мироощущение и миропонимание не только в сложных художественных образах, но и в языке создаваемых творений. Попытаемся выделить самые типичные психолингвистические особенности идиостиля писателя, представленного в знаменитом романе.

Довольно часто автор употребляет указательное местоимение «этот», которым подчеркивается близость повествователя к избранной тематике, своим героям, обстановке, в которой происходит действие, лишней раз акцентируется стремление выделить и показать главное среди значительного количества окружающих деталей. Автор словно хочет не упустить самое главное, обратить внимание читателя именно на *это*, а не что-то иное, отсюда такое изобилие и частотность употребления указательного местоимения.

Смежным с употреблением указательного местоимения «этот» является частотный лексический повтор, встречающийся не только в авторской речи, но и в диалогах и внутренней монологической речи героев.

Лексический повтор служит средством выделения главных, опорных моментов изложения или является средством связи мыслей и суждений и служит для поддержания диалогического единства.

Весьма часто Л.Н. Толстой употребляет сочинительные противительные союзы «а», «же», подчеркивающие противопоставление, и союз «но», употребляющийся для сопоставительных отношений. Внутренние авторские противоречия находят свое выражение не только на уровне членов и частей сложного предложения: союз «но» нередко соединяет целые предложения, начиная своеобразное авторское оппозиционное мнение или замечание по поводу вышесказанного.

Развитие противопоставления находит выражение в антитезе, которая медленно, подспудно развивается на страницах романа, чтобы показать духовно-нравственное преобразование главных героев.

Антитеза иногда у Л.Н. Толстого переплетается с анафорой и синтаксическим параллелизмом и еще больше высвечивает в текстовом выражении количественное преобладание одних признаков по сравнению с другими.

Особенно индивидуален Л.Н. Толстой в синтаксической организации речи. Здесь прежде всего выделяются различные сложные предложения, преимущественно сложноподчиненные с развитым соподчинением и последовательным подчинением. Но после череды сложных и осложненных конструкций вдруг неожиданно возникает простое неосложненное предложение.

Показывая типизацию на примере отдельных образов романа, Л.Н. Толстой прибегает и к периоду, чтобы в одном синтаксическом построении выразить цикличность, повторяемость описываемых явлений, событий, судеб.

Излюбленным синтаксическим приемом у Л.Н. Толстого становится употребление однородных членов, особенно определений и сказуемых, создающих яркую динамичность и красочную живость повествования. Обособленные уточняющие члены предложения, главным образом обстоятельства и определения, заставляют читателя сконцентрироваться на мельчайших, значимых для авторского замысла, деталях и подробностях.

Иногда создается впечатление, что художественное творчество Л.Н. Толстого строится именно на атрибутах, с их помощью автор передает всю палитру различных восприятий. При однородных членах употребляются обобщающие слова – такие конструкции создают и величественную значительность, и структурное разнообразие.

Из морфологических особенностей стиля Л.Н. Толстого следует выделить, например, частое, по сравнению с другими авторами, употребление субстантивов. Использование одних производных обусловлено тематически, другие представляют собой индивидуально-авторские, профессионально-жаргонные и контекстуальные образования.

Таким образом, сложность мышления автора проявляется в специфической синтаксической организации речи, в намеренном частотном употреблении указательных местоимений и лексических повторов для подчеркивания важных мыслей и деталей, в обобщении происходящих жизненных событий в виде периодических построений и анафор, а противоречивость собственных суждений, наблюдений и выводов передается с помощью антитез и противительных союзов. Однородные члены предложений и обобщающие слова при них, а также многочисленные эпитеты-атрибуты отражают стремление автора описать происходящие события, предметы и образы максимально полно, ёмко и подробно, что свидетельствует об объективной реалистичности и панорамности творческого метода Л.Н. Толстого.

*Д. филос. н. А.А. Гагаев (Рузаевка), д. пед. н. П.А.Гагаев (Пенза),
О.В.Бочкарёва (Рузаевка)
gagaev2012@mail.ru*

О ЗАИМСТВОВАНИИ Н.В.ГОГОЛЕМ СЕМАНТИКИ Г.С.СКОВОРОДЫ
(210 лет со дня смерти великого русского и украинского писателя)

*«Где ты, о человек, человек? Яви мне вид твой и
услышан сотвори мне голос твой... на горнем месте,
насладимся, новые люди, новым вином и почием»
[Сковорода 1973: т. 2, 50].*

*«... узнав Сына, узнаешь и Отца Его... Дерзай! Не
бойся... Или не веришь? Если так, тогда бойся...
Нет надежды... Скажи с Павлом: «Знаю человека...
Нашел я человека» [Сковорода 1973: т. 1, 152].*

1. Идеи о влиянии Г.С.Сковороды на Н.В.Гоголя были высказаны Д.Чижевским и М.Вайскопфом, творчество этих писателей сопоставлял и В.Ф.Эрн. Сходство пургаментарных образов Г.С.Сковороды и Н.В.Гоголя обосновано Е.Е.Завьяловой, обозначил эту тайну Ю. Я. Барабаш [Барабаш 1994].

Н.В. Гоголь имел земляком на Полтавщине Г.С. Сковороду, который умер за 15 лет до его рождения (22 ноября (3 декабря) 1722 г. – 29 октября (9 ноября) 1794). Списки работ Г.С.Сковороды ходили по Полтавщине в конце XVIII-XIX вв. В 30-е годы XIX века в изданиях Петербурга прошел ряд статей о Г.С.Сковороде. В 1837 г. печатается «Дружеский разговор о душевном мире» Г.С.Сковороды (М., 1837). «Душевный мир» Г.С. Сковороды и есть «душевный город «Н.В. Гоголя в «Развязке «Ревизора» [Сковорода 1973: т. 1, 313]. Отец Н.В.Гоголя выписывал в Васильевку Харьковский «Украинский вестник» и в нем была публикация о Г.С.Сковороде. В.Капнист – сосед и приятель Гоголей-Яновских – дружил с В.С.Томарой, у которого домашним учителем был Г.С.Сковорода и которого он уважал. Песни Г.С. Сковороды повсеместно исполнялись на Полтавщине странствующими кобзарями, а Н.В.Гоголь увлекался фольклором и песнями и писал в этой области. Н.В. Гоголь использует псевдоним Пасичник Рудый Панько. Г.С. Сковорода любил жить на пасеке. Он умер на пасеке 29 октября (9 ноября) 1794 г. Герой Т. Г. Шевченко Никифор Сокира имеет пасеку. Слово Рудый имеет смысл цвета рыжего, светло-рыжего, красного, кроваво-красного и смысл чистоты в красном и в Христе. Г.С.Сковорода любил этот цвет и его понятие часто встречается в его произведениях: «Сколь красны дома твои, Ияков!» [Сковорода 1973: т. 2, 90]; «ворота его красны»; [Сковорода 1973: т. 2, 117]; «о счастье наш красный цвет» [Сковорода 1973: т. 1, 61]; «Что есть прекрасная радуга? Не радость ли есть радуга?» [Сковорода 1973: т. 2, 146]; «О красное небо, в котором блистает слово Христа» [Сковорода 1973: т. 2, 216, 369]; [Сковорода 1973: т. 1, 242, 328, 336]. Само вещество Г.С. Сковорода трактует как имеющее красный цвет: «красная грязь» [Сковорода 1973: т. 1, 347]. Смысл слова Панько – Павел и малый, незначительный, не-

большой. Г.С.Сковорода придавал огромное значение малым причинам событий, и эта трактовка причинности присуща и Н.В. Гоголю. Г.С.Сковорода сжигал свои рукописи, что делал и Н.В.Гоголь. У Г.С.Сковороды был друг – А.Ф.Панков – коллежский регистратор, которому он подарил свой цикл «Харьковских басен». Н.В.Гоголь остался в должности коллежского асессора. Имя А.Ф.Панкова упоминается в диалоге «Пря беса с Варсавою», т.е. с Г.С. Сковородой, а в диалоге обсуждается проблема пути к Богу: трудности добродетелей и лёгкости зла и трудности быть злым и легкости добродетелей в сердце Христа. Н.В.Гоголь обсуждает эту проблему в лирическом отступлении в «Мертвых душах». «Какие искривленные... заносящие далеко в сторону дороги избирало человечество...» [Гоголь 1982б: 195]. «Много есть целых столетий, которые, казалось бы, вычеркнул и уничтожил как ненужное» [Гоголь 1982б: 195]. Г.С. Сковорода: «Возведи путника на гладкий путь... Кто развратно ходит? Тот, кто в дебри, в пропасти в беспутные и коварные лужи уклоняется... Мир есть превратный» [Сковорода 1973: т. 2, 97-98]. «Благодарение блаженному Богу о том, что нужное сделал не трудным, а трудное ненужным» [Сковорода 1973: т. 1, 111].

В 31 письме в «Выбранных местах...» Н.В. Гоголь, делая обзор русской литературы, естественно, должен был бы упомянуть хотя бы как баснописца Г.С. Сковороду, но он его не упоминает вообще! Но к этому времени он не мог его не знать и должен был рассматривать в своем обзоре! Очевидно, что Н.В.Гоголь сознательно не упоминает имени Г. С. Сковороды. Почему? Ю.Я.Барабаш проводит глубокие параллели творчества Г.С. Сковороды и Н.В.Гоголя в аспектах типологии личности и судьбы, типологии поэтики, типологии духа. В случае типологии личности и судьбы имеет место сходство отсутствия дома, семьи, детей, странничество и юродство, синтез радости и отчаяния, скуки в восприятии жизни, чувственность и душевность веры. В случае поэтики имеет место барочное отражение, репрезентирующее сущность целого в частях в множестве образов – символов-зеркал, синекдох, метонимий, катахрез, конвенций, используется моделирование трех миров (макрокосм, микрокосм человека, символический мир), жанры диалога, басни, притчи, афоризмы, эпиграммы, мадригалы, дифирамбы, панегирики, эпитафии, идиллии, претексты, аллюзии, цитаты, повторения форм, модель странничества – движения некоторой фигуры, в которой отражаются все фигуры жизни, понимаемой и как радование, и как полная смерть. Моделируются «как – если бы» возможные ситуации в моделях сатиры, юмора, гротеска, иронии, сарказма, трагедии, бурлеска, формах трагикомического и комитрагического, вызывающие реальные душевные переживания современности...

Заметим, что барочность в генетическом смысле – форма католического мышления и поэтики. В случае типологии духа и Г.С. Сковорода и Н.В. Гоголь сосредоточены на самопознании, самосовершенствовании, познании и формировании самого себя лучшего. Оба они – крайние индивидуалисты, у них нет идеи коллектива и общего спасения всех, постигающие через свой микрокосм других и мир других и советующих (жанр совета) как себе, так и другим, как себя улучшить (по Платону) и как на этой основе изменить мир к лучшему в его

эволюционной, но не революционной модели. Отсюда проповеди и советы к людям Г.С.Сковороды и Н.В.Гоголя. Тем не менее, Ю.Я.Барабаш полагает, что Н.В.Гоголь сочинений Г.С.Сковороды не читал.

2. Посмотрим, как представлен в творчестве Г.С.Сковороды основной концепт творчества Н.В.Гоголя – концепт «мёртвые и живые души». «Мертва со всем душа человеческая, не отрешенная к природному своему делу, подобна мутной и смердящей воде, в тесноте заключенной» [Сковорода 1973: т. 1, 422]. «О всех можно сказать: мертв с мертвым твоим сердцем. Железо пройдет душу твою. Сидишь во тьме, лежишь в гробу. О божественная искра! Небесный и новый человек! Сила, закон и царство Мира! Воскресение наше!» [Сковорода 1973: т. 1, 161]. «Ты истинный человек из истинной плоти. Но мы не знаем такого человека, а которых знаем, те все умирают?» [Сковорода 1973: т. 1, 161]. «Ах, истинный человек никогда не умирает» [Сковорода 1973: т. 1, 161]. «Но где такой человек? Мы его никогда не видели и не знаем. Не разумеем ни очей, ни ушей, ни языка» [Сковорода 1973: т. 1, 161].

«Так видно, что мы никогда истинного не видывали человека, а которых знаем, у тех руки, и ноги, и все тело в прах обращаются. Но что свидетельствует камень Священного Писания? «Не отемнеют, – говорит, – очи его, и не истлеют уста его» [Сковорода 1973: т. 1, 161]. «Понеже не признаешь пребывания Господня, исповедуя, что одна только смерть везде владеет, низводя все-на-все в ад истления, того ради знай, что новый и нетленный человек не только попрет тленные твои законы, но совсем вооружен мстью до конца тебя разрушит, низвергнет с престола твоего, сделав тебя из головы ничтожным ошубом» [Сковорода 1973: т. 1, 160].

Господь Сковороды Г.С. и Н.В. Гоголя – Ветхозаветный Бог Суда, осуществляющий суд Мести – как Мучитель (ожесточающий сердце фараоново: «Но Я ожесточу сердце фараоново, и явлю множество знамений Моих и чудес Моих в земле Египетской» (Исх. 7:3) и прощения – как Отец (Ж. Кальвин). Г.С.Сковорода создает теорию вознаграждения и наказания, которую прямо заимствует у него Н.В.Гоголь. «Знаю, что многих умы ищут равновесия в награждениях и наказаниях, полагая на свои весы меру и число дела человеческие и суд Божий. Друг мой! Величайшее наказание за зло есть делать зло, как и величайшее воздаяние за добро есть делать добро... мир не существует для тебя лучшею и величайшею частью: се наказание уже постигло тебя своим действием» [Сковорода 1973: т. 2, 410]. В «Страшной мести» козак Петро дрожит от радости, убивая названного брата с сыном. «И умер Петро» [Гоголь 1982а: 167]. А дальше суд Господа и Иван просит: «Сделай, Боже, так, чтобы все потомство его не имело на земле счастья! чтобы последний в роде был такой злодей, какого еще не бывало на свете! и от каждого его злодейства чтобы деда и прадеды его не нашли бы покоя в гробах...» [Гоголь 1982а: 168]. Это путь несчастья Г.С.Сковороды [Сковорода 1973: т. 1, 417-418]; [Гоголь 1982а: 168].

У Н.В. Гоголя это идея «Страшной мести». Страшная мсть, по Г.С. Сковороде и Н.В. Гоголю, состоит в том, что каждый следующий в роде становится всё большим злодеем, умирает в душе и не имеет мира в его доброте, только во зле! Но это желание зла без меры и ограничения, крайности, которая создает

вечное кольцо мести без прощения! Так решает Господь и потому пожелавший такого рода Мести – лишается Царства Божия в сердце и Царства Небесного на земле! Но это судьба человечества – кольцо мести в протестантизме Европы и США! Это модель мести в иудейском, католическом, протестантском догмате предопределённости и избранности, свободы воли. Это Кольцо смерти, Суда Прощения и Отмщения и воскресения души и поиск пути Воскресения. «Согретое сердце есть огненный духа святого язык, новое на небеси и на земле поющий чудо воскресения. Не видишь ли, что во всех ветхое сердце, земной язык» [Сковорода 1973: т. 1, 160]. Это ветхое, а не Новозаветное сердце присуще и Н.В.Гоголю. «Ибо говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное» (Мф. 5:20; 7:12). Н.В.Гоголь не вышел за пределы ветхозаветной веры и этики. «Что отвратительнее любви вульгарной?, то есть ложной, и, наоборот, что божественнее любви христианской, то есть истинной?», «Что такое христианская религия как не истинная и совершенная дружба? Разве Христос не установил как свою характер (печать) взаимную любовь? Разве не любовь все скрепляет, строит, создает, подобно тому как вражда разрушает?», «Разве не мертва душа, лишенная истинной любви, то есть Бога?», «Что дает основание? Любовь. Что творит? Любовь. Что сохраняет? Любовь, любовь. Что услаждает? Любовь, любовь, начало, середина и конец α $\chi\alpha\iota$ ω (альфа и омега)» [Сковорода 1973: т. 2, 225]. «Разве Бог не называется $\alpha\gamma\alpha\lambda\eta$ (любовь)» [Сковорода 1973: т. 2, 225].

Отсюда и знаменитая речь Тараса Бульбы о дружбе: «Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек» [Гоголь 1982а: 302]. Дружба специфицируется в братство – товарищество русских людей. Идея и понятие живой и мертвой души – идея Г.С. Сковороды! (взятая им из камня (Кифы – истины) Святого Писания). Мёртвая душа: труд не по сродности, приобретатель, нечистая совесть и злой ум, манипулирование людьми и мошенничество по закону, злая воля, солидарность в зле, телеология и лестница тщеславия, циклы погружения в порок, упорство в зле и нераскаянность, путь несчастья. «Щастие наше есть мир душевный» (Дружеский разговор о душевном мире Г. В. Сковороды, М., 1837. 94 с.) [Дружеский... 1837: 17]. Это образ и идея «душевного города из «Развязки Ревизора». «Поколь душа не почувствует вкуса нетления, потоль не вкусит она твердого мира, – и есть мертва» [Дружеский... 1837: 35]. «Соблюди же мой совет и мысль: да жива будет душа твоя, и благодать будет на твоей вые: будет же исцеление (приложение) плоти твоей. Видите, что лечит сей врач? Душу болезненную. Мир мой даю вам: «Вы друзья Мои есть» [Дружеский... 1837: 40].

Н.В.Гоголь в предсмертной записке повторяет этот смысл слов Г.С. Сковороды: «Будьте не мертвые, а живые души. Нет другой двери, кроме указанной Иисусом Христом, и всяк, прелезай иначе, есть тать и разбойник» [Воропаев 2002: 183-184]. Это идея христологии (мертвые и живые души – воскресение, сродность, справедливость, Мир-город, Кифа-Мокий и Мокий-Кифа (ум без силы, и сила без ума, но и ум с силой пусты, если нет любви) – осуществление учения Христа в жизни у Г.С. Сковороды и Н.В. Гоголя и отказ от этой идеи Н.В. Гоголя) и преодоления пустоты сердца, если в нем нет Христа (Гал.:4:4-6).

«Истинно, истинно говорю вам: кто дверью входит во двор овчий, но перелезает инде, тот вор и разбойник» (Ин. 10:1). «О, сколь правдиво называет таких Библия мертвыми» [Сковорода 1973: т. 2, 57,56]; «он видел, что из нашей братии всяк есть не то, что он, и познается, как отстоит небо от земли» [Сковорода 1973: т.1, 302]. Н.В. Гоголь: «когда слышна у всякого какая-то безотчетная жажда быть не тем, чем он есть» [Гоголь 1990: 62]. «Сей всяк человек ложный: сень, тьма, пар, тлень, сон» [Сковорода 1973: т. 2, 47]. «Что же опять есть смерть, если не из снов главный сон» [Сковорода 1973: т. 2, 122]. Термин «всяк», за что В. Г. Белинский критиковал Н.В. Гоголя, часто употребляется Г.С. Сковородой. «Вследствие уже давно принятого плана «Мертвых душ» «для первой части поэмы требовались именно люди ничтожные» [Гоголь 1990: 122]. «... первая часть вся должна быть пошлость» [Гоголь 1990: 123].

Сущность библейской идеи мертвого и живого человека, мертвой и живой души в интерпретации Г.С. Сковороды и Н.В. Гоголя – Кольцо первородного греха и его преодоления и суды: Отческий прощения и Мести (Ж. Кальвин). Первородный грех: природа человека как абсолютно погибшая – соблазн Мира – похоть – растрение – грех и преступление, смерть души и тела: Мертвая Душа. Она момент кольца – первое творение – первородный грех и грех против Христа – умирание души – путь возрождения в Христе – новое творение и воскресение в смерть вторую и жизнь. Структура «Мертвых Душ» и есть это кольцо Г.С. Сковороды: первый том – умирание, а второй – воскресение, но найти путей воскресения пока что никто не может, и Н.В. Гоголь не нашел! «Встань... и воскресни от мертвых – и осветит тебя Христос» [Сковорода 1973: т. 1, 307]. «О несчастный мертвец!» [Сковорода 1973: т. 1, 307]. «Наведу слепых на путь, которого не видели; и по путям, которых не знали, ходить научу их; превращу для них тьму в свет и трудное в легкое» (Исайя, гл. 42) [Сковорода 1973: т. 1, 389]. Необходимо Авраамово богословие [Сковорода 1973: т. 2, 138].

Богословие – поиск Христа [Сковорода 1973: т. 2, 143]. В богословии человек узнает самого себя, преодолевая погребенность глаз [Сковорода 1973: т. 2, 148-149]. «Да узрим живого! Да не обожаем Дьявола! Да услышим от небесного: «Мир вам». Чего вы боитесь? Пусть дрянь исчезает! Человек есть сердце. Мир сердцу!» [Сковорода 1973: т. 2, 317]. «Общество в любви, любовь в Боге, Бог в обществе. Вот и кольцо вечности!» [Сковорода 1973: т. 2, 44-45]. «Глас грома твоего в колесе». «Кроме того, лето и год – то же; год и круг – то же; круг и кольцо – то же» [Сковорода 1973: т. 1, 385]. «Называются и дверью: «Сии врата небесные...»; «и печатью «Книга запечатленная...» [Сковорода 1973: т. 1, 386]. «Обретающие в испорченном вкусное, в мертвенном живое...» [Сковорода 1973: т. 1, 385]. «Библия есть Книга, завещанная от Бога» [Сковорода 1973: т. 2, 51].

Библия имеет символический смысл [Сковорода 1973: т. 2, 163-164]. В ней познается путь к Нему, субботний путь Учения Христа [Сковорода 1973: т. 2, 155]. В этом пути – всемирный суд над змием! [Сковорода 1973: т. 2, 164]. Это идея системы судов вообще, суда Отческого Прощения и Суда Мести, непрощения – и Суд Последнего Ревизора! Идея Мертвых и живых душ, Кольца смерти и Жизни, Прощения и Отмщения (Ж. Кальвин) человека в Мире и Ми-

рах – сущность философии Г.С. Сковороды и основная идея его работ «Кольцо» и «Дружеский разговор о душевном мире». Н.В. Гоголь был первый, кто правильно понял эту сущность антропологии, гносеологии, онтологии, логики, ОТС, этики и эстетики, психологии великого русского и украинского поэта и философа Г. М. Сковороды и сумел придать этой философии великую художественную форму!

3. В творчестве Н.В. Гоголя обнаруживается ряд концептов, образующих сущность философии Г.С. Сковороды: мертвые и живые души (человек и грех, избранность; сродность, любовь и дружба, светский разум или пошлость; справедливость; Кифа и Мокий и Мокий и Кифа; Миргород (Миро-город); кальвинистский вариант веры и Литургии избранного человека; суды Господа и его справедливость, прощение и отмщение, практика; новый язык; благодарность Богу за жизнь и здоровье; общее и частное при сосредоточении на частном и понимании общего как зла, отсюда сосредоточение на провинции и малом человеке; здравый смысл; наука о сердце и душе и критика науки и образования, индукция содержания и объема; идея середины; общество как машина; болезнь и здоровье; комическое как несоответствие сродности, естественности, своему месту; побасенки во времени; желание быть лучше и деятельное бездействие. Все эти концепты Н.В.Гоголя присущи суждениям Г.С.Сковороды; эти суждения – семантика Н.В. Гоголя. Философия Г.С.Сковороды содержит всю семантику Н.В.Гоголя. Но эти концепты реализовывались до Венского кризиса 1840 г. А затем Н.В. Гоголь пытается их дезавуировать, как и все свое прежнее творчество. В «Выбранных местах...» и втором томе «Мертвых душ» Н.В. Гоголь отказывается, насколько возможно, от этой философии, пытаясь создать дифирамб, мадригал и панегирик крепостному строю, самодержавию в абсолютной форме, включая внутреннюю (репрессии) и внешнюю реакцию (удушение Венгерской революции 1848-1849 гг.), официальной РПЦ, иллюзорно представляя их как Царство Божие в сердце и Царство Небесное на земле в возможности, строя запрещённые в логике не здравосмысленные суждения от абстрактной возможности к действительности. Само наличие таких умозаключений – показатель распада разума. *Ab esse ad posse valet consequential* – умозаключение от действительного к возможному имеет силу; *A posse ad esse non valet consequentia* – умозаключение от возможности к действительности не имеет силы. Умозаключение второго типа предполагает гипобулику и гипоноику мышления, нарушение связи систем дома и страха, питания, манипуляции понятиями, решения, оценки-предвиденья, разрушение систем хвостатого ядра, скорлупы и островка в связи в коре мозга, то есть здравого смысла, торможение систем МПО и ВМПК коры мозга, нарастание страха (увеличение миндалин коры), то есть торможение сорадования, сострадания, способности любви и совместимости с людьми.

В Н.В.Гоголе в момент Венского кризиса 1840 года изменился объект (учение Христа и справедливость) и предмет веры (вопросы Иова и сопротивление угнетению, все избранны Им, осуществление учения Христа в жизни). Объект веры – страх и тождество всего со всем в абстрактном смысле, в человеке абсолютно повреждено тело, душа и дух (кальвинистское понимание гре-

ха: «дрянь и тряпка стал всяк человек; обратил сам себя в подлое подножье всего и в раба самых пустейших и мелких обстоятельств, и нет теперь свободы в ее истинном смысле» [Гоголь 1990: 178]. Это чисто кальвинистское утверждение о природе человека, грехе и отсутствии свободы; догматы избранности и предопределенности к спасению и гибели индивидуального человека). Предмет веры: всё хорошо и все люди братья, избранность только Н.В. Гоголя и некоторых, исключение коллективности, абстрактное сострадание всем и отказ от истины, равенства, справедливости, свободы, сопротивления угнетению, отказ от Суда, отказ от конкретной любви к уникальному человеку и погружение в абстрактную любовь ко всем или никому, ненависть ко всем, кто иначе понимает веру, отказ от осуществления учения Христа в жизни! У Н.В.Гоголя грех понимается и по-католически – праведность дает Господь, и благодать – узда, удерживающая человека от зла, и по-протестантски – имеет место полное повреждение природы и души человека (подобия и образа, уст, и спасутся только избранные). Некоторые предопределены к добродетели, а большинство, врожденно – мертвые души – к погибели. Это вызвало утрату здравого смысла, рождение гипобулического и гипоноического, астенического, тщеславного и энантного самосознания, реципрокной имиджевой веры и, на этой основе, рост страха (синдром страха в утверждениях, безмерное самооправдание) и исчезновение способности любви, прекращение творчества, ложное псевдотворчество, распад языка творчества в синдроме Вильямса (внешне правильные, но умственно не полноценные и профессионально ложные предложения в интенции утверждать по всем сферам знания), утрату гоголевской барочности отражения, чувства уникального и частного). Этот процесс в Н.В. Гоголе и произошел сразу и полностью. «Нет на земле подобного ему: он сотворен бесстрашным; На все высокое смотрит смело; он царь над всеми сынами гордости» (Иов 41:26). «Да смятутся от посрамления своего говорящие мне: «хорошо! хорошо!» (Пс. 39:16). «Расширяют на меня уста свои: говорят: «хорошо! хорошо! видел глаз наш!» (Пс. 34:21). «Господь печется о мне... не замедли» (Пс. 39:18). Таково суждение Господа о концепте «все хорошо!». Негодяй говорит: «всё хорошо!».

Страх Н.В.Гоголя не страх Божий Господа как Отца, но страх Бога как Мучителя. Н.В.Гоголь умом признает Бога, верит, что Он есть, но «боится, как Мучителя, не как Отца» [Сковорода 1973: т. 2, 334]. Н.В.Гоголь верит, что Он есть, но не верит в осуществление Его воли и не осуществляет Его волю и Его дело на земле! «Сей страх можно назвать адским, не Божиим, а как страх есть погибельный, так и вера есть суетная, лицемерная, бесовская, рабская. Она, конечно, верует, что есть Бог, но делами, как Павел учит, отметется и теми плодами, которые есть свидетельством о вере во Христа сокровенной, как зерно в сердце» [Сковорода 1973: т. 2, 334]. Сказано апостолом: «Но хочешь ли знать, неосновательный человек, что вера без дел мертва?» (Иак. 2:20). «Ты веруешь, что Бог един: хорошо делаешь; и бесы веруют, и трепещут» (Иак. 2:19). «Страх Господень, – говорит сын Сирахов, – возвеселит сердце и даст веселие, и радость, и долгоденствие» [Сковорода 1973: т. 1, 199-200]. Это было то, что Н.В.Гоголь имел, но что потерял и к чему вернуться уже не мог.

«...двойной вкус в Библии: добрый и лукавый, спасительный и погибельный, ложный и истинный, мудрый и безумный...» [Сковорода 1973: т. 1, 290]. «...она ведь плоть и дух, буйство и мудрость, море и гавань, потоп и ковчег... Не будь несмышлена и косна! Умствуй проворнее...» [Сковорода 1973: т. 2, 160]. Надо хотеть и уметь читать Библию (экзегетика в модели трех миров и двух натур), «разглядеть сущее сквозь буквальный смысл» [Сковорода 1973: т. 2, 407]. Отсюда критика чтения и чтецов: «беззубые скоты» [Сковорода 1973: т. 1, 211], «глупый книжник» [Сковорода 1973: т. 2, 36]. Н.В.Гоголь заимствует эту идею критики чтения в письмах 4, 5 и в критике «книжонок», оставляя для народа только одну книгу – Библию, которую и читать-то должны священники народу, а не сам русский народ и крестьянство – ему некогда читать! [Гоголь 1990: 49, 56, 159]. Н.В.Гоголь абсурдно предлагает читать русскую литературу, но лишает русский народ права читать все книги, кроме Библии!

В.В.Розанов чувствовал эту гибельность веры Н.В.Гоголя и отсутствие в ней дела, потому и написал: «Никогда более страшного человека... подобия человеческого... не приходило в нашу землю»; «В ком затеплилось зернышко «веры» – веры в душу человеческую, веры в землю свою, веры в будущее ее, – для того Гоголя воистину не было» [Розанов 1990: 211, 465-468]. Осуждение В.В.Розановым смеха Н.В.Гоголя и его осмеивающей миссии в истории России – ложно и несправедливо. Смех Н.В. Гоголя – смех самого Христа! «Христос есть Авраамов Сын, Исаак, то есть смех, радость и веселие, сладость, мир и праздность» [Сковорода 1973: т. 1, 223]. До 1840 г. Н.В.Гоголь в некотором отношении Авель (Печальный и Христос Смеющийся) и Писатель, а после 1840 г. – Каин, убивающий брата и братскую любовь, идеолог «всё хорошо», который насильно над собой пишет неправдоподобно, нежизненно, пишет идеологию, и пишет атеистически! Н.В. Гоголь как тварное существо Каин убил в себе творца Авеля!

Вера Н.В.Гоголя – католико-протестантский и иудейский страх, избранность, индивидуализм, реципрокность, имиджевая реципрокность, парохильный альтруизм. Утверждения о православном характере веры Н.В. Гоголя, в частности Воропаева В.А., в отсутствии анализа объекта и предмета веры, модели человека, первородного греха и греха, греха против Христа, аналогий *entis, fidei*, веры и разума, синдрома страха и любви и т. п., учения Христа, догматики, соотношения в вере Предания, Дела и Святого Писания, влияний католицизма, протестантизма, иудаизма, ислама, язычества, мистики, субъективности самооценок веры, традиции веры на Украине и в России – ошибочно. Вера русских писателей и Н.В.Гоголя, и Ф.М.Достоевского, и Л.Н.Толстого, и Н.Лескова весьма специфическая у каждого.

4. Можно ли объяснить повторение в творчестве Н.В. Гоголя указанных концептов историко-эпохальным совпадением, традицией украинского и русского барокко, этнической традицией, общностью (и существенным различием) украинской и русской культур? Не следует забывать: русская культура имеет основанием крепостное право, а украинская – свободу. Крепостное право на Украине утверждается с 1782 г. По отдельности, каждый случай совпадения концептов в творчестве Н.В.Гоголя и Г.С.Сковороды можно объяснить как слу-

чайностью и указанными феноменами, так и пробабилистски, конструируя объяснения и факты, но наличие их всех сразу исключает подобное объяснение. И объяснение, и обоснование наиболее вероятное состоит в том, что Н.В. Гоголь читал и изучал работы Г.С. Сковороды. Он тщательно изучал, осмысливал, понимал, формализовывал, объяснял и обосновывал, истолковывал и специфицировал, интерпретировал, осуществлял ретросказания и предсказания в контекстах прошлого и XIX века и использовал философию и концепты-идеи Г.С.Сковороды в своём творчестве. Влияние Г.С.Сковороды на творчество Н.В. Гоголя вплоть до 1840 г. было несомненным и основным, а А.С. Пушкина – второстепенным.

5. Итак, почему Н.В. Гоголь ни разу не анализирует творчество Г.С. Сковороды и ни разу не упоминает даже его имени, в том числе и на смертном ложе?

1) По всей видимости, Н.В. Гоголь не упоминает имени Г.С. Сковороды в первую очередь из тщеславия (комплекс эгоизма и оглядки, астении и мизонезизма, тщеславия и энантности, плебейства; концепт коллективизма и общины верующих отсутствует в творчестве и вере Н.В.Гоголя и Г.С.Сковороды, нет соборности вообще), ибо он, очевидно, заимствует ряд идей у Г.С.Сковороды, прежде всего идею и понятие Мертвой и Живой души, сродности и любви, дружбы и светского разума или пошлости, справедливости, Кифы и Мокия, и комплекс идей Мир-города, Миргорода, принцип общего и частного, модель веры и греха. Разумеется, эти заимствования – чистые творческие самостоятельные языково-речевые акты Н.В. Гоголя, но идеи действительно по генезу принадлежат Г.С. Сковороде как фольклорные и иные сюжеты, используемые Художниками в творчестве. В силу своего эгоизма и тщеславия Н.В. Гоголь мог признать выше себя авторитет только А.С.Пушкина, да и то предполагая его критику как дворянина. Но никто более для него не был авторитет, как и для его героев, которые не уважают никого. Замечу, не уважают дворяне – дворян и презирают народ как быдло. Акт заимствования идей у Г.С.Сковороды ущемил бы общественное чувство гордости и собственного достоинства Н.В. Гоголя как мелкопоместного дворянина.

2) Г.С.Сковорода, вероятно, был патриотом именно Украины, в меньшей мере Малороссии и не Великороссии, хотя прямо критически в отношении Самодержавия и РПЦ и необходимости свободы Украины от России и не высказывался.

«Мать моя, Малороссия, и тетка Украина, посылают тебе в дар...» [Сковорода 1973: т. 2, 277]. «Весьма красиво моя мать Малороссия называет его Богом...» [Сковорода 1973: т. 2, 74].

«Он обыкновенно называл Малороссию матерью потому, что родился там, а Украину – теткою по жительству в оной и по любви к ней» [Сковорода 1973: т. 2, 394]. «Украину предпочитал он Малороссии за воздух и воды», – пишет М.И.Ковалинский [Сковорода 1973: т. 2, 394].

Г.С.Сковорода, конечно, был оппозиционер самодержавной и крепостнической системе России на Украине. «Судите, какое множество там было пожаловано ослов мулами, а мулов лошадьми. Тогда то богочтение превратилось в

яд, раздоры – в суеверие и лицемерие, правление – в мучительство, судейство – в хищение, воинство – в грабление, а науки – в орудие злобы. Сим образом, воинствуя против Минервы, сделали себе защитницу свою враждебную, а республику погибельною» [Сковорода 1973: т. 1, 428]. Вероятно, Г.С.Сковорода был сторонник федерации славян, но не империи «в обеспечение свободы славян» [Сковорода 1973: т. 2, 283). В 1654 г. Переяславская Рада закрепила право собственного управления независимо от царя, право своего законодательства и суда, право избирать чиновничество и гетмана «вольными голосами». В дальнейшем эти права Петр I, Елизавета Петровна и Екатерина II отнимают и закрепощают Украину. В 1722 г. создается Малороссийская коллегия – пролог ликвидации автономии Украины и нарушения статей свободы Переяславской Рады, в 1751 г. начинается ликвидация Запорожской сечи путем создания военных поселений, в 1764 г. ликвидируется гетманское управление, в 1768 г. имеет место гайдамацкое антифеодальное и национально-освободительное восстание и движение на Правобережной Украине, подавленное Польшей и Россией, в 1775 г. войсками окружается и ликвидируется Запорожская сечь, в 1782 г. вводится крепостное право на Левобережье и в Слободской Украине, т.е. ликвидируется её автономия, а казаки обращаются в крепостное продаваемое и покупаемое быдло.

Тем самым была разрушена украинская автономия и народная негосударственная школа, воспитание и образование. Это была крупная ошибка национальной политики России и было крупное преступление самодержавия перед украинским народом. Замечу, что эта глупая крепостническая политика унификации образования продолжается РФ в 2014 году.

Г.С.Сковорода, конечно, был противник крепостного права, а Н.В.Гоголь – помещик-крепостник. В 1812-1835 гг. на Украине имеют место антикрепостнические движения. В 1846 г. в Киеве работает тайное Кирилло-Мефодиевское общество, куда входил Т.Г.Шевченко. Н.В. Гоголь по этой причине не хотел затрагивать украинский вопрос использованием имени Г.С. Сковороды. Наоборот, он актуализирует братство украинского и русского народов. Но в украинском цикле у Н.В. Гоголя реалистически воспроизводится критика украинским народом русского народа и аппарата самодержавия и священства. Представлено Н.В. Гоголем отрицательное отношение к москалям. Нет ни одной положительной оценки в «Вечерах...» [Гоголь 1982а: 14, 15, 20, 28, 31). «...Как москаль, поглаживая одной рукою свою козлиную бороду, другою...» [Гоголь 1982а: 14]. «...ожидай столько проку, сколько от голодного москаля... » (6, с. 15). В дальнейшем Н.В. Гоголь отходит от этого влияния Г.С.Сковороды. Вероятно, Н.В.Гоголь знал творчество Т.Г.Шевченко и понимал, что он отказался от борьбы за свободу Украинского народа вообще и в составе России как империи. Это было одно из оснований коллапса его творчества, в том числе и в языковом аспекте, ибо необходим был синтез образности украинского и русского языков на некоторой духовной основе.

Т.Г.Шевченко знал творчество Н.В.Гоголя, но они не встретились. Т.Г.Шевченко изучал творчество Г.С.Сковороды, хотя и не вполне понимал. Т.Г.Шевченко: «Сижу и списываю Сковороду», «и спросите тогда себя, что

мы? Чьи сыновья, которых родителей? Кем, за что закованные?» За что мы сражались с ляхами? За что резались с ордами, за что боронили копьями московски ребра?», «Зачем нам мать привела: или благо, то для зла? Зачем живем?» (Кононенко Т.П. Украинаосажне мироощущению И пониманию как философское источник творчества и самоидентификации личности: Г. Сковорода, Н. Гоголь, Т. Шевченко // www.info-library.com.ua).

«И плоть старческую усмиряет.

Священное Писание читай.

Читай, читай и слушай колокола

А сердце не потакай

Оно тебя в Сибирь водило

Оно тебя всю жизнь дурак» (Т. Г. Шевченко, «Кобзарь») [Шевченко 1993: 305].

«Читай ее всегда и научайся, вместе же будто из высокой гавани на беснующийся океан взирай и забавляйся» [Сковорода 1973: т. 2, с. 1370].

«Почитайте Библию, в рассуждении надобностей ее она есть аптека, Божию Премудростию приобретенная, для исцеления душевного мира, ни одним земным лекарством неисцеляемого» [Сковорода 1973: т. 1, 366-367]. «Библия есть книга и слово завещанное от Бога» [Сковорода 1973: т. 1, с. 51]. «Богатые столы во все колокола повсюду звонят осуждением» [Сковорода 1973: т. 1, 276], «парохиальный колокол... Знай себя...» [Сковорода 1973: т. 2, 78]. «На шею каждому по колоколу с веревкою»... «в руках не жезлы, но кольца», «... пробираясь через неровные места к пути мирному»... «оторвавшись от левого пути» [Сковорода 1973: т. 2, 77-78]. «Сии суть лицемеры... Сии нетопыри между правым и левым путем суть ни мужского, ни женского рода... Иуда-раб и льстец» [Сковорода 1973: т. 2, 78]. Н.В.Гоголь заблудился между правым и левым путем. Н.В.Гоголь: «Так, стало быть следует, чтобы пропадала даром казачья сила, чтобы человек сгинул, как собака, без доброго дела, чтобы ни отчизне, ни всему христианству не было от него никакой пользы? Так на что же мы живем, на какого черта мы живем?» [Гоголь 1982а: 247]. «Идти прямо на Польшу, отомстить за все зло и посрамление веры и козацкой славы, набрать добычи с городов, зажечь пожар по деревням и хлебам, пустить далеко по степи о себе славу» [Гоголь 1982а: 257].

Идея суда Мести и Отеческого прощения – идея Ж.Кальвина, Г.С.Сковороды, Н.В.Гоголя, Т.Г.Шевченко. «Для чего живу» [Гоголь 1982а: 153]. И Т.Г. Шевченко, и Н.В. Гоголь усвоили логику вопросов и ответов Г.С.Сковороды через наречие «зачем» и предлог с местоимением «для чего». «Люди в жизни своей трудятся, метутся, сокровиществуют, а для чего, то многие и сами не знают» [Сковорода 1973: т. 1, 213]. «Вот для чего Василий Великий говорит о Евангелии, что оно есть воскресение мертвых» [Сковорода 1973: т. 1, 98]. «Для чего мне нельзя найти человека» [Сковорода 1973: т. 1, 275]. «...Он еще поражает стерво... Для чего? ... Для чего? ... Для чего? ... Для чего? ... А вот для чего: Бог есть высшая всех причин причина и резон» [Сковорода 1973: т. 2, 317]. «И сами не могут сказать, куда идут и зачем! Житие наше есть путь, а исход к счастью не коротенький» [Сковорода 1973: т. 1, 327-328]. «А

теперь осмотришься, зачем торопишься?» [Сковорода 1973: т. 1, 419]. Н.В. Гоголь: «... торопят со всех сторон... Зачем поторопился?»... «Мне незачем торопиться; пусть их торопят другие» [Гоголь 1990: 124-127]. «Маловер, зачем усомнился ты? Блажен ты, Симон, сын голубцы Ноевой» [Сковорода 1973: т. 2, 281].

Священники XIX века интуитивно чувствовали неясность, темноту, спутанность и душевность, а не духовность, рассудочность веры Н.В. Гоголя. Да и сам Н.В. Гоголь сомневался в своей вере: «Мне кажется, даже, что во мне и веры нет вовсе; признаю Христа Богочеловеком только потому, что так велит мне ум мой, а не вера. Я изумился Его необъятной мудрости и с некоторым страхом почувствовал, что невозможно земному человеку вместить ее в себе, изумился глубокому познанию Его души человеческой... но веры у меня нет. Хочу верить» [Золотусский 2005: 400].

Г.С.Сковорода: «Верую, но сам чувствую слабость веры моей» [Сковорода 1973: т. 1, 130]. «Не то же ли есть ад и смерть?» [Сковорода 1973: т. 2, 281]. «Не царствие ли внутри непостоянности нашей стоит? Не сие ли есть истина и кифа? Не кифа ли гора она, на которой со Израилем пьет радость оную...» [Сковорода 1973: т. 2, 282]. «Все – вода, зачем на воду возлагать надежду, друзья? Все – вода, но будет дружеская гавань. На этом камне основана вся церковь Христова. Это нам и кефа, петра и скала» [Сковорода 1973: т. 2, 283]. «Зачем перестанем мы залетать εἰς οὐρανόν (на небо) [Сковорода 1973: т. 2, 223, 265]. «О люди! Зачем удивляетесь океану, зачем удивляетесь звездам? Идите, вернитесь домой! Узнайте себя! Этого будет достаточно» [Сковорода 1973: т. 2, 292]. Н.В. Гоголь на ложе смерти понял, что он не смог вернуться домой! Смысл «для чего» и «зачем» у Г.С.Сковороды, Н.В.Гоголя и Т.Г.Шевченко одинаковый – единство Кифы и Мокия, мысли и силы, живой и мёртвой воды родного этноса! Не просто Кифа Мокиевич и Мокий Кифович – но мысль и сила, гавань, жизнь и смерть, воскресение этнической личности или природы, натуры – украинца и русского!

Т.Г.Шевченко: «Щоб знать людей, то треба пожити з ними. А щоб їх списувати, то треба самому стати чоловіком, а не марнотрателем чорнила і паперу. Отойді пишть і друкуйте, і труд ваш буде трудом чесним» [Шевченко 1951: 375].

Г.С.Сковорода «усе-таки поет народний і великий. І наш Сковорода таким би був, якби його не збила з пливу латинь, а потім московщина» [Шевченко 1951: 375]. Г.С.Сковорода: «поощрять к разумной честности, без которой всяка стать недействительна» [Сковорода 1973: т. 1, 86]; «все то бесчестно, что тленное» [Сковорода 1973: т. 1, 138]; Иеремия: «Если выведешь честное от недостойного, как уста Мои будешь» (Иер. 15: 19); [Сковорода 1973: т. 1, 139]; «честно носимой должности» [Сковорода 1973: т. 1, 422]; «Если все общее скверно есть, как же общее воскресение честно и свято, уверяемое Лазаревым воскресением? ... Так, как общее верным, не миру, в болоте лежащему. Инако же все ему общее» [Сковорода 1973: т. 2, 102]; «всякая же честность есть удобное» [Сковорода 1973: т. 2, 105]; «Две дочери благодарности – благочестность и самодовольность» [Сковорода 1973: т. 2, 127]; «Та же справедливость требует от нас, чтобы мы честными делами...» [Сковорода 1973: т. 2, 302]; «хитрые,

ловкие и бесчестные пройдохи...» [Сковорода 1973: т. 2, 210]; «рожден все честное слышать и делать» [Сковорода 1973: т. 2, 422]; «различать честное от недостойного» [Сковорода 1973: т. 1, 199].

Н.В.Гоголь: «говорить и писать о высших чувствах и движениях человека нельзя по воображению: нужно заключить в себе самом хотя небольшую крупичку этого, словом, нужно сделаться лучшим [Гоголь 1990: 287]; «как честный человек, я должен был оставить перо» [Гоголь 1990: 304]. Эта концепция честного письма – пережить человеческое зло и добро и на этой основе творить – восходит к Г.С.Сковороде: «Для меня нет ничего более важного, чем быть или сделаться лучшим» [Сковорода 1973: т. 2, 215, 241). И Т.Г.Шевченко, и Н.В.Гоголь питались из источника философии и из этнической идентичности и идентификации Г.С.Сковороды, но первый актуализирует идею вооружённой борьбы, а второй реализует её в украинском цикле, а в дальнейшем берет лишь идею сродности и эволюции, но не революции и не революционной демократии. Мёртвые души Т.Г.Шевченко понимает как нерожденность человека в людях. Т.Г.Шевченко не понимал свободы развития и творчества украинского этноса в русском народе и российском государстве, как и империя не понимала свободы Украины в своем составе, даже предотвратив вырезание украинцев Польшей и Турцией: «сказал Петр: «Поистине разумеваю, что не на лице зрит Бог, но во всяком языке боящихся Его и делающий правду приятен ему есть... А хотя каждый народ и фамилия, будто пшеница, час от часу делается отродком от своих предков, однако помянутые апостолы, многим народам благовестившие слово истины и испытывшие качество сердец их, временную жизнь свою кончить благоволили в Риме» [Сковорода 1973: т. 2, 330]. «Не почитай малым то, что ведет за собою не мелкое... И не думай, что невидимое и бесильное есть тоже» [Сковорода 1973: т. 1, 435]. Н.В. Гоголь: «Но по странному устройству вещей, всегда ничтожные причины рождали великие события, и наоборот – великие предприятия оканчивались ничтожными следствиями» [Гоголь 1982а: 214]. Суть дела в том, что Н.В. Гоголь в своем творчестве не был «отродком» украинского этноса, но творил в украинском и русском космопсихо-логосе, он был и украинец, и русский, а не «россиянин», реализуя комплекс самореализации провинциала-украинца и в столице – в русском языке, а на этой основе во всемирной культуре, развивая и украинский тип творчества. Т.Г.Шевченко все же остался украинским великим поэтом.

6. Предсмертная записка и смерть Н.В.Гоголя.

1) Н.В. Гоголь, вероятно, после того как сжёг второй том «Мертвых душ» и неизвестные документы, сохранив некоторые, пишет предсмертную записку. «Как поступить, чтобы признательно, благодарно и вечно помнить в сердце моем полученный урок? И страшная История всех событий Евангельских...» [Гоголь 2009: 414]. Текст обрывался на середине фразы, в заключении был рисунок: «книга захлопывает человека с лицом, напоминающим лицо Гоголя... «Что хотел сказать он этими словами и этим рисунком?» – спрашивает И.Золотусский? [Золотусский 2005: 476]. И.Золотусский полагает, что это идея судьбы Н.В. Гоголя – быть захлопнутым обложкой своей недописанной книги: «Жизнь кончена и это его судьба – быть захлопнутым обложкой недописанной

книги, книги, которую теперь уже никто не прочтет, книги, забравшей его жизнь и отпустившей его душу на свободу?» [Золотусский 2005: 476]. Его лечили, а он просил дать ему Лестницу! Г.С.Сковорода: «Какая польза читать многие книги и быть беззаконником? Одну читай книгу, и достаточно. Воззри на мир сей. Взгляни на род человеческий. Он ведь есть книга, книга же черная, содержащая беды всякого рода, как волны, встающие непрестанно на море. Читай ее всегда и поучайся, вместе же будто из высокой гавани и беснующийся океан воззри и забавляйся. Не все ли читают сию книгу? Все читают, но несмысленно. Пяту его блудут, как написано, на ноги взирают, не на самый мир, сиречь не на голову и не на сердце его смотрят» [Сковорода 1973: т. 2, 137].

В «Выбранных местах...» Н.В. Гоголь пишет: «Разогни книгу Ветхого Завета: ты найдешь там каждое из нынешних событий, ясней как день увидишь, чем оно преступило пред Богом, и так очевидно изображен над ним совершившийся Страшный суд Божий, что встрепенется настоящее» [Гоголь 1990: 103]. В предсмертной записке Н.В.Гоголь изображает Его суд над собой и рисует образ Г.С.Сковороды.

Урок, о котором идет речь, – урок Г.С.Сковороды и В.Г.Белинского, правоту которых в сути дела Христа на смертном ложе Н.В.Гоголь принял, поняв, что Г.С.Сковорода, В.Г.Белинский и Т.Г.Шевченко, даже имея заблуждения, – с Христом, а он, Н.В. Гоголь, – нет, в основном заблуждении, а Книга, о которой идет речь, – Черная книга бед жизни из философии великого Г.С.Сковороды и Русской сказки, это образ Г.С. Сковороды и его философии, упомянуть которого Н.В. Гоголь так и не решился, от философии которого и его понятия справедливости и украинской в совместимости русской идентичности и идентификации во Христе Н.В.Гоголь тоже отступил и именно поэтому эта Черная Книга Жизни – бед и уничтожила его творчество и его душу!

Он отказался от своего сродного творчества – украинского Сатирика (этническая природа) несправедливости и Его языка, и Бог отнял у него талант творчества. Книга: Мироздание, Кольцо вечности, Мертвых и Живых душ, Книга Судов Отеческого Прощения и Мести, Жизнь, Книга жизни и черная книга – книга печалей и бед, которые приходят, когда ты предаешь себя, свою способность именно украинца (природа этноса) творить и бороться в России во Христе! Вот этот урок Г.С.Сковороды, В.Г.Белинского, Т. Г.Шевченко и Господа Иисуса Христа: «Теперь не могут извинить своего безумия те, кто путь своей жизни оставив, берутся за другой, дабы тем избежать беспокойства» [Сковорода 1973: т. 2, 353-354]. Болезнь: «возненавидев через неблагодарность собственную жизнь нашу, как бездну и недостаточную» [Сковорода 1973: т. 2, 360]. Это урок Г.С. Сковороды, который Н.В. Гоголь понял в преддверии смерти! Суть урока – возвращение домой, к натуре, к природе Украинца – Сатирика в Христе!

Н.В. Гоголь не сумел вернуться, а Г.С. Сковорода и Т. Г. Шевченко – вернулись! Урок в аспекте веры: «Видишь, вера не разделяется от правды, суда, милости и щедрот. Что есть правда?» [Сковорода 1973: т. 2, 335]... «что значит вера?» [Сковорода 1973: т. 1, 444]; «Не бойся!» [Сковорода 1973: т. 1, 443].

«Господь твой – сила твоя» [Сковорода 1973: т. 1, 443]. «Но берегись!» [Сковорода 1973: т. 1, 444]. «Больной и на супругу и на лекаря желчен» [Сковорода 1973: т. 2, 354]. Н.В. Гоголь был желчен на Мир и самого себя. Мир ловил Г.С.Сковороду, но не поймал, Мир ловил Н.В.Гоголя и поймал его в сеть власти, собственности и страха.

Над Н.В.Гоголем сбылось суждение В.Г.Белинского – и над многими, большинством советских и современных писателей (кроме М.А.Шолохова и А.Т.Твардовского): «Какая-то великая истина, что когда человек весь отдается лжи, его оставляют ум и талант!» [Белинский 1954: 530]. Это относится и к ложности модели веры, любви, страха в догмате избранности иудейско-католико-протестантского характера Н.В.Гоголя. Как показал В. Огрызко – эта деградация писателей России, имеющих талант, общая судьба советских писателей. Подчеркиваем, русских, советских и современных. Всех их захлопывает Черная книга небытия. Они все – «россияне»! Д.С.Мережковский глубоко прав: «Забунтовал Пушкин, написал оду Вольности и смирился – написал оду Николаю I, благословив казнь своих друзей декабристов...». Забунтовал Гоголь – написал первую часть «Мертвых душ» и смирился – сжег вторую, благословил крепостное право. Забунтовал Достоевский, пошел на каторгу и вернулся проповедником смирения. Забунтовал Л. Толстой, начал с анархической синицы, собиравшейся море зажечь, и смирился – кончил непротивлением злу...» [Мережковский 1991: 384].

Г.Е. Горланов пишет: «Не сломленным в условиях николаевского режима остался только Лермонтов... следует учитывать возраст поэта и сравниваемых писателей» [Горланов 2009: 60]. Поэтому Л.Н.Толстой и высоко оценивал «Выбранные места...». Но, конечно, не был сломлен и Т.Г.Шевченко. Заметим также, что споры вокруг этой работы или второго тома «Мертвых душ», якобы, высоты языка Н.В. Гоголя в них и «Выбранных местах...», их релевантности – это чистая идеология, пробабиллизм и мелиоризм, пропаганда идеологий: консерватизма, либерализма, социализма, национализма, религии и лояльности к государству, но не наука, не философия, не филология и не содержательный социологический и специальный анализ суждений к сути дела в профессиях и формы письма Н.В. Гоголя. Профессионально сформулированных идей в работах Н.В.Гоголя после 1840 г. нет, хотя он высказывается по всем отраслям знания и общества. Г.С. Сковорода отмечает, что даже святые и пророки имеют свою специализацию. «Безумный же народ все качества в едино место слить и похитить рвется, дабы быть купно и градоначальником и военачальником, богословом и философом, и мирским и монахом... А ведь и самим святцам не все даются дарования» [Сковорода 1973: т. 2, 359].

Это и есть урок Христа, апостола Павла и Г.С.Сковороды, В.Г.Белинского для Н.В. Гоголя, отказ от себя и языка Сатирика, своей украинской природы в русской природе, о чем он и помнил, умирая. Но все идеологии в XX веке себя исчерпали, пусты, как пусты и поддерживаемые ими идеи, поскольку лишены как раз здравого смысла русского народа, его здравого смысла и логики форм жизни в Евразии.

2) Н.В. Гоголь сжег не только второй том «Мертвых душ», но он сжег и рукописи – тексты Г.С.Сковороды (вероятно, и текст М.И.Ковалинского о нем), который тоже был ему знаком в суждениях о борьбе и подвигах Г.С.Сковороды, интерпретированных на подвиги в России, но в пошлой форме подвигов генерал-губернаторов, которые реально состоят в краже миллиардов в русской истории. Из этих текстов Н.В. Гоголь черпал свою философию и идеи, развивая их в великую художественную форму, пока был верен истине, равенству, справедливости и учению Христа!

7. Относительно Г.С. Сковороды заметим, что русская история философии и философия явно замалчивают величину этого русско-украинского философа. В русской философии только этот человек имеет оригинальную онтологию, гносеологию как теорию здравого смысла (философия здравого смысла присуща лишь ему и В.Г.Белинскому), теорию справедливости, адекватную современной теории Дж.Ролза и целостную философию, этику и эстетику, теорию науки, богословие и блестящую систему басен, теорию педагогики невмешательства, а не социализации, систему антропологии Мертвых и Живых душ, Христологию! Как оригинальный русско-украинский философ и разработчик учения Христа он выше, чем Вл. Соловьев и его последователи – западники (Н.О.Лосский, С.Л.Франк, Е.Трубецкой и т. п.), уступая лишь Н. Васильеву и Л.Рутковскому. Вся философия Вл.Соловьева состоит только в интерпретации западных идей и, заметим, при полном отсутствии теории справедливости.

Будущее Г.С. Сковороды и его тайна – завещание Г.С.Сковороды русскому народу и украинскому народу – состоит в теории справедливости и единстве русского и украинского этносов, единстве веры и справедливости (без чего вера – зло сатанинское), и в осуществлении справедливости и единства русского и украинского народа. Ни одна из этих идей Г.С.Сковороды в русской истории не реализована. Справедливость: «Неравное всем равенство» [Сковорода 1973: т. 1, 439]. Или неравенства справедливы, если обеспечивают свободу всех и рост довольства всех, кто пребывает на своем месте в естественной иерархии. «Вечная правда блаженной природы никого не обижает. Она, равное во всем неравенство делая, в остроте моего слуха вместила чувство очей» [Сковорода 1973: т. 1, 95]. «Все делается по самой точной правде и равенству, а сим успокоишься» [Сковорода 1973: т.1, 96]. «И что глупее, как равное равенство, которое глупцы в мир ввести зря покушаются? Куда глупее все то, что противно блаженной природе?» [Сковорода 1973: т. 1, 439]. «Но ничто так не сладко, как общая всем должность». «Счастлив, кто сопряг сродную себе частную должность с общей. Сия есть истинная жизнь» [Сковорода 1973: т. 1, 93]. «Зреть то, что есть подобие в душе и в том деле, к которому оно стремится, как равенство между другом и другом, а сходство между пищею и желудком» [Сковорода 1973: т.1, 437]. «Подобное течет к подобному. Царствие Божие и правда его внутри тварей есть. Никого он не обижает, вливая закон сродностей» [Сковорода 1973: т. 1, 437]. «Видишь, вера не разделяется от правды, суда, милости и щедрот. Что есть правда?» [Сковорода 1973: т. 2, 335].

«Те, которые уверовали и не облекли своей веры в несправедливость, для них безопасность, и они – на верной дороге» (Св. Коран, 6 Скот, 82 (82)). «Ис-

тинно, человек несправедлив, неблагодарен» (Св. Коран, 14 Авраам, 37). «Горе тем, которые постановляют несправедливые законы и пишут жестокие решения, чтобы устранить бедных от правосудия и похитить права у малосильных из народа Моего, чтобы вдов сделать добычею своею и ограбить сирот» (Ис.10:1).

«Каждый день, когда рабы (Аллаха) просыпаются рано утром, (с небес) обязательно спускаются два ангела, один из которых говорит: «О Аллах, возмести расходующему (свои) средства! – а другой говорит: «О Аллах, приведи скупого к гибели!» [Сахих аль-Бухари 2002: т. 1, 21. 17. 675 (1442), с. 321]. В. Розанов: «Два ангела сидят у меня на плечах: ангел смеха и ангел слез. И их вечное пререкание – моя жизнь» (На Троицком мосту) [Розанов 1990: 62]. «Горе тем, которые постановляют несправедливые законы и пишут жестокие решения» (Ис. 10:1).

«Мир ловил меня, но не поймал» [Сковорода 1973: т. 2, 412].

Цитируемая литература

Анненков П. В. Литературные воспоминания (без. м. изд.). Гослитиздат, 1960.

Барабаш Ю.Я. 1994. Г.С. Сковорода и Н.В. Гоголь. – Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 53. № 5. С. 15-29.

Белинский В.Г. Избранное. М.: Моск. Рабочий, 1954. 551 с.

Воропаев В. Гоголь над страницами духовных книг: Научно-популярные очерки. М.: Макариевский фонд, 2002. 208 с. (Православные просветители России).

Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород. М.: Художественная литература, 1982а. 431 с.

Гоголь Н.В. Мёртвые души. Поэма. М.: Просвещение, 1982б. 253 с.

Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями. М.: Советская Россия, 1990. 432 с.

Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 17-ти т. Т.6. М., 2009.

Горланов Г.Е. Творчество М. Ю. Лермонтова в контексте русского духовного самосознания. М.: Моск. гос. обл. ун-т, 2009. 376 с.

Дружеский разговор о душевном мире Г.С. Сковороды. М., 1837. 94 с.

Золотусский И. П. Гоголь. М.: Молодая гвардия, 2005. 485 с.

Кононенко Т. П. Укraiносяжне мироощущенню I пониманию как философский источник творчества и самоидентификации личности: Г. Сковорода, Н. Гоголь, Т. Шевченко // www.info-library.com.ua.

Мережковский Д. С. М.Ю.Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // Мережковский Д.С. В тихом омуте. Статьи и исследования разных лет. М., 1991. С. 384.

Розанов В. В. О себе и жизни своей. М.: Московский рабочий, 1990. 876 с.

Сахих аль-Бухари. 1-е изд., В 2-х т. М.: Благотворительный фонд «Ибрагим Бин Абдулазиз Аль Ибрагим», 2002. – 472 с.

Сковорода Г.С. Сочинения: В 2-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1973. 511 с.

Сковорода Г.С. Сочинения: В 2-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1973. 486 с.
Шевченко Тарас. Кобзарь. М., 1993.
Шевченко Тарас. Повне зібрання творів в 10 томах, т. 1. Київ, 1951.

Канд. филол. наук Э.А.Лаврова (Орехово-Зуево)
lavrova_eal@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАССКАЗА «ПРО КОТА КОТОВИЧА» Е.ПОПОВА

Заглянуть в личную жизнь, протекающую на знаменитых советских кухнях, – любимое занятие Евгения Попова. В рассказе «Про Кота Котовича» речь идет об обыденном идиотизме, спровоцированном самим устройством общества, когда традиционный для отечественной литературы «маленький человек» вырождается окончательно в «мелкого человека» (если воспользоваться определением Л.М.Леонова).

Весь текст пронизан горькой иронией, характерной для постмодернизма (Далее используются ссылки на издание: Попов Е.А. Про Кота Котовича / Ю.В. Астафьев, В.А. Панюшкин // Русские цветы зла: сб. / Москва, 2002. С. 100-108.). Возьмемся на кухне два взрослых дядьки, тётка в ночнушке и соцартовский «пионер», выражающийся на клишированном «советском» языке, а в композиционном центре – огромный кот Васенька, несчастная жертва неудовлетворённых амбиций героев-мужчин. Всего несколько страниц текста, а перед читателем возникает четкая картинка – срез того общества, которого сегодня уже нет, но которое все еще живо...

В тексте не найдем многих деталей, привычных для любителей классического психологического произведения: портретных характеристик, подробного описания интерьера и др. Зато есть кое-что про одежду, и неслучайно, ведь это быстрый и оперативный способ построения психологического досье героя. С данной точки зрения можно оценить двух персонажей – Павлика и его мать. Сын – «рослый кудрявый стройный ребенок в черных сатиновых трусах и полной пионерской форме, состоящей из белой рубашки и красного галстука» [С. 104] при соответствующем комментарии автора – прямой соцартовский концепт «пионера». И действия его полностью обусловлены данной концепцией образа. У нее – ночная рубашка, что символизирует не столько время суток, сколько ее психологическое состояние: идёт ночь, а на кухне возня с котом, укору сына в адрес отца и т.д. До одеваний ли тут! Присутствие друга мужа, тем более сына, – не причина для одеваний. Что это – стресс или привычное состояние «культурного расслабления»? Конечно, второе!

Из особенностей невербального поведения (жесты, поза, мимика, контакт глаз и другие способы передачи определённой информации и отображения эмоций героев), позволяющий составить психологический портрет персонажа, стоит отметить «хлюпанье носом», «кряканье» центральных персонажей, пребывающих в депрессивном состоянии по поводу... Впрочем, повод найдется всегда.

Встречаемся мы с Канкриным и Гаригозовым в момент, когда друзья привычно «поправляют здоровье», рассуждая о дурости местных властей, дающих тепло в августе, об очень личном: « Это ж, это ж, ты понимаешь? Это ж ведь горько! Это – страшно! Разве я, к примеру, думал, что она сможет так поступить?» [С. 100]. И вдруг прорывается абсолютно трезвая мысль: «Ты пойми, ведь во многом мы сами виноваты. Понял? Потому что многое исправимо буквально легко, но нужно лишь не трястись и не вибрировать, а как-то взять себя в руки, что ли, понимаешь. Хозяином себя почувствовать, понимаешь, – своей судьбы, своей семьи, своей работы, своей страны, наконец» [С. 101]. И далее снижающая произвольную патетику фраза: «Ну, я тогда, однако, уж до конца разливаю, что ли?» [С.101]. Смешно? Скорее горько... Интеллект героев должен бы наличествовать (автор подчеркивает, пусть и с иронией, что у друзей высшее образование), но это интеллект ущербный, причем даже не пропитый (было бы что), а не сформированный. Оттого и откровения тонут в общей массе пьяной болтовни. А масса эта – огромна. Недовольство своей жизнью эти «маленькие люди» на грани нервного срыва, не нужные никому, кроме друг друга, жены и ребенка, сублимируют в расправу над Васенькой – «бедным котом громадных размеров» [С. 103]. Фраза: «Ваську нужно драть!» [С. 103] становится лейтмотивной. Это и чисто психологическая разрядка, и фиксация внутреннего состояния (их-то самих всю жизнь «дерут» – обстоятельства, условия жизни, устройство общества...).

Этот небольшой рассказ – свидетельство того, как талантливый прозаик умеет точно выстраивать текст, мотивируя на разных уровнях поведение героев их психологическим состоянием. Психоанализ в художественном произведении может быть «многостраничным», а может ограничиваться более чем скромным проявлением, но от этого не менее действенным.

Докт. филол. наук И.В.Приорова (Астрахань)
irinapriorova@yandex.ru

«ВЕСТНИЧЕСТВО» М.Е.САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА
В «РОЗЕ МИРА» Д. АНДРЕЕВА

«Роза мира» Д.Андреева отражает суть религиозного постмодернизма, потому никогда не утратит своей уникальности. Нереально возвышенная мистическо-поэтическая мечта, призывающая к совести и высоте духа, никого не поучает, но раскрывает альтернативу господствующим идеологемам и рисует непознанную возможность. Эта альтернатива особо ощутима в сравнении с идеологией М.Е. Салтыкова-Щедрина, творчество которого воспринималось всегда очень не однозначно и часто низводилось до уровня фельетониста, забавника, карикатуриста без каких-либо высоких идеалов и положительных стремлений. Однако, объективности ради, надо помнить, что сочинения писателя были объединены «стремлением к идеалу», который Салтыков обобщил для читателя XIX века в трех словах: «свобода, развитие, справедливость» («Мелочи жизни»).

Оценка, данная М.Е. Салтыкову-Щедрину Д. Андреевым, – краткая, но ёмкая, и никак не вяжется с уничижительной характеристикой «сказочника», создавшего «пустые фантазии», не имеющие ничего общего с действительностью: *«В русской литературе прошлого века имеется и ещё одно предсказание... В особенности, если учесть, что оно принадлежит перу автора, от метаисторических представлений и чувств далёкого»* [Андреев, 1992, с. 215]. Не усматривая мессианства Салтыкова-Щедрина, Д. Андреев в «Розе мира» всё же в буквальном смысле «зацитировал» «Историю одного города», делая вопрос о мистических прозрениях художника спорным и доказывая, что в виде Угрюм-Бурчеева Салтыков пророчески изобразил Сталина: *«Это мужчина среднего роста, с каким-то деревянным лицом, очевидно никогда не освещавшимся улыбкой. Густые, стриженные под гребенку и как смоль черные волосы покрывают конический череп и плотно, как ермолка, обрамливают узкий и покамый лоб... Вся фигура сухощавая с узкими плечами, приподнятыми кверху, с искусственно выпяченною вперед грудью и с длинными, мускулистыми руками. Одет в военного покроя сюртук, застегнутый на все пуговицы...»* [Андреев, 1992, с. 215].

Аргументы в пользу вестничества Салтыкова у Д. Андреева сводились к тому, что *«Вестник – это тот, кто... дает людям почувствовать сквозь образы искусства...высшую правду и свет, льющиеся из миров иных. Пророчество и вестничество – понятия близкие, но не совпадающие. Вестник действует только через искусство; пророк может осуществлять свою миссию и другими путями – через устное проповедничество, через религиозную философию, даже через образ всей своей жизни. С другой стороны, понятие вестничества близко к понятию художественной гениальности, но не совпадает также и с ним... многие вестники обладали не художественной гениальностью, а только талантом»* [Андреев, 1992, с. 174].

В «Розе мира» на фоне андреевских метафизических понятий (*уицраоры* – хищные демоны государственности; *синклит* – пространство просветленных душ в метакультуре; *Навна* в значении богорожденной монады, идеальной сборной души российской метакультуры, Небесной России) корреляции с *щедринским* приземлённым описанием человеческой порочности на первый взгляд представляются весьма парадоксальными. Однако утверждение Пруста о том, что *шедевры написаны на своего рода иностранном языке*, вполне оправдывает язык, которым пользуется Андреев. Сознательно прибегая к пра-языку великой древней традиции, восходящей к санскриту, от которого разошлись по разным странам «местные веры» и который, по его убеждению, когда-нибудь опять соберет человечество воедино, Д. Андреев «отсылает» к Щедрину, если речь заходит о человеческом пороке: *«...восстает чистейший тип **идиота**, принявшего какое-то мрачное решение и давшего себе клятву привести его в исполнение. **Идиоты** вообще очень опасны, и даже не потому, что они непременно злы (в **идиоте** злость или доброта – совершенно безразличные качества), а потому, что они чужды всяким соображениям ...Это просто со всех сторон наглухо закупоренные существа, которые ломают вперед, потому что не в состоянии*

сознать себя в связи с каким бы то ни было порядком явлений...» [Салтыков-Щедрин, 1981, с.115].

К сожалению, в отличие от «спорной» реалистичности Салтыкова, опирающейся на эзопов язык в изображении порочности, но имеющей своё место в истории русской классической сатиры (Фонвизин, Гоголь), наблюдается полное отсутствие развития идей Д.Андреева в отечественном искусстве. Описанные *видения* из «Розы мира» не продолжены ни в литературных жанрах, ни в живописи, ни в кинематографии, хотя очень образны. Следует признать, что Андреев писал в своём «веке-звере» о таком состоянии, которое и в нынешнем веке чревато для человечества *апокалипсисом* или *раем* в одинаковой степени. Мы и сегодня имеем дело с «неактуализированной актуальностью», которую Д. Андреев объяснял тем, что *наше сердце в большей мере предуготовано Господом к принятию благодати, нежели наш разум – к познанию*. Однако синкретический метод Андреева как прогресс познания, раскрывающий тайну бытия, освобождающий от рационализации, сводящий реальность к идее и несущий в поэтической форме весть о непостижимом и невероятном, был перпендикулярен тому, что проповедовала тогда эпоха. В этом отношении творчество Салтыкова-Щедрина имеет такой же «перпендикуляр» к своей эпохе, как и творчество Д.Андреева к своей.

Литература

Андреев Д.Л. Роза мира, – М.: Изд-во «Товарищество «Клышников-Комаров и К*», 1992. 387 с.

Сочинения: Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений и писем. В 20 тт. М., 1965-1981.

Даниил Андреев: Pro et contra. Личность и творчество Д. Л. Андреева в оценке публицистов и исследователей. Составитель Г. Садиков-Лансер. – СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2010. 1180 с.

Докт. филол. наук Л.А.Сергеева (Уфа)
sergeevala@list.ru

ОСОБЕННОСТИ ОТОБРАЖЕНИЯ РЕФЕРЕНТНОЙ СИТУАЦИИ В РАССКАЗАХ А.П.ЧЕХОВА

Художественная коммуникация включает два ряда процессов – опосредованное общение автора и читателя и общение персонажей художественного произведения. Изучение первого аспекта предполагает обращение к авторским интенциям и процессам интерпретативного сотрудничества автора и читателя, в то время как анализ второго связан с исследованием вербального и невербального поведения литературных героев. Однако и в том и в другом случае исходной точкой анализа для лингвиста является текст, на основе анализа которого он должен, по словам В.В. Виноградова, «найти или увидеть замысел» произведения. Для этого одинаково важен анализ как референтного, так и коммуникативного плана текста.

Референтный план служит для развертывания сообщения о предмете речи или развития события (ситуации), и его анализ способствует пониманию читателем содержания, а в дальнейшем и интерпретации художественного текста.

В художественном тексте событие выступает в трёх «ипостасях»: как референтное событие, как идея-событие и, наконец, как текстовое событие [Демьянков 1983, с. 321]. Референтное событие – это реальное или вымышленное (что свойственно художественному произведению) событие, изображённое в тексте. Текстовое событие может по-разному представлять течение референтных событий: в их реальном следовании или в обратном порядке (с возвращением к началу), в полном соответствии с логикой вещи или с пропуском важных сведений и описанием противоречивых деталей и т.п. Вследствие этого персонажи (и читатель вместе с ними) выбирают то одну, то другую гипотетическую интерпретацию события, т.е. соотносят текстовое событие то с одной идеей-событием, то с другой.

Так, в рассказе «Ночь на кладбище» персонаж Иван Иванович вспоминает самое страшное событие в его жизни, когда он, будучи в состоянии сильного опьянения, понял, что находится на кладбище, *«на могильной плите»*. Он рассказывает *«барышням»*, как слышал шаги, которые *«для человека были слишком тихи и мелки»*, *«ужасный, могильный, тянущий за душу вой»* <...> и как наконец *«холодная, костлявая рука тяжело опустилась ...»* на его плечо, после чего он потерял сознание. <...> Далее рассказчик сообщает сгорающим от нетерпения барышням неожиданную деталь: *«Очнулся я в маленькой комнате...»* Но едва слушательницы успевают перевести дух, как вслед за этим идет новый неожиданный поворот события, как бы возвращающий слушателей на кладбище: рассказчик сообщает, что *«в комнату едва пробивался свет сквозь единственное решетчатое окошечко»* и он *«подумал»: «...Значит, меня мертвецы к себе в склеп затащили»*. И лишь в финале рассказа мы узнаем, что протрезвевший Иван Иванович услышал человеческие голоса и до его сознания дошло, что он попал в полицейский участок, что взяли его у *«монументальной лавки»*, *«где памятники и кресты выставлены»*, а около него выл чей-то пес. По мере рассказа персонажа у барышень и читателя (как ранее и у персонажа, попавшего в данную ситуацию) возникают разные идеи относительно той ситуации, где он был, и о том, что могло с ним случиться на самом деле.

Прогнозированию идей-событий могут способствовать знаки заглавия, при этом означение динамической ситуации (референтного события) осуществляется с помощью слов с событийной семантикой, что объясняется их способностью означать свернутую пропозицию, например *«Случай из судебной практики»*, *«Свадьба»* и т.п. Понимание содержания заголовка чаще всего основано на стереотипных представлениях читателя, например, знаниях о черном монахе (*«Черный монах»*), об отношениях в женском коллективе (*«Бабье царство»*) о том, как протекает ссора (*«Ссора»*), о том, что может произойти поздно вечером (*«После театра»*) и т.п. Однако А.П.Чехов часто разрушает эти стереотипы – возникает *«эффект обманутого ожидания»*, а также желание вернуться к заглавию и по-новому его осмыслить. Так, один из рассказов А.П.Чехова имеет

название «Невеста», что позволяет читателю прогнозировать идею-событие «свадьба», однако героиня замуж не выходит: она становится новым человеком.

В результате моделирования ложной идеи-события персонажем или (и) читателем наблюдается так называемое «искажение референции» (термин Б.В. Катаева) – довольно частый авторский прием изображения референтного плана текста. Искажение референции в рассказах А.П.Чехова имеет глубокий смысл: неверно понятая, «искажённая» в сознании персонажа ситуация может оказаться наиболее «правильным» о ней представлением. Например, в рассказе «Кухарка женится» события сватовства и свадьбы увидены глазами семилетнего ребенка, который не понимает сути происходящего, но чувствует драматизм ситуации: ему *«стало горько... страстно, до слез захотелось приласкать эту, как он думал, жертву человеческого насилия (невесту – Л.С.)»*. И он недалёк от истины: рыдающую кухарку, выдаваемую замуж по прихоти барыни за человека, которого она впервые видит, ждёт незавидное будущее, которое госпожа обрисовала ей достаточно четко. Можно ли назвать это событие «женитьбой» или это все-таки акт человеческого насилия, как думает семилетний Гриша, – вопрос для читателя остается открытым.

Характеризуя особенности изображения А.П.Чеховым референтной ситуации в целом, С.Мозэм очень точно подметил: «Нельзя применить к рассказам Чехова банальное выражение «кусочек жизни», потому что кусочек отрезается от целого, а у нас при чтении их возникает совершенно противоположное чувство: скорее, это большая сцена, на которую вы смотрите сквозь пальцы: при этом видна только часть ее. Но вы знаете, что действие происходит в других местах, которые вам не видны» [Мозэм, 1966, с. 140]. Не случайно большую роль в его произведениях играет подтекст – «не выраженный вербально, отличный от непосредственно воспринимаемого при чтении фрагмента текста смысл, восстанавливаемый читателем на основе соотнесения данного фрагмента текста с предшествующими ему текстовыми фрагментами как в рамках данного текста, так и за его пределами...» [Текст и подтекст..., 2011, с. 7].

Условием создания подтекста является имплицитность – одно из важнейших категориальных свойств художественного текста. Сознательный перевод автором части информации в сферу имплицитного отмечается в умолчании – обороте речи, в котором автор сознательно оставляет мысль недосказанной, например: *«Свидание хотя и состоялось, но...»* (название рассказа). Умолчание в данном случае повышает читательский интерес, вызывая в нем желание прочесть рассказ. Однако умолчание может использоваться и как элемент фабулы рассказа, в этом случае оно отмечается не только вербально, но и знаками композиции, например, третья часть рассказа «Живой товар» начинается после знака рубрикации словами: *«Прошло несколько месяцев»*. Указание на временной промежуток открывает широкие возможности для интерпретации читателем того, что происходило за эти месяцы и позволяет уже иначе оценить уже известные ему события. Иногда автор сознательно подчеркивает факт умолчания – эти места текста оказываются особенно важными для понимания его смысла. Так, в конце первой части рассказа «Брак по расчету» он пишет: *«Наступает ночь. Благовоспитанный автор надевает на свою фантазию крепкую узду и*

накидывает на текущие события темную вуаль таинственности». Но эта «вуаль» спадает очень быстро: «еще нет и восьми часов утра», а разгневанного жениха, который уверял, что женился «по любви», уже ведут в полицейский участок. Оказывается, его «обсчитали»: за невестой обещали тысячу, а дали девятьсот. Что произошло дома, может понять и оценить сам читатель.

Безусловно, подавляющее большинство деталей референтной ситуации не является релевантным для её интерпретации. Как писал Т.А. Ван Дейк, «... вряд ли может случиться так, что моя интерпретация будет зависеть от того, рыжие ли у кого-либо волосы или нет (подобная зависимость имеет место лишь в том случае, когда эта ситуационная деталь окажется тематизированной). <...> Участник коммуникации должен фокусировать внимание на специальных особенностях <...> ситуации, которые могут оказаться полезными для правильного понимания не только значения / референции, но и прагматических целей / интенций» [Дейк, 1989, с. 19]. Читатель должен сфокусировать свое внимание на тех деталях референтной ситуации, отображенных в текстовой ситуации, которые создают «точки контакта автора и читателя» (С.Ю. Воробьева) и являются «маркерами имплицитности», т.е. текстовыми подсказками в его интерпретации. Например, читая рассказ «Попрыгунья», он должен обратить внимание на свои и чужие этюды в рамках и без рам, которыми увешаны все стены и красивую тесноту вокруг рояля в зале Ольги Ивановны. Перечисленные выше так называемые психологические детали свидетельствуют о том, что героиня, которая позиционирует себя как художник и музыкант, лишь создает видимость работы с этюдами и к роялю подходит редко. Сообщает нам об этом лексема *теснота* благодаря явлению «мерцания значений» (термин Г.Стерна), при котором два или более значений присутствуют в употреблении слова одновременно и попеременно обнаруживают себя, т.е. «мерцают». В данном употреблении мерцают значения 'скопление кого-, чего-л. на малом пространстве' и 'недостаточность или отсутствие простора' (а в таких условиях рояль не звучит). В результате «красивая теснота» – не оценка хорошего вкуса героини, а психологический штрих к ее образу.

Помимо деталей, важным для создания правильной интерпретации текстовой ситуации является учет фактора прецедентности. Обращение к прецедентному тексту осуществляется через связанные с ним указания и символы: имена персонажей, цитаты, детали ситуации, которые актуализируют данный прецедентный текст, а заимствованные фрагменты «чужих текстов» становятся основой построения дискурса, например: «Кому угодно знать, как начинается любовь, то пусть читает романы длинные повести, а я скажу только немного и словами всё того же глупого романса: «Знать, увидел вас я не в добрый час...» («Шампанское»). Оценочные лексемы *глупый* и *добрый* проецируют оценку ситуации, в которой оказался персонаж рассказа.

Если читатель не знаком с прецедентной ситуацией, с которой связан текст и которая моделирует текстовую ситуацию, он не поймет смысла произведения. Так, незнание текста Евангелия не позволит понять, кто именно назван учителем в рассказе «Учитель», или незнание прецедентной ситуации из романа А.С.Пушкина «Евгений Онегин» ограничит интерпретативные возможности

читателя при оценке текстовой ситуации «Рассказа неизвестного человека» и т.п.

При моделировании текстовой ситуации автор может допускать искажение прецедентной референтной ситуации. В результате фраза: *«Иду искать по свету, где оскорблённому есть сердцу уголок...»* – отнюдь не свидетельствует о глубине «оскорбленного чувства», как у Чацкого. Ее продолжение: *«О, женщины, женщины! Впрочем, все бабы одинаковы!»* – думал он, шагая к ресторану «Лондон» (*«О, женщины, женщины!..»*) – позволяет читателю дать в известном смысле противоположные оценки чувствам персонажа.

Таким образом, можно говорить о существовании интенций самого текста как средства против его ложных интерпретаций, которые могут быть выражены в отборе фактов, тематических линиях, в организации текста, представленных точках зрения персонажей и т.п. В результате интерпретации выявляется произведение – содержание, которое «производится» читателем при осмыслении текста и которое обусловлено не только его содержанием, но и жизненным опытом, ценностными установками читателя. В процессе этого про-изведения «читатель стремится через собственные субъективные оценки, через осознание включенной в текст информации найти объективную правду» [Третьякова, 2002, с. 38-41]. Побуждением к поиску этой «правды» во многом способствует тот факт, что рассказы писателя часто остаются «открытыми» – в их финале степень имплицитности может не уменьшаться, а, напротив, увеличиваться. Тем самым автор апеллирует к сознанию читателя, желая заставить его самого сделать соответствующие выводы.

Искажение референтной ситуации и тематизация ее деталей, во многом обуславливающие уникальность художественного мышления великого писателя, несут важную смысловую и прагматическую нагрузку. Они прежде всего позволяют автору воздействовать на читателя, изменять его взгляды и отношение к действительности и тем самым решать важнейшую стратегическую задачу создания художественного дискурса.

Литература:

Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1989.

Демьянков В.З. «Событие» в семантике, прагматике и координатах интерпретации текста. – Изв. АН СССР. Сер. Лит. и яз. 1983. Т. 42. № 4. – С. 320-329.

Катаев В.Б. Проза А.П. Чехова: проблемы интерпретации. – М., 1979.

Моэм С. Заметки о творчестве // Вопросы литературы. 1966. № 4. – С. 138-142.

Текст и подтекст: поэтика эксплицитного и имплицитного. Матер. междунар. научн. конф. 20-22 мая 2010 г. ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН. – М.: Издат. центр «Азбуковник», 2011.

Трещалина И.В. Языковая личность персонажа в прозе А.П. Чехова конца 80-х – начале 90 годов: Лексико-семантический аспект. – Дисс. ... канд. филол. наук. – Тверь, 1998.

СЕВЕРЯНИНСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В ПОВЕСТИ В.В.НАБОКОВА «ВОЛШЕБНИК»

В данной статье мы намерены доказать следующие тезисы: 1) в повести «Волшебник», кроме явного, имеется скрытый сюжет – о том, как поэту не удалось воплотить свой замысел, он потерпел провал, не справился с языком; 2) вычитать скрытый сюжет позволяют реминисценции из И. Северянина; 3) главный персонаж повести не ювелир, не оценщик драгоценных камней и украшений с ними, он художник.

В повести «Волшебник» обращает на себя внимание большое количество окказионализмов: *эхтышалунья, упорчив, многокольчатый (сон), уголковатее, многостремнинное (тело), русость, свою-не-свою (руку), этуанс, этудверь, этусубть, руплегрохотный, ухтымышь, рвякай хрупь*. Они указывают на рефлексию в ней В.В. Набоковым поэтического мира И. Северянина.

Хрупь – это цитирование северянинского окказионализма. «Снежеет дружно, снежеет нежно,/ Над ручейками хрусталит хрупь./ Куда ни взглянешь – повсюду снежно,/ И сердце хочет в лесную глубь.// Мне больно-больно... Мне жалко-жалко.../ Зачем мне больно? Чего мне жаль?/ Ах, я не знаю, ах, я – фиалка,/ Так тихо-тихо ушла я в шаль.// О ты, чье сердце крылит к раздолью,/ Ты, триумфатор, ты, властелин!// Приди, любуйся моей фиолью – /Моей печалью в снегах долин.// О ты, чьи мысли всегда крылаты,/ Всегда победны, внемли, о ты:/ Возьми в ладони меня, как в латы,/ Моей фиолью святя мечты!..» (И. Северянин, «Фиалка»). Значение окказионализма у обоих авторов одинаковое: оно связано с попыткой ухватить красоту и представить её читателю, которая не всегда оказывается удачной, для героя повести «Волшебник» она не стала таковой. Хрупь, фиалка, фиолетовый, сиреневый цвет, сирень у обоих авторов (И. Северянин изобретает ещё слово фиоль) – символы другого измерения, «других берегов», – создаваемого поэтами в художественном произведении мира.

И. Северянин, будучи эгофутуристом, одной из своих задач провозгласил «создание осмысленных неологизмов» [Шаповалов, 1997, с. 59]. Для его словотворчества типичны сложные слова [Викторова, 2002] – В.В. Набоков тоже создаёт их в «Волшебнике»: *многокольчатый (сон), многостремнинное (тело), руплегрохотный*, но у него преобладают окказионализмы, образованные способом сращения: *эхтышалунья, ухтымышь, этудверь, свою-не-свою (руку)*. Окказионализм «многостремнинное» отсылает к автобиографическому роману И. Северянина в стихах «Падучая стремнина». Слово стремнина многозначное: 1) место в реке с бурным течением, 2) глубокое ущелье. Стремниной, водопадом, не просто рекой, И. Северянин называет свою жизнь, но это слово имеет в романе и другое значение: впервые оно употребляется, когда поэт встречается с соблазнительницей, с которой он изменяет Злате; слово стремнина выступает символом сладострастия, провала. В «Волшебнике»

многостремнинным названо тело вдовы, «особы», на которой женится герой. Многокольчатый образовано сложением слов «много» и «кольчатый». Кольчатый – состоящий из колец, расположенный кольцами, это прилагательное входит в термины-названия животных и растений: кольчатый шалфей, кольчатый шелкопряд, голубой кольчатый осьминог. Многокольчатый – плеоназм, гипербола кольчатого. Хотя окказионализм создан излюбленным И. Северяниным способом, кольцо – типично набоковский символ: изображённый в его произведениях мир заключён в кольцо, отдельные составляющие этого мира заключены, в свою очередь, в кольца, кольцо – указатель другого измерения, созданного художником мира. В романе «Другие берега» значение поэзия, литература, творение художника у выражения «другие берега» вычитывается из текста произведения [Труфанова, 2015]. В «Волшебнике» данное выражение появляется дважды. Будучи гимназистом, герой повести был репетитором сестры одноклассника, от близости шерстяного платья которой для него «всё передвигалось в другое измерение» [Набоков, 2003, с. 45]. Убегая из гостиницы в конце повести, герой, *«ощущая босоту уже как провал в другое, понёсся по пепельной панели, преследуемый топотом вот уже отстающего сердца, и самым последним к топографии бывшего обращением было немедленное требование потока, пропасти [т.е. стремнины – И.Т.], рельсов – всё равно как – но тотчас»* [Набоков, 2003, с. 81]. При сообщении об этом провале в другое повествуется не о жизни персонажа, а, скорее, о художественном тексте: *«всё было кончено, и любым изворотом, любым содроганием надо было тотчас отделаться от ненужного, досмотренного, глупейшего мира, на последней странице которого стоял одинокий фонарь с затушёванной у подножья кошкой»* [Набоков, 2003, с. 81]; *«гимнастика молнии, стектограмма громовых мгновений – и плёнка жизни лопнула»* [Набоков, 2003, с. 81]. Миг, мгновение – это атрибуты северянинской поэтики [Викторова, 2002].

Сиреневый цвет у В.В.Набокова – символ божественного присутствия, цвет бога Диониса [Труфанова, 2011а, 2012а, 2012б], символ совершенства, художественного творчества, любви [Труфанова, 2011б, 2013, 2014], в том числе греховной [Труфанова, 2011б]. У И. Северянина этот цвет тоже из любимых [Дмитриева, 2003, с. 147; Викторова, 2002] и тоже символизирует поэзию, творчество, с другой стороны, негу, упоение жизнью и сладострастие. Сирень – одно из частотных слов в поэзии И. Северянина. Она входит в число ценностей И. Северянина [Паутова, 2006, с. 14]. Помня об открытом Ю.Н. Тыняновым [Тынянов, 1965, с. 77–194] свойстве слов в стихотворной строке, дополненным открытым Н.В. Павлович [Павлович, 1982, с. 4] свойством слов в одинаковых стиховых позициях (рифмующиеся слова, завершающие строфы, стоящие в середине рифмующихся или смежных строк и т.п.) заражать друг друга своими значениями, мы убедимся в истинности приведённого выше утверждения. *«Сирень – сладострастья эмблема, В лилово-изнеженном крене/ Зальдись, водопадное сердце, в душистый и сладкий пушок»* («Мороженое из сирени»). Мороженое из сирени – не лакомство, это поэзия, поэтому «пора популяризировать изыски, утончиться вкусам народа» («Мороженое из сирени»). Водопадное сердце

отсылает к жизни-стремнине. «*Мои стихи – мою сирень/ Ещё вдохнёт моя Россия*» («Три периода»). В стихотворении «Фиолетовое озерко» И. Северянин рисует страну сирени – страну грёз, любви, мечты. Сирень, фиалка – это символы утопии, создаваемой И. Северянином в стихах [Викторова, 2002]. «*Сегодня я плакал: хотелось сирени*» [“Catre-postale”]. «*Я выпил грёз фиалок фиалковый фиал*» («Фиолетовый транс»). «*Отныне плащ мой фиолетов*» («Рескрипт короля»). О поэтическом мире М. Лохвицкой он тоже говорит как об официальном: «*Официалчен и олилиен озерзамок Мирры Лохвицкой*» («Поэзоконцерт»). Утопически прекрасную страну Ойле, созданную в стихах Ф. Сологубом, И. Северянин видит фьоловой: «*дымится снег голубо-фьоловый*» («Ойле»). Фиалка используется И. Северянином и тогда, когда он говорит о западноевропейской поэзии: «*О фиалке грезил запад,/ Отразив её темно*» («Ничего не говоря»).

Литературоведы спорят о профессии героя повести «Волшебник»: ювелир или оценщик ювелирных украшений [Долинин, 2003, с. 20–21]? Он ещё и поэт. «*Кроме принцессы – аккорды лиры,/ Венки созвучий и ленты лье,/ А мы эстеты, мы – ювелиры,/ Мы ювелиры таких колье (...)/ Колье принцессы – мои стихи (...)/ Но кто принцесса, но кто же та – / Кому все гимны, кому все мессы?/ Моя принцесса – моя мечта!*» («Увертюра»). Синоним слова мечта – видение. У И. Северянина сирень – видения, художественные вымыслы. «*Ветер ворвался в окно – / Ветер весенний, / Полный сирени... / Мы не видались давно, – / Ветер ворвался в окно, / Полный видений...*» [«Ветер ворвался в окно»]. О главном герое «Волшебника» говорится, что он «*оценщик граней и игры*» [Набоков, 2003, с. 54]. И. Анненский в таких выражениях описывает поэта: «*И грани ль ширишь бытия, / Иль формы вымыслом ты множишь*» [И. Анненский, «Поэту»].

В XVIII–XIX, на рубеже XIX–XX вв. считали, что сила генетической памяти сопрягает сад с представлением об Эдеме, поэтому сад воспринимался как копия райского сада, он разбивался так, чтобы усладить зрение, слух, обоняние и вкус, растения подбирались таким образом, чтобы цветение и ароматы одних, закончившись, сменялись цветением и ароматами других [Дмитриева, 2003, с. 140]. Для В.В. Набокова сирень, фиалка, аденома важны своим цветом, для И. Северянина ещё и запахом. Запахи в усадьбе выполняли следующие функции: они служили пробуждению нравственности и глубокой чувствительности в человеке, обретению им гармонии с природой и самим собой, способствовали поэтической медитации, выступали стимулятором самого творческого процесса [Дмитриева, 2003, с. 157]. Художественная литература отразила эти функции. В эмигрантской прозе запахи усадьбы – единственная возможность физически вернуться в прошлое, существующее более в памяти и воображении, чем в реальности, это возвращение и есть обретение утраченного рая [Дмитриева, 2003, с. 137]. Наличие запахов в садах традиционно увеличивало ощущение защищенности места [Дмитриева, 2003, с. 165]. Вспоминая усадьбу своего детства, И. Северянин писал: «*В своих мечтах я вижу Суду/ И дом лиловый, как сирень*» [«Элегия»]. Но функции запахов амбивалентны. В конце XVIII в. принц де Линь утверждал, что садовые запахи могут содействовать оболъщению [Дмитриева, 2003, с. 136].

Фиолетовый и лиловый цвета появляются в повести «Волшебник» только в описаниях девочки или при упоминании о ней. *«Но тут-то взвивается занавес. Девочка в лиловом, двенадцати лет (определял безошибочно), торопливо и твёрдо переступая роликами, на гравии не катившимися, приподнимая и опуская их с хрустом, японскими шажками приближалась к его скамье сквозь переменное счастье солнца (...)*» [Набоков, 2003, с. 46]. *«Она (...) устремилась прочь (...), мелькая, мелькая, смешиваясь с родственной ей игрой света под лилово-зелёными деревьями»* [Набоков, 2003, с. 46]. Обратим внимание на то, что девочка родственна игре света. *«Вопреки чувству самосохранения, тайный ветер относил его в сторону, линия его пути, задуманная в виде прямого пересечения, отклонялась вправо, к деревьям, и, хотя он по опыту знал, что ещё один кинутый взгляд только обострит безнадежную жажду, он совсем повернул в переливающуюся тень, исподлобья выискивая фиолетовый блик среди инакоцветных. На асфальтовой аллейке всё рокотало от роликов, а у края панели шла частная игра в классы, – и, в ожидании своей очереди, отставя ногу, скрестив горящие руки на груди, наклонив мреющую голову, вея страшным каштановым жаром, теряя, теряя лиловое, истлевающее под страшным, неведомым ей взглядом...»* [Набоков, 2003, с. 47]. Почему девочка теряет лиловое под взглядом персонажа, если это цвет её одежды? Он покупает ей в подарок коробку глазированных фиалок в сахаре [Набоков, 2003, с. 52]. Один раз девочка названа опаловой [Набоков, 2003, с. 50]. Опал бывает фиолетового цвета. Перед свадьбой волшебник дарит вдове такой опал: *«вытряхнул на поверхность из замшевого мешочка чудный неотшлифованный камешек, как бы отсвечивающий снутри розовым огнём сквозь винную синеватость»* [Набоков, 2003, с. 56], символизирующий девочку – дочь вдовы. В середине рассказа лиловый цвет в одежде девочки исчезает, его сменяют коричневый и чёрный (тоже цвет Диониса), и появляется вновь в конце, когда волшебник пытается ухватить орущую девочку, но не может, *«некого, не за что, теряла вес»* [Набоков, 2003, с. 80], успокаивая её, он кричит *«толчку, точке, несуществующему»* [Набоков, 2003, с. 80]. Фантастическая получается картина. Чего же хочет волшебник, девочкой ли он хочет овладеть? Говорит он о своих желаниях в таких выражениях, в каких говорят об эстетических категориях прекрасного, красоты: *«Вожделением ли было то мучительное чувство, с которым он её поглощал глазами, любуясь её разгорячённым лицом, собранностью и совершенством всех движений (особенно когда, едва успев оцепенеть, она разбежалась, стремительно сгибая крупные колени), – или это была мука, всегда сопровождающая безнадежную жажду добиться чего-то от красоты, задержать её, что-то с ней сделать, – всё равно что, но только бы войти с ней в такое соприкосновение, которое как-нибудь, всё равно как, жажду бы утолило?»* [Набоков, 2003, с. 48]. Девочка дважды преподносится как изображённая на картине. *«Бесценный оригинал: спящая девочка, масло»* [Набоков, 2003, с. 78]. *«Курчаво-седая старуха с ореховым от загара лицом» «мимоходом полюбовалась на эту усталую красивую девочку, которая, в покорной позе нежной жертвы, темнелась платьем на охре»* [Набоков, 2003, с. 74]. Дважды волшебник

сравнивается с осьминогом. У славян осьминог – животное бога, создавшее твердь земную из морской пучины. Восемь у древних славян – число бога. В математике восьмёрка, лежащая на боку, – символ бесконечности. В странах Средиземноморья осьминог наделялся символическими значениями спирали, дракона, водоворота (стремнины – И.Т.), солнца, встающего (рождающегося) из морской бездны (небытия), зарождения жизни, грома, но также олицетворял ворота ада. Так как он связан с фазами луны, спиралями времени, осьминог выступал символом вечности. У него три сердца, поэтому он символизировал бессмертие. В.В.Набоков интересовался мифологией разных народов, разными религиями, ему было известно, что в Китае осьминог символизировал центр вселенной и начало творения. Для повести «Волшебник» актуальны все перечисленные значения, хотя в разной степени, в их иерархии значение начала творения занимает самое высокое положение. Осьминог появляется в «Волшебнике», когда герой разрабатывает замысел своего предприятия. *«„Дело в том, – продолжал он без запинки, – что мне как раз не хватает кое-чего в смысле обстановки. Полагаете ли вы, что будет и удобно, и прилично, если я...” – конца фразы он не помнил, но досочинил её весьма ловко, уже свыкшись с вычурным стилем ещё не совсем понятного многокольчатого сна, с которым он так смутно, но так плотно сплёлся, что, например, не знал, чьё это, что это – часть собственной ноги или часть спрута»* [Набоков, 2003, с. 50]. У И. Северянина сон – состояние творящего стихи поэта [Викторова, 2002; Шаповалов, 1997, с. 73]: *«Мои стихи – туманный сон./ он оставляет впечатленье.../ Пусть даже мне неясен он (...)/ Пусть сна поэта не поймут, –/ Его почувствуют, не думая»* («Prelude II»). *«И случилось ночью, когда всё стихало (...), он ложился навзничь и вызывал единственный образ, и, восьмью руками оплетая улыбающуюся добычу, осмью щупальцами присасываясь к её подробной нагоде, наконец исходил чёрным туманом и терял её в черноте, а чёрное расплзлось сплошь, да всего лишь было чернотой ночи в его одинокой спальне»* [Набоков, 2003, с. 64]. Уже на этапе замысла волшебник терпит неудачу: об этом говорит чернота ночи в его спальне, тогда как чёрный цвет у В.В.Набокова символизирует хаос, являющийся не только источником творения, но и «тьмой, в которую хочется вернуться, тьмой, скрывающей, принимающей вновь уже состоявшееся творение» [Манджиева, 2009, с. 153], так как «первозданная тьма как источник творения осваивается и выявляется путём выражения и оформления её внутреннего сокрытого состава не только постепенно, но и постоянно» [Манджиева, 2009, с. 151].

О. Кустов, размышляя о том, что делает поэт, в частности И. Северянин, пишет: *«Хочется подойти и дотронуться до этого, казалось бы, неосязаемого бытия, но не стоит спешить – едва дотронувшись, мы ощутим грубую реальность бесформенного. Трагедия нашей жизни: как подойти самому и подвести к таким вещам (...), как добро, красота и любовь. Они всегда вне нашей досягаемости»* [Кустов, 2003]. Более того, продолжает он, любая «вещь, присутствуя здесь, рядом с нами, остаётся такой же бесконечно далёкой и недостижимой, как синева небес и отражение звёзд в ночном заливе (...) Можно только преклонить колени перед этой сказочной освещённостью

вещного мира (...) есть что-то непредсказуемое и не до конца понимаемое нами в каждом со-бытии, в постижении и озарении времени и пространства» [Кустов, 2003]. Волшебнику не удалось его творение, в конце он оказывается перед грубой реальностью бесформенного. О. Кустов утверждает, что поэт творит язык, который передаёт «сказочную освещённость вещного мира». Окказионализмы в повести «Волшебник» появляются в начале при изобретении замысла и преобладают в конце, когда автор потерпел провал, его творение не состоялось, выступая знаками этого провала.

В повести дважды употребляется число 25. Столько лет герой мечтал о девочке, двадцать пятого апреля вдове сделали первую операцию. Два – символ противоречия, единства противоречий: если есть прекрасное, есть и безобразное, если есть добро, есть и зло. Пять – символ совершенства. Вместе они обозначают тот факт, что персонаж не овладел совершенством.

Цитируемая литература

Анненский И.Ф. Стихотворения и трагедии. – Л.: Сов. писатель, 1990.

Викторова С.А. Игорь Северянин и поэзия серебряного века (творческие связи и взаимовлияния): дис. ... канд. филол. наук. – Ярославль, 2002.

Дмитриева Е.Е. Запахи в усадьбе // Ароматы и запахи в культуре. – М.: Новое лит. обозрение, 2003. – С. 134–166. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.art-perfume.ru/library/homestead.html>

Долинин А. Истинная жизнь писателя Сирина: после «Дара»// Набоков В.В. Русский период. Собр. соч.: В 5 т.: Т. 5. – СПб.: Симпозиум, 2003. – С. 10–39.

Кустов О. Паладины: Экзистенциальные эссе серебряного века русской поэзии. – Гл. 4. И. Северянин // Самиздат. – 2003 // [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://spintongues.msk.ru/kustov_paladins4.html

Манджиева Б.В. Космогонический миф и его компоненты в индивидуальной мифологии В.В. Набокова: дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2009. – 223 с.

Набоков В.В. Волшебник // Набоков В.В. Русский период. Собр. соч.: В 5 т.: Т. 5. – СПб.: Симпозиум, 2003. – С. 40–81.

Павлович Н.В. Семантика оксюморона: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1982.

Паутова О.А. Творчество Игоря Северянина: аксиологический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2006.

Северянин И. Соч.: В 5 т. / Сост. и подгот. текста, вступит. ст. и коммент. В. Кошелева и В. Сапогова. – СПб.: Logos, 1995–1996.

Труфанова И.В. Миф о Дионисе в романе В.В. Набокова «Дар» // European Social Science Journal. – 2014. – № 7. – Т. 2. – С. 215–227.

Труфанова И.В. Миф о Дионисе в романе В.В. Набокова «Отчаяние»// Актуальные вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: материалы междунар. заочной науч.-практ. конф. (10 сент. 2011 г.). – Новосибирск: Априори, 2011а. – С. 59–69.

Труфанова И.В. Миф о Дионисе в романе В.В. Набокова «Король, дама, валет» // European Social Science Journal. – 2012а. – № 1. – С. 245–256.

Труфанова И.В. Миф об Икаре и Дионисе в романе В.В. Набокова «Камера обскура» // European Social Science Journal. – 2012б. – № 2. – С. 221–229.

Труфанова И.В. Символика лилового цвета в романах В.В.Набокова «Отчаяние» и «Лолита» // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: Материалы XI-й Междунар. науч. конф./ Отв. ред. проф. А.В. Пузырёв. – М.: ИЯз РАН; Ульяновск: УГУ, 2011б. – С. 208–216.

Труфанова И.В. Сиреневый цвет в автобиографиях В.В. Набокова // Текст, интертекст, гипертекст: актуальные проблемы. – Волгоград, 2015 (в печати).

Труфанова И.В. Тип повествования в романе В.В. Набокова «Машенька» // European Social Science Journal. – 2013. – № 1. – С. 187–200.

Тынянов Ю.Н. Проблема стихотворного языка. – М.: Сов. писатель, 1965. – С. 77–194.

Шаповалов М. Король поэтов. Игорь Северянин. Страницы жизни и творчества (1887–1941). – М.: Глобус, 1997.

*Канд. филол. наук М.В.Яковлев (Орехово-Зуево)
mihaelramblerru07@rambler.ru*

МЕТАМИФОЛОГИЯ ЯЗЫКА В ПОЭМЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО «ГЛОССОЛАЛИЯ»

Данные материалы являются маленьким фрагментом моей монографии «Религиозное откровение в поэзии Андрея Белого» [5] и входят в раздел «Метамифология языка в поэме «Глоссолалия», к которой я и адресую заинтересованного читателя [5, с. 132 – 175].

Итак, как в и мифологическом сознании, где реализуется неразличение мира иного и мира земного в «Глоссолалии» А.Белого выявляется *тождество микромира личности и макромира космоса*, концептуально реализуется *символическое тождество субъекта и объекта*. Автор заявляет: «Ушел к себе в рот подсмотреть мироздание речи: я буду рассказывать сказку, в которую верю, как в быль; сказка звуков пройдет: пусть для вас она – сказка; а для меня она – истина; *дикую истину* звука я буду рассказывать» [2, 18, с. 13].

Структурно импровизации «Глоссолалии» построены по «гнездовому» принципу. Они напоминают статьи *этимологического* словаря. На фонетическое корнесловие поэт нанизывает образные ассоциации. Перечисление созвучий организуется как связанное высказывание, как поэтическая фраза, как эзотерическое суждение о мире, как откровение.

Основным постулатом «Глоссолалии» является представление о том, что в языке заключается некая тайна. А. Белый противопоставляет «смыслы звучаний», «образы слова» и «понятийный смысл» [2, с. 2]. Тайна языка обозначается развернутой метафорой: поэт сравнивает «огненное» состояние земли и тонкую земную кору, покрытую травой. Так и в слове есть «буря расплавленных ритмов звучащего смысла», который оказывается «утаен»; верхний пласт –

«слово-образ (метафора)». Понятия – еще более позднее образования – «понятийный корост обстал образ слова» [2, 2, с. 3].

При этом «образ» есть «процесс разрушения звука» [Там же]. Все слова для поэта – напоминания о «звуке старинного смысла». Эту первооснову словесного космоса он выявляет при помощи «ясновидящего сознания», которое пропагандировал в своей среде Р. Штейнер.

Почему А. Белого интересует происхождение звука?

Автор «Глоссолалии» пытается приблизиться к тайне Богоприсутствия в мире через Звук, точнее, через то, что за звуком – через Дыхание Божие, сотворившее мир Словом. И мир в этом смысле тождественен, соприроден Слову, Звуку, Дыханию Бога. Космос Слова, имеющий своей первоосновой Звук, сохраняет в себе Божественное Дыхание, которое есть Энергия и Смысл Бытия.

Поэтому и слышимый человеческим ухом звук оказывается тем изначальным смыслом, который возникает под действием выдыхаемого воздуха. Поэт сравнивает язык как орган артикуляции с танцовщицей, рот называет «огромнейшим Космосом» [2, 1, с. 3]. Сам механизм артикуляции в поэме становится предметом метатфористики, образной гносеологической цепочки, антропософской *имагинации* – облечения опыта в образы. Вспомним его метафорическое «путешествие» в свой собственный рот.

Собственно, Андрей Белый как теоретик и практик гносеологического символизма пытается воссоздать некую методику понимания сакрального языка, исходя из того, что и «образный» и «понятийный» уровни смысла вторичны по отношению к «звуковому». Эта техника у антропософов также называлась *инспирацией*. Штейнер сравнивает ее с «чтением сокровенного письма» [4, с. 226]. По этой терминологии, текст «Глоссолалии» и строится как *чтение сокровенного письма*, как антропософская инспирация, выходящая на уровень *интуиции*, понимаемой Штейнером как «вживание в духовное окружение» [Там же, с. 252]. Такое «вживание» становится источником *откровения*.

Поэт утверждает: «Так еврейское «берешит» и немецкое «Anfang» дают две картины: пылающий блесками мир; и – Элогимы под ним; это вскрыл Рудольф Штейнер <...> И некий космический человек «Adam Kadmon» (ad-ad-amon) (в мысли божественной, в «Мапа», звучит по-немецки; «В начале всего»).

Звук «aman» включает мысль разума (mana), любви (ame), жениха (Mann); Начало сошло с Концом; юдаизм с христианством; картины и звуки иные: жест смысла – один» [2, 17, с. 13].

Заметим, что анализируемое здесь А. Белым единство имеет и другие смысловые векторы: «aman» – это еврейское молитвенное «аминь», то есть «истинно», и однозвучное с ним еврейское «эмуна», то есть «вера», которая понимается как «верность». В свою очередь это звукосочетание тождественно индуистской медитативной моносиллабе «Ом», обычно обозначающей Божественный Первозвук или даже имя Бога, о чем А. Белый упоминает в другом месте [2, 53, с. 34]. То же звукосочетание французский мифолог Р. Генон в исследовании «Царь мира» связывает с апокалиптическим именованием Бога «Альфа» и «Омега» [3, с. 768].

Действительно, греческие буквы также воспроизводят моносиллабу «Ом» или «а-ом» то есть «α» и «ω». То же созвучие обнаруживается и в аббревиатуре «Ave Maria». А поэт замечает, что словосочетание *Дом Ома* — Дом Божий — созвучно слову *дама* [2, 53, с. 34]. В самом деле, *видение* Небесного Иерусалима (Откр. 21:1) в апокалипсисе сравнивается с невестой и женой Агнца (Откр. 21:9) и предваряется знаменитым видением *Жены, облеченной в солнце* (Откр. 12:1).

Сходятся не только иудаизм с христианством, как замечает автор «Глоссолалии», но также индийская древность оказывается созвучной апокалиптическому будущему в греческой, новозаветной огласовке. Напомним эти слова: «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь» (Откр. 1:8). В другом месте Голос Откровения именуется «Аминь»: «...так говорит Аминь, свидетель верный и истинный, начало создания Божия» (Откр. 3:14). Священный Круг Мироздания смыкается и выявляется в Голосе Всеединства.

Результатом звуковых медитаций поэмы в целом становится прямое апокалиптическое пророчество. Поэт привносит в него характерный *филологический* смысл. Вместо общецерковной *Парусии* — Второго Пришествия Христа, в финале поэмы он провозглашает своеобразное «лингвистическое откровение» — Второе Пришествие Слова: «Да будет же братство народов: язык языков разорвет языки; и — свершится второе пришествие Слова» [2, 75, с. 53]. Эти последние слова поэмы воспринимаются как ее текстуальный и неомифологический итог.

Литература

1. Андрей Белый. Глоссолалия / А.Белый. Томск: «Водолей», 1994. 64 с. Далее поэма цитируется по тому же изданию с указанием раздела и страницы.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. С параллельными местами. Издание Московской Патриархии. М., 1990. 1376 с.
3. Генон Р. Кризис современного мира. М.: Эксмо, 2008. 784 с.
4. Штейнер Р. Очерки тайноведения. Ереван: Ной, 1992. 156 с.
5. Яковлев М.В. Религиозное откровение в поэзии Андрея Белого: монография. Орехово-Зуево: МГОГИ, 2013. 180 с.

ОПЫТЫ ИНТРОСПЕКЦИИ *ПОЭТОВ И ПИСАТЕЛЕЙ*

Věra Kopecká, Česká republika
Вера Копецка (Республика Чехия)

Сначала обо мне. Родилась в 1951 году в Турнове, жила в Яблонце над Нисой в северной Чехии.

В 1975 году закончила Университет Карла в Праге, по специальности учитель математики и начертательной геометрии. Проработала в школе учителем более 30 лет. Вот уже двадцать лет живу в городке Броумов, около границы с Польшей.

Пишу стихи со студенческих лет. Успешно участвовала в конкурсах, публиковалась в журналах. В свет вышли 20 томиков моих стихов. Кроме того, переводила стихи польских поэтов, русской поэтессы Екатерины Полянской, вьетнамского поэта Лам Гванг Мы – он живёт в Польше и публикуется на польском языке. Переводы издала в 8 томиках и несколько антологиях.

С 2010 года являюсь членом общества чешских писателей и заместителем председателя союза писателей восточной Чехии.

Интересует меня и фотография. Выставки моих фотографий состоялись в библиотеках Пардубиц, Градца Кралова, Яблонца над Нисой, в Йичине, Находе, в Польше (Свидницы, Валбрzych, Новая Руда и другие города). Своими фотографиями иллюстрирую книги и свои, и своих коллег.

Участвую в международных фестивалях поэзии, на пленэрах в Чехии и Польше.

Уже 16 лет организую фестиваль Дней поэзии в Броумове, четыре года тому назад гостем фестиваля была Е. Полянская из Петербурга.

Интересуют меня старинные, традиционные техники рукоделия, некоторыми из них занимаюсь активно.

Приведу несколько своих стихотворений (перевод на русский Ирины Малинской).

Věra Kopecká

Вода

Я – вода
ускользающая сквозь пальцы
когда хочешь напиться

Ранясь о камни
убегаю между берегами
и падаю на твои ладони

Падаю и падаю
на твои плечи

Колодец

Одиночество – колодец
без дна
Вода холодная
свежая и прозрачная
Её глоток бесценен
в знойный день

Горе тому
кто упадёт в колодец

* * *

Гладь воду
будет твоя

Схвати
и она ускользнёт

* * *

Тень грусти
на твоей ладони
Кто-то разбил
надежды
Там где притаилось презре-
ние
слова еле
согреют любовь

* * *

Мы так привыкли
к благополучию
что уже не слышим
как грохочет
пустота в душе

* * *

Потрёпаная голая правда
у позорного столба стояла
выставленная на посмешище
Не золото
а одна соль

* * *

Время не иссякнет
в часах укрытых в башнях
Пришла пора его замедлить
до мгновения когда уйдём
в небытие

* * *

Точёный месяц
скрылся в ветках
рыжим апельсином
А под кожей
Кто знает...

* * *

Время замедлило шаг
хрупкое в своих сновидениях
засмотрелось на звёзды
Споткнулось о корни
Было и больше нету

О тишине

Тишина – это память об ушедших
обездвиженно спящих под надгробием

Тишина и лишь тишина перекричит
колокола умолкшие на башнях
тщеславные просьбы неверующих

Тишина ступает осенним туманом
босыми ногами на пальцах по мху

Тишина воцарилась в опустевшем доме

Тишина ожидает и меня
когда неслышно отдам
последний выдох

* * *

Как вода сквозь пальцы
всё время что-то от меня уходит
Как игрок
за минуту счастья
платит годами жизни

* * *

Копаясь в словах
Бывает самоцветы нахожу
И обувь полная песка
и пальцы изранены
а золота как не было так и нет

Рассвет

Раскрылось утро, как цветок
и солнца свет на лепесток
упал, сплывая каплей мёда.

А на опушке, греясь в свете,
ещё грустит, проснувшись, лес.
Зелёным вихрем кружит ветер –

Время не иссякнет
в часах укрытых в башнях
Пришла пора его замедлить
до мгновения когда уйдём
в небытие

чертополох, стоптавши здесь.
Бесстыже быстрый взгляд бросает
под платья белых балерин.
Воздушных змеев в высь вздымает
Своим дыханьем ледяным.

* * *

Старую высмеяную истину
никто не защитит сегодня
Исчезнет как и время

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редколлегии.....	3
Общепсихологические и общелингвистические аспекты проблемы <i>язык и мышление</i>	4
Проблемы языка и мышления в генетическом и сопоставительном аспектах	4
<i>Канд. филол. наук Ван Минци (Линьи, Китай)</i> МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОБРАЗА СОБАКИ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ.....	4
<i>Доктор филол. наук Н.В.Дмитрюк, канд. филол. наук Г.А.Темирбекова (Шымкент, Казахстан)</i> ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВНУТРИЭТНИЧЕСКИХ СОПОСТАВЛЕНИЙ В ПСИХОЛИНГВИСТИКЕ.....	6
<i>М.В.Маравина (Ульяновск)</i> ИНВАРИАНТНЫЕ И ВАРИАТИВНЫЕ ЧЕРТЫ ПОСЛОВИЦ НА СИНТАКСИЧЕСКОМ ЯРУСЕ	8
<i>Докт. филос. наук А.А. Кретов (Воронеж)</i> КОМПОЗИТЫ В РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ.....	10
<i>Асп. А.С.Морозова (Ульяновск)</i> ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В БРИТАНСКИХ И РУССКИХ НАРОДНЫХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ	14
<i>Соискатель И.И.Тукаева (Ульяновск)</i> ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ СОЦИОТИПИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ПЕРСОНАЖЕЙ <i>ВОЛКА</i> И <i>ЛИСЫ</i> В РУССКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКЕ.....	16
<i>Канд. филол. наук Н.А.Филатова (Орехово-Зуево)</i> К ВОПРОСУ ОБ ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВАХ И ИХ РОЛИ И МЕСТЕ В ЗАИМСТВУЮЩЕМ ЯЗЫКЕ	23
<i>Докт. филол. наук Л.М. Шатилова (Орехово-Зуево)</i> ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ КАТЕГОРИЙ ЭКСПЛИЦИТНОСТИ И ИМПЛИЦИТНОСТИ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА	24
<i>Канд. филол. наук О.В.Шестакова (Пермь)</i> СПЕЦИФИКА НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (На материале ономотопеи).....	26

Логико-структурные аспекты проблемы язык и мышление	29
<i>Асп. Н.И.Думнова, к.пс.наук Д.В.Солдатов (Орехово-Зуево)</i>	
ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ	29
<i>Канд. филол. наук А.Ф. Калинин (Балашов)</i>	
РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ СТРУКТУРНОГО ТИПА ПРАЗДНИК НЕ В ПРАЗДНИК (Основные аспекты)	31
<i>Канд. филол. наук О.А. Касаткина (Орехово-Зуево)</i>	
ПОВТОРНАЯ НОМИНАЦИЯ И СМЫСЛОВАЯ СТРУКТУРА ВЫСКАЗЫВАНИЯ	38
<i>Канд. филол. наук И.Г.Родионова (Пенза)</i>	
РОЛЬ СИНТАКСИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА	39
В АКТУАЛИЗАЦИИ СЕМАНТИКИ ИНДИКАТИВА С ЧАСТИЦЕЙ БЫЛО	39
Динамические аспекты проблемы язык и мышление	42
<i>Канд. психол. наук Т.В.Зеленкова (Орехово-Зуево)</i>	
ЛЕКСИЧЕСКИЕ И СТРУКТУРНЫЕ МАРКЕРЫ ДЕТСКОЙ КРЕАТИВНОСТИ	42
<i>Асп. Ю. В. Капрянцева (Ульяновск)</i>	
ОПТИМИСТИЧНОСТЬ И ПЕССИМИСТИЧНОСТЬ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В АСПЕКТЕ «ЛОКУСА КОНТРОЛЯ»	43
<i>Докт. филол. наук Т.С.Кириллова, Т.В.Соколова (Астрахань)</i>	
НЕЙРО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПРОГРАММИРОВАНИЕ И РЕЧЕВОЕ ОБЩЕНИЕ	48
<i>Канд. психол. наук М.Н.Усцева, студент Д.Л.Глухов (Орехово-Зуево)</i>	
ВЗАИМОСВЯЗЬ СТРЕСС-СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ И ПРАКТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ	50
Функциональные и педагогические аспекты исследования языка и мышления	53
<i>Канд. филол. наук Л.И.Батурина (Recife, Brazil)</i>	
БИЛИНГВИЗМ. ЧТО, КОГДА, КАК, ЗАЧЕМ? (ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ ЗА ДЕТЬМИ-БИЛИНГВАМИ)	53
<i>Докт. филос. наук А.А.Гагаев (Рузаевка), докт. пед. наук П.А.Гагаев (Пенза)</i>	
ПРОБЛЕМА МАТА В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ И ОБЩЕСТВЕ	65
<i>Канд. филол. наук М.Г.Луннова (Пенза)</i>	
ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПОМИНАНИЙ ПЕНЗЕНЦЕВ – УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	67

<i>Канд. психол. наук С.В.Солдатова (Орехово-Зуево)</i>	69
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ БАРЬЕРЫ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ОБЩЕНИИ И СПОСОБЫ ИХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ	69
<i>Канд. филол. наук А.А. Штеба (Волгоград)</i>	72
РОЖДЕНИЕ ЭМОТИВА	72

Проблемы языка и мышления

поэта и писателя	74
-------------------------------	----

Проблемы языка и мышления поэта и писателя

в генетическом и логико-структурном аспектах	74
---	----

<i>Канд. филол. наук М.И.Агиенко (Кемерово)</i> АВТОРСКАЯ МЕТАФОРА В СВЕТЕ КОГНИТИВНОЙ ТЕОРИИ	74
---	----

<i>А.Д. Гимаева (Ульяновск)</i> ПРОДЛЁННЫЕ ЗВУКИ КАК ВЫРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ ИНТЕНСИВНОСТИ (На материале романа М.А. Шолохова «Тихий Дон»).....	75
--	----

<i>Докт. филол. наук А.В.Пузырёв,</i> <i>студентки М.Андреевко, А.Григорян (Орехово-Зуево)</i> ДЕТСТВО ИЗВЕСТНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ И ОБЪЁМ ИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ	77
---	----

Динамические и функциональные аспекты исследования

языка и мышления поэта и писателя	92
--	----

<i>Канд. фил. наук О.А. Астафьева (г. Орехово-Зуево)</i> СИСТЕМА ФОРМ ПЕРЕДАЧИ ЧУЖОЙ РЕЧИ В РАССКАЗАХ А.И. КУПРИНА	92
--	----

<i>Докт. филол. наук С.Г.Воркачев (Краснодар)</i> СМЫСЛ ЖИЗНИ В ПРОЗЕ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА	94
--	----

<i>Канд. филол. н. Т.А. Колоскова (Орехово-Зуево)</i> К ВОПРОСУ О РОЛИ ЦВЕТОВОЙ ЛЕКСЕМЫ «СИНИЙ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ	95
---	----

<i>Докт. филол. наук Н.А. Красавский (Волгоград)</i> КЛЮЧЕВЫЕ КОНЦЕПТЫ СТЕФАНА ЦВЕЙГА: КРИТЕРИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И СПОСОБЫ ВЕРБАЛИЗАЦИИ	97
--	----

<i>И.В.Крашенинникова (Ульяновск)</i> РЕЧЕВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕСНЯХ ВОЕННЫХ ЛЕТ (1941-1945 ГГ.) И В ПЕСНЯХ НАШЕГО ВРЕМЕНИ	99
--	----

<i>Канд. филол. наук. С.Б.Кураш (Мозырь, Беларусь)</i> К ПРОБЛЕМЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ АМБИВАЛЕНТНОСТИ КОНЦЕПТА «МЕТАФОРА» В РАЗНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА	101
---	-----

<i>Канд. филол. наук Н.М. Леонова (Видное)</i>	
ОБРАЩЕННОСТЬ ВНУТРЕННЕЙ РЕЧИ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ (НА ПРИМЕРЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ).....	103
<i>Докт. филол. наук А.В.Пузырёв, студ. Ек.Раевская (Орехово-Зуево)</i>	
О КЛЮЧЕВОМ ЭЛЕМЕНТЕ РОМАНА М.СЕМЁНОВОЙ «ВАЛЬКИРИЯ»	104
<i>Докт. филол. наук А.В.Пузырёв (Орехово-Зуево)</i>	
ПЕСНЯ И ЗАКОН РАВНОВЕСИЯ	113
<i>Канд. филол. наук С.Л.Фесенко (Москва, Россия)</i>	
ЭСТЕТИКО-ВЕРБАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА В ПРОИЗВЕДЕНИИ А. АЗОЛЬСКОГО «ДИВЕРСАНТ» КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ.....	121
<i>Докт. филол. наук Г.Г. Хисамова (Уфа)</i>	
МЕДИТАТИВНЫЕ ВОПРОСЫ В ПОЭЗИИ М.Ю.ЛЕРМОНТОВА	122

Идиостиловые аспекты проблемы

язык и мышление поэта и писателя124

<i>Канд. филол. наук А.В. Блохин (Орехово-Зуево)</i>	
ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИДИОСТИЛЯ Л.Н.ТОЛСТОГО (На материале романа «Воскресение»).....	124
<i>Д. филос. н. А.А. Гагаев (Рузаевка), д. пед. н. П.А.Гагаев (Пенза), О.В.Бочкарёва (Рузаевка).....</i>	126
О ЗАИМСТВОВАНИИ Н.В.ГОГОЛЕМ СЕМАНТИКИ Г.С.СКОВОРОДЫ (210 лет со дня смерти великого русского и украинского писателя).....	126
<i>Канд. филол. наук Э.А.Лаврова (Орехово-Зуево)</i>	
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАССКАЗА «ПРО КОТА КОТОВИЧА» Е.ПОПОВА.....	143
<i>Докт. филол. наук И.В.Приорова (Астрахань)</i>	
«ВЕСТНИЧЕСТВО» М.Е.САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА В «РОЗЕ МИРА» Д. АНДРЕЕВА	144
<i>Докт. филол. наук Л.А.Сергеева (Уфа)</i>	
ОСОБЕННОСТИ ОТОБРАЖЕНИЯ РЕФЕРЕНТНОЙ СИТУАЦИИ В РАССКАЗАХ А.П.ЧЕХОВА	146
<i>Докт. филол. наук И.В.Труфанова (Москва)</i>	
СЕВЕРЯНИНСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В ПОВЕСТИ В.В.НАБОКОВА «ВОЛШЕБНИК»	151
<i>Канд. филол. наук М.В.Яковлев (Орехово-Зуево)</i>	
МЕТАМИФОЛОГИЯ ЯЗЫКА В ПОЭМЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО «ГЛОССОЛАЛИЯ»	157
Опыты интроспекции поэтов и писателей.....	160
<i>Věra Korpová, Česká republika</i>	160

Оглавление	163
-------------------------	------------

Научное издание

**Язык и мышление:
Психологический и лингвистический аспекты**
Материалы XV-й Международной научной конференции
(Орехово-Зуево, 13-15 мая 2015 года)

Ответственный редактор *А.В. Пузырёв*
e-mail: puzyrev-a-v@yandex.ru

Печатается в авторской редакции

Электронный набор *А.В. Владимиров*
Компьютерная вёрстка *А.В. Владимиров*

Подписано в печать 28.04.15.
Формат 60x84/16.
Уч.-изд. л. 10,7. Усл. печ. л. 9,7.
Тираж 100 экз. Заказ 01.05.15

Отпечатано с готового оригинал-макета
в РПК «Гранд»
Адрес: 142605, Россия, г. Орехово-Зуево, ул. Ленина, 99.
Тел. (8496)413-71-17.